

3.1735 036 014 839

ЛЕВИ

ТАКОЎ СМЕШНОЎ КОРОЛЬ!

Повесть третья

HILL
PG3483
E82T36
1989
пов. 3

АХТО ЛЕВИ

**ТАКОУ
СМЕШНОУ
КОРОЛЬ**

Повесть третья

КАРКАН

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1991

ББК 84Р7—4
Л36

Л $\frac{4702010201-12}{M172(03)-91}$ 100—91

ISBN 5—239—01217—2

ББК 84Р7—4

© Ахто Леви, 1991

ГЛАВА I

Король бежал по дороге, Франц рядом перелетал с дерева на дерево, иногда опережая бегуна, иногда отставая. Франц — ворона, а какого пола, мужского или женского, было неизвестно. Король как-то спросил у Элмара с хутора Нуки, как можно определить пол Франца — Элмар все-таки специалист по воронам. Но и специалист ничего путного не смог объяснить, сказал только, что яйца высиживает ворона, а ворон этим не занимается. Еще уточнил, что ворон, то есть «муж» вороны, не торопится обеспечить свою семью пропитанием, пока «жена» сидит на яйцах, и, если что и достанет, сам все и проглотит. Свою воро-

ну Король прозвал Францем из-за ее сходства с денщиком майора Майстера, приходившего в небесно-синий дом в немецкое время; этого денщика окрестили Францем где-то во Франкфурте неизвестно когда.

Король и с Иваном советовался, как установить все-таки пол своей вороны, но и Иван не помог, даже наоборот: у него с воронами вообще вышла путаница, он и каарена (по-эстонски «черный ворон») называл вороной, хотя каарен есть каарен, а ворона — это ворона. Ориентируясь исключительно на сходство с Францем из Франкфурта, Король и решил вопрос. А сходство имелось точное: Франц — немолодой немец с длинными седыми волосами, падавшими всегда на черные с густыми бровями насмешливые глаза. Его большой рот с выпяченными губами, когда раскрывался, извергал хриплые, ревущие звуки, а длинноватый прямой нос напоминал клюв. Был всегда взлохмаченным, этот Франц, шинель на нем топорщилась, и это удивительно, учитывая, что родом он из Франкфурта. Что стало с этим Францем, Король не знал, пернатый же Франц пристал к Его Величеству давно, и установились между ними престранные отношения.

Первый раз они встретились недалеко от хутора Кури-Мури в деревне Розвальни. Король обратил внимание на крупную серую взлохмаченную ворону, сидевшую на заборе и с весьма наглой усмешкой следившую за ним. Он тогда сразу обратил внимание на сходство наглой птицы с денщиком майора Майстера. Но у Короля были срочные дела, и он пошел своей дорогой. Ворона, однако, полетела за ним. Она то опережала его, то отставала, садилась на забор, или на камень, или на ветку дерева и ждала; минует ее Король, она опять за ним, опять обгонит и ждет, изредка каркнет в точности голосом денщика Франца. Король принялся бросать в нее чем попало — палками, камнями, — она лишь поднималась выше на дерево и от-

туда каркала издевательски, словно хохотала. Наконец она отстала и исчезла, и Король о ней забыл. Но много ли, мало ли миновало дней, он опять встретил ее на заборе. Встречи стали повторяться. Это стало забавлять Короля, и, уже когда Франца долго не было, он даже скучал.

Обычно находясь где-нибудь один в пути, Король мысленно беседовал с Марви или с Вилкой. С появлением Франца стал разговаривать и с ним. У человека должны быть достойные собеседники, но таковых не везде можно найти. Король не сказал бы, что беседы с Францем были дружескими. Похоже, Франц над ним все время издевался, смеялся или даже ругался. Не ворона, а черт пернатый.

Король почти всегда передвигался бегом. Порою казалось, и вороне нелегко за ним угнаться. Когда же он думал о жизни, то обычно шел не спеша. Ведь когда бежишь — не думаешь. Сейчас же, несмотря на то, что думать было о чем, ноги несли его в наступающую вечернюю темень на предельной скорости, так что болтать с вороной было некогда. Снежная дорога в сумраке синела под ногами, ельник рядом казался черным. Но он кончился, и ворона отстала.

Король мчался в направлении города. Еще не поздний час, но зимою темнеет рано. Правда, луна над островом светит ярче, чем где бы то ни было на свете, и звезды огромные, а потому порою красиво очень, и не заметить этого нельзя, даже когда бежишь. Рассказывали моряки, что самые большие звезды в Африке. Он там не бывал — мечтает когда-нибудь побывать, но звезды... Нет, самые красивые они здесь — над Островной Землей.

Он бежал легко, хотя преодолел уже приличное расстояние: из деревни Рэо девять километров. Бежит, пока не захватит дух, тогда метров двести шагом и опять в бег. Такой способ передвижения стал для

него привычным. Ему нравилось так перемещаться по земле не потому, что Арви Сверчок назвал его однажды непропорциональным — бег пропорций не выравнивает — и не потому, что думать ему надоело, тем более что думать о жизни стало постоянной необходимостью, — он стал передвигаться бегом от инстинктивного стремления больше успеть во всем доступном.

Сейчас Король так торопился потому, что в Рэо увидел такое, чего разум объяснить не в состоянии, о чем необходимо скорее рассказать Алфреду или... Кому еще? Был бы жив Тайдеман... Единственно Маленькому Ивану и остается. С вороной поделился — та лишь захохотала... Дура она, эта ворона. То есть дурак, если Франц.

В том, что Король, следуя из Звенинога, очутился в Рэо именно в тот час, когда истребительный батальон производил там облаву, не было ничего удивительного — облавы были не редкостью, люди к ним привыкли, и к тому, как все в их жизни чередуется: то истребительный батальон рыщет, то немецкая самооборона ищет, то опять истребительный батальон... Это стало нормой жизни, тем более что только-только одна власть сменила другую. Так и для Его Величества Короля в этом факте ничего удивительного не было. Но он увидел людей, которые потрясли его своим своим существованием, особенно один, о котором Королю было известно, что он давно уже... Одним словом, с людьми истребительного батальона Король увидел Векшеля, а с ним бывшего старшего инспектора криминальной полиции господина Лыхе.

Векшель?! Как такое может быть? Разве не собственными глазами видел Король этого господина у острова Лаямадала под водой в водорослях с веревкой на шее? Но вот он — в Рэо с этим полицейским, Лыхе.

С возвышенности Тахула он бежал легко и мчался без передышки до поворота на Лейси, еще немного —

и он в городе. Уже пошли первые дома, расположенные за чертой города, хотя целых домов здесь осталось мало: по обеим сторонам шоссе источали запах гари руины. Но вот Король добежал до места, где когда-то в дорожной пыли нашел человеческую руку... Отсюда уже начинался город Журавлей.

Впереди небольшой строй русских солдат молча шагал к центру, наверное в казарму. Механически про себя отметил: «Спать идут». Король обогнал их — что ему стоило! Прибежал на улицу Малая Гавань к старому деревянному двухэтажному дому, запыхавшись, вбежал по скрипучей лестнице на второй этаж, постучал в единственную желтого цвета дверь, но ему не открыли. Он стучал еще и еще — за дверью молчание. Следовательно, ни Алфреда, ни Земляники, ни даже Йентса в квартире нет. Значит, если ему приспичило кому-нибудь рассказать о своем потрясении, необходимо бежать дальше — на Кривую улицу.

Но почему именно здесь за желтой дверью искал он Алфреда? Как же небесно-синий дом, как же торжественная комната? В торжественной теперь проживала семья русского военнослужащего. И почему бы им там не жить? Раз дом пустует... Ведь во все пустовавшие дома и квартиры заселялись новые жильцы, не обязательно русские, но и эстонцы, которые пришли на Остров с фронтом и здесь остались.

А если в этих домах оказались чьи-то вещи или мебель — не выбрасывать же! Тем более хорошие вещи, красивую мебель. Владельцам этих домов жалко было оставлять красивую мебель и хорошие вещи, но они предпочли пуститься в скитания по белому свету, захватив лишь самое необходимое, а тогда к кому и какие могут быть претензии?

Правда, в небесно-синем доме мало что осталось — Алфред успел тайком вывезти отсюда все нужное на Сааре, в Карула, часть же на улицу Малая Гавань,

где у бывшего церковного служителя нанял на время маленькую квартиру, поскольку сам церковный служитель, оказавшись не у дел, предпочитал отсиживаться в деревне.

Алфред с Вальве тоже сначала скрывались на ее хуторе, но, на его беду, здесь нашлись люди, знавшие о его службе в самообороне. Они не выказывали Алфреду враждебности, понимали, что многие служили как немцам, так и русским не из-за политического расположения, а чтобы живу быть. А в данном случае проявлялось любопытство к его связи с Земляницей, которую знали как весьма пикантную женщину: интересно все же, возьмет Алфред ее насовсем или как?

Алфреду такое внимание со стороны односельчан Земляники представлялось опасным — мало ли что! Сегодня просто любопытство, а завтра?.. Могут возникнуть какие-то обстоятельства: или сама Вальве с кем-нибудь повздорит, и ей захотят навредить; или кто-нибудь случайно проболтается, намекнет кому следует, и неизвестно тогда, как обернется. Лучше жить там, где тебя не знают. Но где на Острове отыскать такое место? Он решил рискнуть, поселиться под носом у властей: и в большой массе людей тоже можно быть незаметным, если не высовываться. Кому придет в голову, что он в Журавлях? Что же до Вальве, она человек малозначительный, на ее присутствие в городе не очень обратят внимание.

Так представлялось Алфреду. Это не значит, что он перестал искать более идеального выхода — не находил. В городе хоть не будут посещать Вальве эти несчастные страдальцы: в деревне она гадала на картах — ее любимое занятие в свободное время, которого у нее оказалось в изобилии. При немцах пасьянсы не столь усердно раскладывала: запрещалось. Так и случилось, что поселились они на Малой Гавани, но без Короля.

Уже известно, что Йентс и Король — несовместимы. В этом-то и дело. Но не только...

Его Величество значительно повзрослел с того дня, когда впервые увидел целующихся Алфреда и Землянику, ему скоро исполнится тринадцать, он уже многое видел в жизни и многое в состоянии понять. Поэтому-то стало неловко Алфреду жить с Земляницей в присутствии Его Величества. А как быть?

И Король сам за Алфреда эту задачу решил: он объявил, что хочет жить на Сааре. А что могло быть более естественным, чем такое желание! Вероятно, Алфред догадался о действительной причине высочайшего пожелания, потому что Король, державшийся в присутствии Вальве хоть и корректно, как и подобает воспитанному человеку, тем не менее оказался душевно недосыгаем для нее, как и для Алфреда, кстати.

Он относился к взрослым даже деликатно, но в то же время отчужденно, так что было очевидно: они, взрослые, — сами по себе, он — сам, отдельно. Когда Вальве высказала свои соображения на этот счет, Алфред словно удивился:

— Да что ты?! Мал он еще, обойдется со временем.

А как, собственно, обойдется? Когда сам Алфред не мог уже сказать относительно себя и Вальве что-нибудь определенное? Может, из-за ее дурацкой манеры обсуждать с ним свои бесконечные бабские идеи касательно платьев, юбок, фартуков, которые она себе шила на старенькой ручной машинке: «Отсюда, видишь, соберу — здесь тогда опустится, чтобы со сборками...» Или: «Вот таким сделаю перед, здесь зигзаги, здесь перекрутится и будет лежать свободно, с боков затянется, а зад...» И она вертится перед его носом, демонстрируя собственные изделия. На кой черт это ему? Он в свое время помогал Хелли кроить, но то

были нужные в семье вещи, здесь же... Какое ему дело до каких-то сборок! Который раз ловил себя Алфред на мысли, что не так уж не правы немцы, оставившие женщинам кухню, детей и церковь... Чтоб не путались в мужских делах, хотя дела... Эх, не надо было учить ее шить на машинке...

Алфред отпустил Короля жить на Сааре. Но там он тоже никому не был нужен. И Король понял, что свободным может считать себя тот, кто нигде и никому не нужен.

На Сааре тогда жили только Юхан с Вилкой. Бывая здесь, Король бегал в окрестностях с собакой. Они навещали старую Иду на хуторе У Большой Дороги, с Элмаром искали патроны в лесах вдоль Сухоместового шоссе. Патроны нет-нет да и попадались, поскольку их не касались статьи в газетах, в которых печатались распоряжения и призывы к населению, чтобы очищали леса и поля от мин и другого взрывного материала. Ведь не станет же старая Ида рыскать по полю с граблями, чтобы обезвреживать мины, а больше вроде некому, поскольку военные искали в лесах не мины, а... людей.

Питался Его Величество чем Бог послал: то салакой в рассоле и черным хлебом,— единственное, что имелось у Юхана, то у Элмара перехватит что-нибудь, то у Иды вареной картошкой угощался или мучной кашей. Надо сказать, из всех королей мира Люксембургский — самый неприхотливый в питании, обходился даже без личного повара, что у королей не было принято.

О еде и едоках особенно обожал толковать старый Зайцев на Большом Ару, когда ему удавалось завладеть вниманием Короля. Он рассказывал всяческие истории об обжорах и всегда забывал, что какую-то историю уже рассказывал:

— Жил один римский обжора, Лукулл Лукулло-

вич,— начинал он всякий раз,— ел из золотой посуды, а рядом стоял золотой тазик и...

— Петушиное перо, им слуги щекотали его глотку, чтобы его рвало, а то другим блюдам не хватало места,— заканчивал обычно Король. После чего обоним было ужасно весело.

Ночевал Король на Сааре в большой комнате в постели Хелли и Алфреда. Здесь предавался чтению книг, журналов, даже довольствовался «Детской радостью», которая в давнее время доставляла ему и на самом деле большую радость. Когда же ему это надоедало, он уходил в большую жизнь, начинавшуюся каждое утро с появлением солнца где-то над деревней Розвальни. Вечером солнце исчезало за горизонтом в районе Брюквaoзера, совершив без малого полный круг; в соответствующее время года, разумеется.

Желтая дверь на стук Короля отвечала молчанием. Лунный свет слабо освещал лестничную площадку через небольшое окошечко, воняло мышами. Он сбегал вниз и направился в сторону Кривой улицы — в ателье Жоры Калитко, чтобы хоть с Иваном поделиться впечатлениями дня, ежели тот, конечно, не коротает время с Лилиан Вагнер.

Маленького Ивана постоянно тянуло к Лилиан, причем эта тяга привела Ивана Родионовича к трудно объяснимому, по мысли Короля, результату: к занятиям арифметикой! Невозможно такое понять, но факт есть факт. Когда Иван притащил к Калитко учебник арифметики и тетрадь с домашними заданиями, потрясенный Король потребовал объяснений:

— Что это значит?!

На Короля страшно было смотреть, его глаза в праведном гневе метали молнии.

Иван Родионович достал кисет из кожи антилопы,

как он уверял, не сумев при этом рассказать, что собой представляет антилопа и где обитает, но кисет у него был, и табак в нем наличествовал, и трубка небольшая. Он уже давно бросил возиться с сигарками, перешел на трубку. У Короля возникло подозрение, что и в этом не обошлось без влияния дома Вагнеров, поскольку отец Лилиан тоже курил трубку. Когда же Иван закуривал, то манерой держать трубку становился похожим на человека с огромного портрета в центре города, стоявшего на том месте, где когда-то находился бронзовый солдат с саблей в руке.

Набив коротенькую трубку, откашлявшись, Иван объяснил:

— Ей хочется, мне же не жалко. Пусть...

Король возмущен:

— Она тебя еще в школу завербует.

Иван пожал плечами, прежде чем подтвердить такое подозрение:

— Она хочет. Да когда это еще будет!

Король онемел от неожиданности. Затем принялся убеждать Ивана:

— Если я не люблю арифметику, значит, и школу не люблю. Как можно делать то, что не любишь! Но разве я из-за этого дурак?

— Да нет...

Его Величество продолжал нажимать, доказывая, что читает книги и знает о жизни больше, чем те, которые в школу ходят и от зубрежки дуреют, так что пригодны разве что для битья.

— А ты в учебники суешься! Это же только предлог, чтобы у Лилиан побывать,— пожурил Король товарища.

Иван, конечно, отрицал.

— В нашем колхозе кто образованный, тот жил как барин, других и за людей не считали... Одно слово — колхозник.

Король не имел представления о колхозе, разве что доводилось услышать от заседавших некогда в торжественной комнате гостей Алфреда.

— А у вас в колхозе тоже спали под одним одеялом? — уточнял Король. — И это... — хотел еще кое о чем расспросить насчет колхоза с «одним одеялом», но постеснялся.

— Да нет! — Короля озадачило это «да нет», он был не в состоянии уразуметь: да или нет? Но Иван задумался и продолжал: — Ну да, кто очень бедно жил, то конечно... Спали на печи, и одеял не густо...

Эх, был бы хоть Иван дома, размышлял Король на бегу. Город уже покоем в тиши, улицы пустовали, встречались редкие прохожие, за иными воротами раздавалось собачье предупреждающее рычанье, тут и там каркали вороны, пахло дымом — типичным запахом городов, где в домах печное отопление...

У Калитко Король чувствовал себя больше домашнему, чем с Алфредом и Земляницей. Когда они одно время жили все в Карула у матери Вальве, вечно всем недовольной, Алфред наставлял Его Величество:

— Все мы теперь в трудном положении, и ты должен относиться к Йентсу, как к брату.

Но Его Величество не мог относиться к ничтожному Йентсу, как к брату.

В ателье Калитко люди тоже собирались, как когда-то в небесно-синем доме в торжественной комнате. Чудаковатые люди, по представлению Короля. Особенно его забавляло, как двое русских, Калитко и Заморский, время от времени разговаривали между собой по-эстонски.

Заморский — художник, как и Калитко. У него при немцах тоже было ателье, теперь не стало, но почему

не стало — Король не знал, поскольку только наблюдал и не любил расспрашивать. Он по-прежнему предпочитал до всего доходить собственным умом. Заморский приходил к Калитко рисовать масляными красками большую картину, называл он ее «Мировая Истерия». С Калитко они вели беседы о жизни, о политике, о живописи. Заморского Король помнил еще с тех времен, когда тот только-только объявился в городе Журавлей. Он тогда часто встречался Королю — высокий и грузный, в коричневом костюме. Король поражался его манере ходить: на цыпочках.

Заморский передвигался по улицам, словно крался. Король с интересом следил за ним, надеясь увидеть, коснется он каблуками тротуара хоть раз, — не дождался.

Встречал он Заморского и в обществе других людей, мужчин и женщин, и установил, что между собой они говорили на языке, который ни на какой не похож; при немцах он встречался Королю с немцами и говорил по-немецки, в этом Его Величество уже разбирался, но всегда везде на цыпочках... Король не знал, что и думать — с какой планеты эта личность?

Он очень удивился, застав однажды Заморского у Калитко. Тогда-то, собственно, он и узнал, что этот странный тип есть Заморский, хотя никто ему не объяснил, что это означает. Надо сказать, что Жора Калитко говорил неплохо на родном языке Короля Люксембургского — на эстонском, но вместо «ты» он говорил «те», вместо «сюда» — «суйда», вместо «пришел» — «ушло» и так далее. Примерно так же великолепно объяснялся на эстонском и Заморский, которого никто не называл по имени. До чего же интересный получался у Жоры с Заморским говор, когда они оба спорили «по-эстонски»!

Часто бывали у Калитко красивая русская женщина, Ирина, и пограничный офицер Григорий. Что офи-

цер — пограничник, Королю разъяснил Маленький Иван: такая ярко-зеленая форма с двумя рядами пуговиц на кителе принадлежит только пограничникам. Приходили к Жоре и другие люди, главным образом одалживать керосин для примуса.

Когда к Жоре приходили гости, почти всегда распивали водку. Гости сидели в передней комнате за длинным дощатым столом, в это время в задней, где у Калитко расставлены топчаны, коротали время Иван с Королем, валяясь на «кровати» за картинами, на той самой, которую Иван называл нарами, что также для уха Короля звучало непривычно. Таким образом, первая комната в ателье Калитко стала для Короля своего рода «торжественной»: здесь также говорилось про жизнь, следовательно, отсюда исходила информация о ней.

Очень скоро смекнул Король, что Ирина с Григорием каждый раз остаются вдвоем в ателье, остальные один за другим уходят, последний Жора. Уходя, он и Короля с Иваном прихватывает, говоря:

— Ну-с, лежебоки! Давайте проветримся на ночь...

Так бывало и среди бела дня. Спрашивается: зачем проветриваться днем? Правда, днем Калитко обычно гонял их в замок: «Сбегайте, ребята, в свой склад, может, там еще табачок завалился».

Под складом разумелось родовое поместье Его Величества. Табак здесь уже давно не валялся, и об этом знали все — и Иван, и Король, и сам Калитко. То был предлог выпроводить их из дома. Король прекрасно понял: у Ирины и Григория любовь. Им необходимо прижиматься и тайно целоваться, но сада своего, как у Земляники, у них нет, вот и встречаются у Жоры.

Побывать в замке Королю всегда интересно. Казалось бы, что притягательного в нем? Вроде все здесь знает... А Иван? Он всегда с удовольствием провожал Короля. Едва оказавшись в стенах замка, Король пре-

ображался, становился значительным, даже по-своему величественным. Ему нравилось демонстрировать свое превосходство в знании как замка, так и всевозможных случаев из его истории, и держался так, словно сведения, какими был богат или какие выдумал, он получил как бы в наследство от своих предков — ушедших в иной мир давних владельцев замка; про герцога Магнуса говорил этак скороговоркой, называя его по-свойски просто Магнусом, словно какого-нибудь двоюродного-троюродного дядю. Кое-что он читал, кое-что слышал про шведских королей, имевших отношение к замку в Журавлях, и врал об этом безбожно, нес несусветную чушь. Как не соврать, когда эта ворона, темнота, то есть Иван, слушает, забывая закрыть рот...

Конечно, он счел возможным приглашать Ивана в свой замок как равного, потому что... Если честно признаться, других вассалов у него в данное время не было. Кроме того, очутившись без собственного двора, даже без повара, словно в изгнании, он был гостеприимно принят простыми людьми — народом в ателье Жоры, а ввел его сюда не кто другой, как Иван Родионович. Король Люксембургский не мог допустить, чтобы когда-либо в его адрес имелось основание сказать, будто он лишен благородства.

Табака и папиросной бумаги не хранили больше в замковой церкви — что подделаешь! Славно, что не ленился Иван, когда всего этого здесь хватало: он с помощью Короля натаскал большие запасы в ателье Калитко. Будучи в замке, Король попадал в машину времени и с ней в вечность — необъяснимое прошлое и таинство грядущего. Он даже не умел свои чувства расшифровать. Как-то пришла ему в голову фантазия остаться в замке на ночь: хотел сознательно испытать страх. Сначала страха не было. Потемнело. С моря дул сильный ветер, гудел в трубах, свистел в

разбитых стеклах окон, на других этажах, в башнях грохотало, что-то где-то скрипело, стонало словно человеческим голосом, и тогда пришел страх.

Вспомнились замученные люди, дурные запахи поразили обоняние, шумы ветра трансформировались в крики о помощи, врезались в уши, затрепетало сердце. Он взобрался на широкий подоконник, здесь в сырости и дрожал до утра. Несмотря на пережитые страхи, он понял: замок — самое любимое место для него во всем мире. Пусть лишь в фантазиях он его собственность, но ведь сюда нет входа другим, кому неизвестны только ему доступные лазейки.

Замок уже не стал запретным после возвращения на Островную Землю «марсиан». Островитяне, конечно, боялись, и Король боялся, что опять будут стоять везде матросы с винтовками, но нет — не стояли. Люди могли ходить везде. Но все равно боялись: сегодня часовых нет — завтра поставят, и все станет, как тогда...

Пока же ничего такого не наблюдалось. Из его бывших верноподданных в городе обнаружился только Свен. Проживал он все там же, на улице Моря. Но, странное дело, Свен сторонился Короля. Он шлялся по городу в обществе субъектов, одного из которых звали Деревянная Нога, что вообще не означало, будто он обладал деревянной ногой; другого звали Комсюк. Так прозвал этого долговязого самоуверенного парня народ Тори. Хотя какой уж тут народ!.. Сплошная мелюзга. В свое время Король их даже не замечал: он был уже королем, а эти еще писали в горшок. Но теперь уже и «эти» что-то из себя представляли. И народец этот прозвал Комсюка Комсюком за то, что он везде с апломбом заявлял, будто он комсомолец. Но что это такое — никто из людей Тори любого возраста не мог бы сказать. Непонятно, за какие достоинства Свен избрал такого своим сюзереном. Обь-

яснимо лишь то, отчего он стал сторониться Короля: несомненно, в связи с Алфредом и его службой в немецкой самообороне. Одним словом, Свен изменил ему.

С Иваном тоже не сразу до конца определились отношения, в основном из-за невоспитанности последнего, к чему можно отнести его скрытность, мнительность, сомнения по поводу каких-нибудь рассказов Его Величества. Выражалось это обычно так: Король что-то рассказывал, а Иван...

— Врешь, наверное!

Разве так можно? Разве не обидно? Разве не дерзость? Естественно, тут же следовало наказание, то есть оплеуха. Другие в таких случаях, Свен к примеру, извинялись, обещали больше не вызывать гнев Его Величества. Этот же стал сопротивляться!.. В результате после выяснения отношений Король и воспитуемый оказывались порядочно потрепанными, с синяками и царапинами, бывало даже что-нибудь разорвано из одежды.

Королю потом становилось стыдно собственной горячности и того, что он применил силу к меньшему, значит, более слабому, хотя собственный разбитый нос часто позволял в последнем определении усомниться. Следовало примирение, причем выяснялось, что, произнеся «врешь, наверное!», Иван Родионович вовсе не хотел обижать Короля: у них в деревне принято так относиться к «травле» среди своих, «врешь, наверное» может также считаться «до чего интересно»! Подобное толкование Короля удовлетворило. Но скрытность...

Заклучалась же она в том, что Иван отказывался рассказывать о своем доме, про отца с матерью. Король уж сколько расспрашивал — Иван лишь сопел, отмалчивался и краснел. Бывало, даже выводил Его Величество из терпения: в конце концов он-то лично никаких секретов не имел, обо всем честно рассказы-

вал, даже про то, как Земляника с Алфредом тайно целовались, что и привело к отъезду Хелли Мартенс, а в ответ такая неблагодарность!..

В доме, где ателье, за окнами свет. Война продолжалась, но за светомаскировкой уже не следили. Говорили, у немцев не осталось более ни одного самолета, говорили, что даже сам фюрер свой личный самолет отдал в распоряжение люфтваффе, чтобы служил он до последнего обожаемой им нацистской армии.

Дверь в ателье редко запирали, даже когда сам Калитко ночевал на Закатной улице в коричневом доме. Основным хозяином и сторожем был здесь Маленький Иван...

В общей комнате сидели за длинным столом друг против друга Жора и Заморский, говорили... на сей раз по-русски. Говорили очень громко. Король уже изучил: когда Калитко выпьет гехатипата, он начинает громко говорить. Заморский терпеть не мог гехатипата и всегда приносил свою бутылку с содержимым другого цвета. На приход Короля они не обратили внимания, взглянули и продолжили орать.

Не всегда удавалось Королю без задержек проскочить в заднюю комнату, когда в первой заседали за длинным столом: приходилось отвечать на какие-нибудь дурацкие вопросы. Пограничник всегда интересовался одним и тем же — есть ли у него подружка. Про Ивана знали: у него Лилиан. Заморский не особо удостаивал Короля вниманием, обычно лишь произносил: «Ну, ну». Или, поглядывая равнодушно, заключал: «Бегаешь, значит?» Король отвечал односложно: «Да». В крайнем случае: «Ну да». Ирина при виде Короля обычно восклицала: «Какой он милый!» В ее искренности он сильно сомневался. На такое ли-

цемерное заявление пограничник, как правило, реагировал ревниво: «Но, но! Смотри у меня!» — и грозил Ирине пальцем.

Сегодня Короля никто не задерживал. Увидев спящего Ивана, он обрадовался.

Их «нары» наполовину загораживались картинами в рамках — целая стена. На картинах те самые, надоевшие однажды Королю глаза, в том числе Векшеля в лоханке с водой.

На «нарах» валялась груда старых одеял, подушек, все вперемешку. Постель не слишком изысканная, не сравнить с ложем Короля в свином корыте на Сааре. Здесь друзья спали как кому нравилось: валялись вдоль и поперек или валетом.

— Что... пьют? — спросил Иван, позевывая.

— Пьют,— подтвердил Король,— с Заморским. А я сегодня такое увидел!

И Король принялся рассказывать про Векшеля, который когда-то служил фирме «Зингер», или, быть может, «Золинген», или даже «Дунлоп», про того самого, любившего поговаривать, будто «Зингер» — всегда «Зингер», «Золинген» — всегда «Золинген», а Векшель — всегда Векшель, к чему Король мог бы добавить, что и... в воде. Но как он из нее вылез? Вот в чем вопрос.

Иван слушал, зевал, полез за трубкой и чуть не брякнул: «Врешь, наверное...» Спихватившись, произнес:

— Интересное кино!

По-прежнему благоговел Король перед колдовским искусством художника, чьи картины пользовались у горожан таким успехом, которым не пользовались бы полотна Рембрандта или Рубенса.

Жора Калитко, с точки зрения Короля, престран-

ный субъект. В дни их знакомства Король его побаивался. Теперь, когда они все подружились, он выяснил, что Калитко не злой. Мрачный — да, неразговорчивый — да, но не более. Своим маленьким квартирантам он нередко приносил в карманах гостинцы — бисквиты, сахар. Главное же его достоинство заключалось в том, что он совершенно не вмешивался в их жизнь.

Король спросил у него, почему получается, что на его картинах изображено то, что будет? Калитко усмехнулся, в черных глазах засветились искорки, погладил небритую физиономию и подтвердил:

— Конечно... Все, что я рисую, то будет...

— А глаза? — впервые полюбопытствовал Король. — Что будет, если их столько?

Калитко начал чесать щетину на подбородке, задумался.

— Глаза?.. Пройдет время, и будет так много глаз... От них негде будет спрятаться. Сам по себе глаз нехороший, если его смотреть отдельно. Да... Надо, пожалуй, сделать отдельно глаз... — Он сощурил собственный. — Глаз есть окно... в другое пространство. Я через него хочу видеть ЭТО пространство. Что ТАМ внутри? Что ОНО?

Когда Калитко пил гехатипат, он рисовал черт знает что, будучи трезв — пейзажи. Королю казалось, что таких ландшафтов не бывает: песок, трава, море, небо, птицы — все очерчено резкими контурами, как в жизни Королю не видится.

Из новых больших картин Калитко одна особенно привлекла внимание Короля. Он мысленно назвал ее: «Следы». На картине изображен зимний пейзаж: на черном небе полная луна, внизу дома, деревья, снег, а на переднем плане, в каком-то дворе на снегу, — три пары больших следов, но рядом — четвертая пара — маленькие, от босых ног; следы ярко-красного цвета, с

множеством красных пятен вокруг, словно кровавые. Король подолгу рассматривал картину, она с магической силой притягивала к себе его внимание.

Выделил Король и несколько зарисовок в большом альбоме, валявшемся обычно на тумбочке рядом с топчаном, на котором Калитко «валялся трупом». Зарисовок в нем полно, но Короля привлекали лишь некоторые. На одной — две тени, лисы и совы... Они изображены необычно, даже не в манере Калитко — расплывчато, создавалось ощущение — это тени. Лиса и Сова словно переговаривались. Они встречались в разных ситуациях, но всегда вместе. На одной из зарисовок стоял как бы сам Калитко и держал в обеих руках по рисунку: на одном расплывчатое изображение Лисы, на другом — Совы, над ними заросшее ухмыляющееся лицо самого художника. На одной из зарисовок Королю понравился пожар: кругом лес, вроде даже снег идет, сумрак, и горит дом. Самое забавное в том рисунке: рядом с горевшим домом стоит как бы столб, на нем прибита или привязана фигура вороны, отчетливо выделялась ее голова, и очень она походила на его ворону, на Франца. Ничего особенного в рисунках как будто и не было, но они заставляли Короля на них заглядываться. Почему? Он не знал, но думал, что ему хотелось бы стать художником: столько интересного и таинственного можно создавать.

Однажды Короля с альбомом застал Жора. Король деликатно поинтересовался, отчего картины про Сову и Лису такие странные, их изображения вроде есть, в то же время как будто их нет. И, пожалуй, тоже впервые Калитко пустился в пространное объяснение:

— В жизни существует три мира: света, тьмы и теней. Для меня самым интересным представляется именно мир теней. Он тоже живет интересной жизнью. Да, тени тоже живут...

Король слушал молча, но понять... что тени живут — этому трудно поверить! О том, вероятно, говорили и его любопытные, недоверчивые глаза.

— Да, да, живут,— объяснял Калитко.— Ночью их не видно не потому, что их нет, а потому, что темно. Тебя тоже в темноте не видно, но ты же существуешь. Так что ночью тени тоже живут, общаются, разговаривают.

— Разговаривают? — Король понимал, в соревновании по вранью Калитко опередил бы его самого. Да еще лесные звери, чтобы...

Вообще-то Короля давно занимало, как животные общаются? Что они общаются, в этом он не сомневался, хотя понимал, что они не разговаривают. Но Король рассуждал логично и последовательно: человеческий род, хотя и объясняется на многих языках, общается разговаривая, а коровы, а кошки, а собаки... Особенно они — как? Они же думают, решил Король, но как они свои мысли передают другим сородичам? Что собаки думают, Король мог судить по поведению Вилки: как она держалась, когда Короля на хуторе у большой дороги, бывало, пор... учили общественным наукам! Однажды Король кинул Вилке старую кость, найденную в саду,— она ее даже не понюхала. Король принес из супа другую — Вилка схватила ее на лету! Кто после этого скажет, что собака не умеет думать? А Калитко ему рассказывал:

— Тени говорят на языке теней, а поскольку они ночью не видны, так и разговор их не слышен; собственно, разговор теней — тень разговора, вот какое дело. Днем они зависимы от света, они с ним должны считаться, прятаться от него. Свет не всем полезен, особенно солнечный. Потому и картины мои стоят во мраке. И человеку солнце не всегда друг, даже наоборот. Смотри, конечно, как человек сам с солнцем себя ведет... А тени, они особенно при солнце играть обо-

жают, которые еще молоденькие; утренние.— Жора хрипловато засмеялся и смеялся долго, любуясь какой-то своей, только ему известной мыслью,— старые, вечерние, эти более рассудительны. А молодые... Они, хулиганы, перемещаются, прячутся, окраску меняют, очертания: только что здесь была — уже в другом месте,— Жора даже рукой показал Королю, как тень «балуется», с места на место перебегает,— только смотрелась одним цветом — уже совсем другая. Вот так!

Пришлось согласиться Королю: относительно теней Калитко — большой специалист. Выслушав восхищение Короля по поводу рассказа Калитко, Иван определил по-марсиански: «да, относительно навести тень на плетень» Калитко действительно большой спец. Король, однако, с этим не согласился, хотя и не понял, почему вообще надо наводить тень на какой-то плетень. Король восхищался талантом Жоржа Калитко и решил, что интереснее всего — быть художником.

ГЛАВА II

Когда ушел Заморский — Король не слышал. Он успел вечером лишь рассказать Ивану про Векшеля, избавившись от этой жгучей необходимости, завернувшись в одеяло и заснул. Пижамами, что и говорить, ни августейшая особа, ни его стремянный не пользовались. Хорошо все-таки, что удавалось иной раз в хуторских банях помыться, по крайней мере не завшивели. К тому же за состоянием их постельного белья следила Лириан, хотя и считала, что Король Люкс — «домашний», а следовательно, есть кому о нем проявлять заботу. На самом деле обстояло иначе.

Король бегал на Сааре топить с Юханом баню. Но заленился Юхан: для себя одного топить не хотел, а

соседи уже редко ходили, даже вообще не ходили. На всех хуторах старики одиноко околачивались вокруг своих домов, молодежи почти не стало. Старый крестьянин относился к Королю уважительно, но настроение у него постоянно было подавленное: молельный дом закрыт — неизвестно, когда откроют, но, главное, не было Ангелочка и никаких от нее вестей. В дождь и снег слонялся Юхан по хуторскому двору, искал дело, чтобы занять себя, но делать ничего не хотелось. По привычке насвистывал свою песню про Землю Мулги, хотя и на этой земле наверняка жить стало хуже.

Жилось ему, старому человеку, спокойно оттого, что от рождения сам был спокойного нрава. Они с Ангелочком представляли противоположные характеры. Но как теперь ее не хватало!

На хуторе еще осталась кое-какая скотина: барашки, Серая, корова — другую потребовали в погашение нормы продналога. Ничего не поделаешь, всякая власть хочет есть, а, кроме как у земледельца, у кого взять?

С приходом на Остров советских войск появился в Звенинога Эдгар. О нем на Сааре мало знали, поскольку он всегда жил на Большой Земле в Главном Городе. Оказалось, он служил в эстонском корпусе советских войск — наверное, в том самом, о котором в свое время рассказывал Хуго, который формировался где-то на Урале, то ли в Челябинске, то ли в Чебаркюле — Юхану трудно произносить такие названия. И воевал Эдгар в этом корпусе со дня своей мобилизации до самого до Острова в качестве личного парикмахера командира полка. Видать, не все мобилизованные эстонцы прошли такой путь, какой выпал Хуго. Эдгар, похоже, как и многие другие, пришел в этот корпус вполне естественно. Он сам об этом мало говорил.

Эдгар и в Главном Городе стал парикмахером — это его профессия. В армии же... Трудно даже сосчитать, сколько и каких начальственных бород он за все это время сбрил. Но для Юхана Эдгар значил мало, несмотря на его религиозность: тот никогда в деревне не жил — белоручка; теперь тоже поселился в городе Журавлей, стал заведующим парикмахерской, а в его подчинении оказались двенадцать женщин — белохалатная команда. Хорошо все же, подумалось Юхану, когда человеку удается не разлучаться с гражданской работой даже на войне.

Эдгар снова женился: его первая жена подалась с немцами в Германию. Явление нередкое в столь сложное время. Многие воспользовались ситуацией, чтобы укрыться от приближающегося фронта, а многие, чтобы просто изменить свою жизнь: уезжали не в самую Германию — что там от нее осталось! — а чтобы перебраться дальше на запад. Тоже чтобы быть свободными. Роковое это стремление освободить одних от других, чтобы занять их место, роковое для освобождаемых, вынужденных ждать каких-нибудь очередных освободителей в надежде, что хотя бы те, совершив благородное дело, возвратятся к себе домой, дав возможность освобожденным жить, как им хочется, в уверенности, что в случае беды опять придут помочь бескорыстно ради высшей человеческой справедливости на планете. Где взяться, однако, именно таким благородным освободителям? Есть ли такие на планете Земля?

Новую жену Эдгара звать Аидой. Религиозна, как и Эдгар. Миловидная, даже красивая женщина средних лет. Приветливая, рассудительная — Юхану пришлась по душе. Такая не станет легкомысленно швыряться деньгами, как его первая жена, любившая дорогие кушанья, наряды и веселье.

Айда с Эдгаром временно поселились в маленькой неудобной квартирке. Затем Эдгар приобрел в городе недостроенный дом. Нелегкое дело — построить дом, притом такой роскошный. Значит, не такой уж и белоручка, этот Эдгар, раз взялся за дом. Не так трудно оказалось находить работников за умеренную плату, не так дороги строительные материалы, в частности доломит, которого на острове достаточно. Им здесь пользовались для возведения замков, мельниц, домов с незапамятных времен. Что же касается денег, они у Эдгара, по-видимому, имелись: бережлив с детства, даже чересчур, на что сама Ангелочек в свое время обратила внимание. Да мало ли откуда могут быть деньги у честного, работающего человека, который стрижет начальство?

Так и получилось, что трудились они с Айдой, словно муравьи, и довольно быстро их дом приобрел крышу и в какой-то его части они сразу и поселились. Во всяком случае, Эдгар строил — не сравнить со строительством городской тюрьмы: ее, собственно, восстанавливали те, кто и сжег — немецкие военнопленные, и тюрьма тоже росла день ото дня, но сравнительно медленно. Военнопленные, как казалось жителям города, чувствовали себя превосходно: клали камни, возились не спеша, свистели, пели, балагурили, окликали идущих мимо девушек. Для них война закончилась, хотя фатерланд еще не сдавался и фюрер в Берлине все еще призывал сокрушать коммунизм, уничтожать евреев во всем мире.

Поскольку в любом городе тюрьма должна быть, в Журавлях соответствующее начальство для этой надобности приспособило древнюю конюшню неподалеку от парка, этим каменным строением когда-то пользовались как складом. Здесь должным образом разгородили под камеры шесть больших помещений: набили решетки на узкие оконца, расположенные

высоко в стене, на них «козырьки», двери железом обили, замки крепкие поставили — чем не тюрьма?

Сведения из окружающей жизни доходили до Юхана, словно ветром надуваемые — отголоски извне. Внутри его собственной сущности жили Ангелочек и ТОТ, без которого Юхан ни себя, ни Ангелочка не мыслил, для него они слились воедино: Ангелочек и Бог.

А вообще, какие у Юхана отношения с Богом? Бог — основа жизни. Разве могут быть сомнения! Юхан помнит своих родителей на острове Хийумаа, братьев — суровых богобоязненных крестьян. Где-то в душе он осознал, что братья предпочитали поклоняться Богу, чтобы не кланяться русскому царю, которого крестьяне не считали хозяином их земли, ими так или иначе обрабатываемой уже многие тысячи лет, как не признавали они и немецких баронов.

Когда Юхан женился на Ангелочке, она железной рукой его мысли и душу направила к своей собственной, единственной, унаследованной от предков правде — Всевышнему, не задумываясь о том, что тысячелетия их прапредки жили, не считаясь с Ним, которого, в сущности, эстам тоже навязали крестоносцы. У нее же самой Писание стало смыслом жизни, даже любовь к собственным детям отступила на задний план. Внешне это выглядело исполнением долга. Но Богу она была предана фанатично. Бог занимал ее душу и мысли и стал ее душою, она загнипнотизировала себя Евангелием. Когда в мире война, она сознавала, что, отдав сердце свое Господу, она спокойна: все будет так, как предопределено Господом. Росли ее дети, вместе с ними и ее вера. Она и не заметила, как ее любовь к Богу переросла любовь к детям и Юхану, стала всеохватывающей, земная жизнь растворилась в Божьей благодати.

От Юхана не укрывались ее маленькие уловки, когда слово Божье Ангелочком толковалось не по Пи-

санию: если надо было по хозяйству наставлять, она ссылалась на то, «как сказал (якобы) Христос», потому что... мог же и сказать. И часто она приписывала Богу собственные мысли.

С грустью и нежностью вспоминалось все это Юхану. Ему теперь, в сущности, никто не был нужен, даже Его Величество Король. Юхан осознавал окружающую жизнь только с участием в ней Ангелочка, без нее в жизни для старого человека не стало ничего значительного. Ангелочек загнипнотизировалась Евангелием, Юхан — Ангелочком.

Корову он доил не потому, что хотел молока, — он жевал по привычке все, что угодно, — а потому, что корову полагалось доить: иначе скотине мучительно. Юхан выполнял долг по отношению к жизни и к Богу. Бог дал жизнь — надо жить, даже если нет Ангелочка, значит, и корову надо доить. Прибежал на хутор Король — пожалуйста, можно и баню протопить, вспоминая, как этот юнец с Ангелочком париться ходил; убежал Король неизвестно куда — Господь и ему путь укажет. И казалось старому человеку, что, кроме собаки, он и не нужен никому, вероятно, Всевышний собакам и поручил разделять с человеком его горе.

Манчи вернулся однажды, когда Юхан сидел на ступеньке предбанника, у его ног лежала Вилка. В Германии все еще продолжалась война, товарищ Сталин торжествовал в предвидении скорого падения рейха. Берлинское же командование лихорадочно искало спасения, чтобы сохранить хотя бы собственные шкуры. Спасать свою шкуру стало потребностью большей части людей на земле, среди них многие тысячи не имели никакой вины перед мировой историей или человеческим родом, но тоже должны были бежать. А в городе Журавлей на Кривой улице художник рисовал вешние картины с лисой и совой и себя между ними, он рисовал свет и тени и искал путь в неведомое.

Это было таинство жизни, совсем другой мир — недосягаемо свободный.

В тот же мир, где на крыльце бани сидел Юхан, пришел Манчи. Здесь, по сути, освобожденными могли себя считать только те, кто поспешил выразить освобожденителям признательность вместе с готовностью преданно служить им.

Так ведь везде в мире всегда бывало.

Шел дождь со снегом, погода стояла хмурая, казалось, что землю окутала непроходящая тоска. В этой хмурой тоске чуткие собачьи уши слышали скрип отворяемой калитки, и Вилка кинулась навстречу вошедшему. Это конечно же был Манчи. Юхан стал тяжело подниматься, лицо его оставалось спокойным, словно Манчи только утром вышел за почтой.

— Хуго не пришел? — спросил Манчи, прежде чем поздоровался с отцом. — Скотине хоть сена успели заготовить, чтоб хватило?..

Таким образом, можно сказать, население хутора Сааре начало восстанавливаться. Недолго немецкому войску удалось пользоваться услугами Иммануэля Рихарда. Он, правда, заметил однажды, что успел заслужить большой офицерский чин, уверял, будто дослужился до звания майора, так что следовало бы обращаться теперь к нему не иначе, как господин майор Манчи... Но всем была известна его потребность во вранье: когда его взяли в немецкую армию, фронт уже подходил к Нарве или даже дальше, так что вряд ли он успел выстрелить в сторону противника. Скоро, как он объяснил, случайно отстал от части, уходящей на большой скорости к западу, затем оказался где-то в лесу, — что бы делали эстонцы без лесов! Но у себя на родине человеку и в лесу жить можно.

Затем на Сааре объявилась, словно никуда и не уходила, Манчита. Она, правда, и раньше бегала сюда помогать Юхану, сочувствовала ему, а в последние

дни перестала из-за смущавшей ее, непонятной суровости, а ей посмеяться бывало невтерпех...

Мелинда прослышала о возвращении Манчи и спустя некоторое время тоже пришла-приехала в надежде, что скоро и Хуго отыщется, хотя не удалось-таки перекрестить его в Хугха Уильямса.

Мелинда все время пребывала в Праакли у своей матери. Если бы спросил кто-нибудь у Юхана, какого он мнения о ней и о ее матери или о ее сестре, проживающей с мужем и детьми в соседней деревне, то Юхан очутился бы в затруднительном положении: он, конечно, в свое время прислушивался одним ухом ко всему, что обо всех ему тараторила Ангелочек, но, признаться честно, не очень вникал...

Менялись власти — менялись на Острове и мужчины, постоянных было мало: ведь всякая власть отправляла островных мужчин защищать их жен на фронте, и несчастным женщинам ничего не оставалось, как нет-нет да и прибегнуть в некоторых затруднительных случаях к помощи чужеземных солдат-освободителей. Вероятно, и Мелинде приходилось... Нет, в точности никто, конечно, не знает, но... Как-то раз на Сааре Мелинда презрительно заметила, что немцы хоть воспитанны и говорят «битте, битте», русские же сразу «давай» или «ну что ты!» и даже оскорбляют, называя «дура»... Тем не менее, несмотря на телесные проблемы, сердце Мелинды, видимо, целиком принадлежало Хуго. Впрочем, солдатам-освободителям ее сердце вряд ли было нужно.

Теперь Мелинда стала бывать на Сааре все чаще, а однажды с весьма независимым видом осталась жить в комнате Хуго, словно тот вот-вот объявится; мотивировала она свое, с точки зрения Манчи, насильственное вторжение тем, что назначили ее секретарем Звениноговского сельсовета.

А Манчи еще недавно представлялось, что наконец-

то открылась перспектива стать полным хозяином на Сааре...

Против Мелинды ему возражать стало как-то неприлично: хотя и хромая, но все-таки секретарь сельсовета! Собственно, и Манчи нужно было найти какую-то работу, потому что хутор в последнее время плохо обрабатывался — чем жить?

В сельсовете Мелинде удалось найти выгодную для Манчи работу, во всяком случае хорошо оплачиваемую. Манчи вынужден был признать: и хромая экстремистка может приносить пользу (а ведь когда придет Хуго, то будет уже два претендента на наследство Сааре).

Военные власти, Мелинде неведомо — где, затеяли построить на Острове железную дорогу оборонного значения. Для этого им понадобилось большое количество рабочих, потому что где-то далеко еще большее военное начальство потребовало построить эту дорогу в предельно короткий срок. Даже Мелинда не сумела вычислить величину этого срока. Король тоже. Он спросил у Ивана — тот не знал. И Калитко не знал, но сказал: «Это короче кратчайшего». Король прикинул, что величина этого срока, возможно, равняется на «обезьянью скорость»... Когда-то в детстве Алфред рывкнул ему: «Марш отсюда с обезьянней скоростью!» Означало это необходимость исчезнуть быстрее, чем Алфреду понадобится времени на снятие брючного ремня. Лично Король сомневался, что возможно построить железную дорогу оборонного значения с такой скоростью... Тем более что дорога должна обогнуть всю береговую линию Острова и одному черту известно, какие грузы намеревались по ней перевозить. Разбиравшиеся в военном деле старики полагали, что дорога готовится для дальнобойной артиллерии: с какой стороны ни подступи к Острову, тут же по круговой дороге в нужное место доставят пушки.

Мелинда многих сельчан, кому эта работа казалась посильной, уговаривала идти на постройку железной дороги. Поскольку она занимала в сельсовете интеллигентную должность, к тому же всегда все знала и бывала права, у нее получалось убедительно.

Питались на Сааре уже не так, как в ранней юности Короля: Юхан ел теперь свою неизменную салаку с картофелем и хлебом в одиночестве; Манчита и Манчи ели в своей комнате, так же и Мелинда. Король, когда случалось ему здесь быть... он, пожалуй, ел с Вилкой во дворе. Он не грыз ее косточки, не хлебал из ее миски, хотя она вряд ли бы возражала. Просто, когда он добывал что-нибудь от Юхана, Манчиты или Мелинды, то предпочитал делиться с Вилкой. Они устраивались где-нибудь в сторонке и вместе завтракали или обедали.

С продуктами обстояло плохо. Мелинда и Манчита нет-нет да и приносили что-то из своих отчих домов. Единственно, саарское молоко делили на всех, благо корова не требовала за него платы. Ухаживала за ней Манчита, не брезгуя столь малоинтеллигентной работой. Словно все забыли, что когда-то ее звали Лейдой. А все из-за Эйнара... Впрочем, о нем также ничего не было известно, в каком краю ел теперь мышей, так что Манчи даже хулиганить стало не с кем — в одиночку неинтересно; не было и Антса Арусского, тот, наверное, где-нибудь скрывался, возможно не знал еще, что власть опять переменялась. То же самое «соперник» Его Величества — Калев с Большого Ару.

Что же до Алфреда, то он запретил распространяться о себе даже отцу, чтобы в случае чего старику не было надобности врать и мучиться угрызениями совести. Алфред и скрывался, и не скрывался. Он не чувствовал себя в чем-то виноватым.

Некоторые из его рядовых в самообороне были вынуждены в сорок первом вступить в истребительный

батальон, об этом знал даже сам Майстер. Но за ними не числилось крови, и никто им эту вынужденную службу у красных в вину не ставил. И за Алфредом тоже не было крови: он участвовал в облавах — самое большее. Ему не приходилось стрелять нигде более, как на стрельбище. А что фельдфебель... Ему дали это знание при поступлении в самооборону. А дослужился он до него в республиканской армии. Потому себя виновным ни перед какой властью не чувствовал, но уж он-то знал, как пытали и убивали в сорок первом ни в чем не повинных.

Кто не помнит этого юркого русского с густой кудреватой шевелюрой, о ком вначале никто даже не мог сказать, какого он звания: в гражданском костюме с тельняшкой под пиджаком, на голове морская фуражка. Моряк — не моряк, военный — не военный. Как Векшель... Зингер-Золинген. Что начальство — было видно по тому, как часовые матросы пропускали его и в парк, и в замок, отдавая честь. Павловский.

В свое время Майстер заставлял и Алфреда ходить по следам этого человека: искали «друзей» Павловского, понимая, что сам он конечно же вряд ли остался на Острове ждать «вознаграждения» от тех сограждан, кого откопали в замке. Увы! И друзья этого предпримчивого малого тоже не жаждали всенародного признания. Усилия гестапо не увенчались успехом. Правда, удалось схватить неких зубных врачей — мужа и жену, производивших с разрешения Павловского какие-то чисто медицинские «опыты» (за сколько времени сварится человеческая рука?) с приговоренными. Оказывается, он был на острове начальником военной разведки. Это его команда охраняла подступы к замку, это его пьяные матросы в начале войны постреляли наличествующий скот на городской бойне и вывезли из города на грузовиках. Задушевым другом Павловского являлся якобы некий Рииз —

эстонец с «чистой душой», теперь снова объявившийся на острове.

Вспомнилось, как Павловский шпиона ловил...

Немецкие самолеты бомбили базы, а Павловский думал думу: откуда они знают, где базы? Арестовали крестьянина: тот негодяй пахал в белой рубашке с белой лошадьё! А борозда вела в сторону склада с горючим... Вот каким способом крестьянин немцам место горючего указал. Горючее перепрятали на всякий случай. Однако загадка: как бы повернул свою борозду крестьянин, если бы пришлось ему на ходу указать новое место расположения базы с горючим? «Шпиона» схватили, и не надо ломать голову над его дальнейшей судьбой...

Альфред скрывался первое время у Земляники в Карула. Однако в деревне невозможно следить за происходящим в городе, а быть в курсе дел считал необходимым. Может же статья, что и не ищут его вовсе... Иллюзия, конечно. И он это понимал. С другой стороны, если ищут, то не так и сложно вычислить, у кого и где он может прятаться. После всевозможных прикидок, калькуляций, гаданий он и решил поселиться в городе — в доме на Малой Гавани, в квартире за желтой дверью.

Скрывался не скрывался, но жил скромно, не высовывался. Павловского не видно, не слышно. Однако в городе — Рииз, хотя, говорили, он не занимал особых должностей. Но и это тоже: сегодня не занимает, завтра наоборот.

ГЛАВА III

В немецкое время в торжественной комнате небесно-синего дома вместе с информацией о жизни Король слышал и аккордеон, как известно, сгоревший вместе с домом. Теперь в ателье Калитко информацию он по-

лучал главным образом на русском языке, и Королю трудно было ее освоить, несмотря на помощь Ивана. Часто звучала она и на смешанном эстонско-русском языке. Мелодии же извлекались из патефона.

Впрочем, только русские называли сей ящик патефоном. Король считал его самым настоящим граммофоном без трубы. Пластинки звучали преимущественно на русском, особенно часто Гриша-Пограничник ставил одну: «У самовара я и моя Маша...» — единственные слова, запомнившиеся Королю. Были и другие пластинки, даже на английском языке, среди них Король узнавал знакомые мелодии из оперетт, которые часто играл Алфред. Лично Его Величество обожал неаполитанские песни в исполнении Бенжамино Джильи...

И вот Короля разбудила все та же песня: «У самовара...»

Ивана уже не было. Куда он так рано? Но как все-таки раздражает этот запах табачного дыма, которым пропиталась их постель! Король вспомнил Векшеля... Вскочил, живо обулся. Одеваться не было необходимости: они с Иваном обычно не тратили время на раздевание. Нет, нет, верхнюю одежду они скидывали и вешали на веранде, где висели пальто и по вечерам одежда гостей. Обувшись, он вошел в общую комнату, здесь мольберты с картинами Калитко и Заморского, особенно бросалась в глаза «Истерия» — черт знает чем размалеванное полотно, занимавшее солидный кусок стены. У окна длинный стол, за которым обычно пировали посетители Жоры. Стол развернут так, чтобы можно было сидеть и на пыльном старом диванчике.

На столе патефон. Крутилась пластинка: «У самовара я и моя Маша...» Пел низкий хриплый голос. В комнате никого. Король вышел на веранду — и здесь никого. На вешалке никакой одежды, кроме

пальтишка Короля. Это пальтишко он недавно надел на Сааре, где его вещи. В шубейке стало жарко бегать.

Зачерпнув воды из ведра, стоявшего на скамейке, сполоснул лицо над эмалированным тазиком. Хриплый голос кончил орать про самовар, раздалось шипение, и Король, вытираясь общим полотенцем, поспешил поднять звукосниматель. Кто же завел патефон и оставил?.. Не сам же он заиграл. Или, может, привидение? Или эти... какие-нибудь тени?

Обычно по утрам, когда Король просыпался и никого в ателье не оказывалось, на столе всегда находились остатки от вчерашнего пира. Сегодня в наличии только патефон, от ужина — ничего. Осмыслить такое трудно. Патефон есть, но даже хлебных крошек нет... А именно что-нибудь из еды волновало Его Величество в данную минуту.

Он все еще размышлял о странном феномене с патефоном, а ноги уже вынесли его на веранду. Вскочив на бегу в пальто, он, подчиняясь ногам, очутился во дворе и... Стоп! Надо обратно: необходимо все-таки надеть вязаную шапочку. Ее очень давно связала для него Хелли Мартенс. А теперь вперед — на Малую Гавань, к желтой двери! Ноги понеслись...

А за желтой дверью в это время функционировала, казалось бы, обыденная жизнь, при всем при том, что жили здесь вообще-то в страхе. Кроме как бояться, им ничего не оставалось: невозможно же стать невидимками.

Алфред еще лежал в кровати — раннее утро. Под подушкой у него револьвер. Зачем? Мог бы он выстрелить из него, если бы пришли за ним? Он понимал: если суждено очутиться где-нибудь в подвале, то револьвер не спасет. Револьвер лежал под подушкой скорее всего просто так, как результат информации об

известных случаях, когда кто-то чего-то боялся, а оружие вроде успокаивало своим присутствием.

Земляника обожала гадать. Верила ли она картам? Скорее всего, она приучила себя им верить: бывало же, что сходилось, бывало, совпадало — одним словом, выходило... как по картам. Вот и теперь сидит в ночной сорочке, волосы распущены по плечам, почти такие же, как у Марви. Красивые волосы. И сама она достаточно хороша.

И вот легли четыре туза — исполнение желаний! Дай-то Бог! Сюда бы еще четыре короля... Обществом мужчины она по сей день обеспечена, но четыре короля — это четыре короля. Лишнее доказательство удачи не вредит. Решила разложить карты на Алфреда. Итак: бубновая дама... Так, так, так! Кто бы это? Еще ложится червовая десятка и десятка... бубновая! Счастливый брак с блондинкой? Ерунда! Земляника раздраженно смешала карты: она же не бубновая дама, она — червовая, но бубновая... Это значит любовь да удовольствие.

Когда ноги Короля в бодром утреннем беге вынесли его на Малую Гавань, он чуть не налетел на идущих в том же направлении людей, хорошо, что они его не заметили, а то бы обратили внимание на удивление и испуг Его Величества, вызванные тем, что он узнал Векшеля, господина полицейского инспектора Лыхе в форме капитана милиции и еще двух мужчин в гражданском, так одевались рядовые истребительного батальона.

Король перешел улицу и, отстав немного, продолжал идти за ними. Далеко идти не понадобилось: четверо остановились у подъезда того же обшарпанного двухэтажного серого дома, к которому направлялся и Король. Вошли только Лыхе с Векшелем, истребители же разделились: один остался у подъезда, другой направился во двор. Может, он искал уборную? На-

сколько известно Королю, в этом дворе не было уборной. Король тоже вошел во двор... дома напротив. Отсюда через шелку отлично все просматривалось...

Алфред же все еще лежал в постели, не спал — думал. Не прислушиваясь, механически фиксировал звуки жизни, и какой-то участок мозга их расшифровывал: за окном оживленно зачирикали воробьи, там, похоже, и ветрено, потому что тоненько дребезжало неплотно вставленное в форточку стекло. Он слышал не слышал, но знал, чем занята на кухне Вальве — что тут знать! Попытался о ней думать, но получалось вяло.

Обычно он не делился с ней своими думами — не чувствовал ее внутренней поддержки. Ему казалось, его заботы занимали Вальве, скорее всего, в связи с ее собственными перспективами жизни. В этом он ее даже не винил, считая, что это естественно: каждый борется за свое счастье доступным ему способом. Но, если для нее счастье — он, Алфред, то должна же она и за его жизнь переживать? А так ли обстоит дело? Он чувствовал, что его судьба — судьба лишь его одного. У нее в деревне Карула собственное хозяйство, значит, и ее независимость от него обеспечена; их совместная жизнь оборвется в тот час, когда уйдет из нее он. Что ж, у него и нет основания ее в чем-либо упрекать: он взял сей товар, зная ему цену.

На дворе подвывал ветер, где-то под полом царпалась мышь, из кухни доносился приглушенный кашель, но в эти мирные звуки вдруг вмешались новые,стораживающие — шаги за дверью их квартиры, на лестнице. Несомненно, по ней поднимались люди, и поднимались осторожно. Эта деревянная лестница тем более скрипела, чем осторожнее по ней шли. Теперь она так стонала, что стало ясно: люди идут крадучись.

Алфреда мгновенно сдуло с кровати, уже он стоял

в одном белье с револьвером в руке. Он не сомневался — идут за ним. Револьвер? Нет, он не нужен. От него необходимо избавиться. Куда его? Хорошо, что в этих старых домах нет уютного ватерклозета, а идет вниз прямая чугунная труба...

Когда постучали, Алфред открыл. За дверью стояли Векшель и Лыхе.

— Кто вы теперь? — спросил, не поздоровавшись, Лыхе, — столяр или... фельдфебель? Помните, однажды вы сказали, что фельдфебель не отвечает за то, что совершил столяр... Помните? Когда пропали эти подметки из бочки с дождевой водой... Но теперь, если вы даже столяр...

— Да, да, — подтвердил и Векшель, — столяр, во всяком случае, отвечает за то, что сделал фельдфебель.

— А вы что же, уже не... Зингер? — съязвил Алфред Векшелю: он то ли помнил рассказанное Королем про Векшеля в воде у острова Лаямадала, то ли нет, но вопрос прозвучал иронично.

— Зингер — всегда Зингер, — ответил Векшель невозмутимо, — и Золинген — всегда Золинген, а я... мы, — он сверкнул очками на Лыхе, — мы... основа порядка в любом государстве. Без нас никакая власть не обойдется, это факт.

— И это истина, — вторил ему Лыхе.

Через щелку Король наблюдал за истребителем у подъезда. К тому подбежала дворняжка в стремлении обнюхать его штанину, он замахнулся ногой, и пес обиженно отскочил, подбежал к калитке, уперся лапой в столбик и выдал пару коротеньких струек. Почти одновременно из двора показался второй истребитель, а из подъезда вышли Векшель, Лыхе и Алфред. Они двинулись в сторону парка, мимо того склада, из которого Алфред когда-то, будучи лишь столяром, увозил эстонские товары, которые впоследствии вернул

как немецкие, за что его обещал наказать советский милиционер. Королю же вспомнилась красная змейка, выползавшая из-под лежавшего на мостовой солдата.

Группа с Алфредом удалилась; можно было догадаться, что дальнейший путь приведет ее на Замковую улицу, в тот самый дом, где в сорок первом находилась резиденция Павловского. При немцах здесь базировалась криминальная полиция, тепеър — отделение милиции.

Королю не имело смысла следовать за ними, хотя куда бежать в таком случае? От Землиники конечно же помощи не ждать — что она может? Бежать же надо хоть куда-нибудь. И ноги сами выбрали направление, они несли в сторону Башенной, где строил себе коттедж Эдгар. Эта улица так называлась потому, что когда-то на ней стояла водонапорная башня. Ноги правильно поступили: Эдгар все-таки участник войны; воевал на стороне русских в качестве парикмахера в эстонском корпусе; у него должен быть хоть какой-то авторитет у русских; он может пойти и сказать слово в защиту собственного брата. Король не знал, что братья не очень-то любили друг друга.

Дом — красавец, похожих ни у кого вокруг не было, — стоял под крышей, хотя жить можно было только в двух нижних комнатах, но и кухня уже функционировала. В кухне и нашел запыхавшийся Король жену Эдгара и выпалил скороговоркой:

— Алфреда взяли... повели... в парк...

Он был уверен: Аида засуетится, заахает, а Эдгар сразу же помчится куда-нибудь с орденом на груди. Но Эдгара в доме не было, ордена — тоже. Их не было в Журавлях и вообще на Островной Земле. Королевская милость узнала от Аиды, что такая уж у Эдгара горькая и благородная судьба — всех спасти; что Хуго, наоборот, досталась судьба иная — быть посто-

янно в плену; и Эдгар поехал в Россию спасать Хуго. Возможно, успеет спасти и Алфреда, если того раньше не расстреляют. Но надо помолиться! Аида помолится за Алфреда, и Бог не допустит несправедливости, лишь бы поскорее покончить с освобождением Хуго. Однажды Хуго угораздило оказаться в плену у немцев — отпустили и милостиво взяли в немецкую армию воевать с русскими. Теперь его опять угораздило попасть в плен... к русским. А почему такое происходит? Не верует он, и в этом дело! Не молится Хуго... Аида возмущалась поведением Хуго, но все же предложила Королю жареного сига. Король, признаться, к сигу относился с уважением, ведь у Калитко на столе он обнаружил только патефон. Так что сиг исчезал с заметной скоростью, хотя Аида положила ему на тарелку довольно приличную порцию.

Аида продолжала возмущаться, Король же чувствовал себя неловко, даже как-то стыдливо жевал остаток хлебной корочки, надеясь в душе на еще один кусочек сига: он ведь тоже никогда не молился, не очень понимал существование Бога. И потому, надо полагать, ему сига больше не дали.

Хуго находился в лагере военнопленных где-то неподалеку от Ленинграда. Он сумел написать письмо, которое добралось каким-то образом до Острова. Он писал, что вообще-то не погибает, что в русском плену даже хорошо в сравнении с тем, что было в немецком, что ему, эстонцу, намного лучше здесь, чем самим же русским, а если бы он был немцем, то уж совсем была бы райская жизнь.... Кое-что в его письме вызвало и недоумение: как это русские — в русском плену? Наверное, Хуго что-то напутал.

Убедившись, что от Эдгара помощи не дожидаться, Король растерялся. Ему представлялось, что он лично обязан что-то предпринять, куда-то бежать, рассказать. Выбежав из дома Эдгара, он пчелкой, прежде

чем взлететь, покружился на одном месте, выбирая направление, и помчался к Малой Гавани.

Он, конечно, не питал к Землянике большой симпатии, но в этот час, как ему казалось, она была единственным человеком, способным что-то объяснить или хотя бы разделить его заботу; ему казалось, у них должны быть одинаковые заботы по данному вопросу.

Земляника взволнованно расхаживала по квартире: она тоже не знала, что предпринять, как поступить. Она обычно пыталась относиться к Королю с пониманием, хотя никакого величества за ним не признавала. Наставление Алфреда, что должна заменить Королю мать, убеждало ее столько же, сколько Короля то, чтобы он относился к Йентсу, как к брату. Иногда на Землянику находила сентиментальность, и она вполне серьезно осознавала, что Королю должно быть одиноко. В такие мгновенья, если предмет сочувствия оказывался случайно под рукою, она пробовала выразить ему свою материнскую... если не нежность, то хотя бы участие. Но как погладишь ежа?..

И тогда вспоминала, как достается всегда от этого ежа ее примерному Йентсу, не способному к грубости, усидчивому за уроками, старательному в школе... Поэтому и держала она Йентса в Карула, школа там близко, и уже начались занятия.. Короля хотя и оставили жить в Звенинога, чтоб учился в школе у Брюк-ваозера, но вряд ли...

— Его отпустят? — Король не задавал Вальве дурацких вопросов типа «за что его?» да «почему?». В этом он уже разобрался. Она ничего не могла ему объяснить.

— Должны отпустить.

— А если нет? — приставал Король. — Что тогда? А может, надо что-то делать?

Земляника смотрела на него грустно, стало жалко этого, в сущности, беззащитного драчуна: заботится

об отце. Никого же более близкого у него нет. Хелли Мартенс не в счет: неизвестно, вернется ли на Остров? Земляника почувствовала необходимость погладить «ежа», осторожно протянула руку, коснулась его «колючек» и заметила:

— Подстричь тебя надо бы, зарос уже,— сказала, как обычно говорила Йентсу.

Король все же надеялся, что можно что-то сделать.

— Ничего невозможно,— сказала Земляника,— надо только ждать. Оставайся, будем ждать вместе. Надо тебя покормить.

Король признался, что ел у Аиды сига, но сказал, что кусочек сига был очень маленький...

Земляника к Аиде никак не относилась, даже не здоровалась с нею при встречах, хотя Эдгару улыбалась. Она побаивалась суровости последнего, которую Алфред в брате не признавал, говоря: «Напускает на себя, святоша».

Напускал Эдгар на себя или нет, но общение между братьями было скудное, хотя, встречаясь, они вполне мирно разговаривали о том о сем. Говоря о чем-нибудь, каждый при этом думал о своем, чего нельзя было прочесть в их глазах, да и не нужно было: они знали, что думали друг о друге, и играли свою игру сознательно. Было ли это враждой? Нет.

Как это у них началось, возможно, они и не осознавали, к тому же такие отношения существовали между всеми братьями и сестрами Рихардов. Внешне все выглядело мирно и дружелюбно, даже бывали проявления щедрости и великодушия, но со стороны Алфреда это было одностороннее отношение: от Алфреда — ко всем другим.

Итак, Эдгар отправился в Россию выручать Хуго из лагеря военнопленных. В такое время эта задача непростая, тем более что Эдгар болел какой-то загадочной болезнью, благодаря которой его и домой от-

пустили из корпуса раньше времени. Но он знал немного Россию и понимал русский язык, знал и самих русских: недаром же достал в дорогу две десятилитровые канистры со спиртом.

Земляника уговаривала Короля оставаться с ней: не хотелось быть одной, боялась — вдруг и за ней придут, и никто не узнает. Но Его Величество не мог здесь ждать. Она все уговаривала: Алфреда отпустят, он никому не делал зла. Она говорила Королю то, что ей внушал Алфред. Теперь его словами и надеждами Земляника убеждала Короля, ей и самой было необходимо поверить в это. Нет, нет, одной оставаться совсем не хотелось. Даже карты лежали на столе заброшенные... А может, они ей что-нибудь рассказали бы?

Вальве понимала, что Алфред не любит ее склонность к гаданию на картах, он не раз упрекал: что не было у нее этого раньше, что непонятно, когда она к ним пристрастилась.

Откуда знать Алфреду, какие у нее увлечения? Разве он интересовался этим? А именно карты и предсказали ей Алфреда. Только время тогда и без карт было более развлекательным для нее. Теперь же что еще оставалось? Вязать? Она не любила: сидишь и считаешь эти петли, даже помечтать нельзя — можно сбиться, а потом распускай и опять считай... Лучше карты, здесь игра.

Напрасно думает Алфред, что она его уже не любит. Ей кажется, что именно так обстоит дело, что он стал сомневаться в ее чувстве. Но ведь какое-то чувство к нему все-таки есть, другое дело, что он не всегда это понимает. А кого ей любить? Он мужчина видный. Главное же Землянике сладостно сознавать, что одержала она победу над Хелли...

Король согласился с Вальве: другого, как ждать, им действительно не оставалось. Но он предпочитал ждать у друзей.

— Ты разве не ходишь в школу?— задала Вальве Королю самый глупый из всех вопросов.

— Кончится война — тогда пойду,— легко отмахнулся Король теми же словами, какими взрослые часто «удовлетворяли» его собственное любопытство.— В Журавлях школу еще не открыли.

Скорее всего, он не соврал на этот раз. Но вообще... Станет он с ней на сей счет объясняться!

«Кончится война»... Конца войны Земляника в душе побаивалась из-за опасности возвращения на Остров Хелли Мартенс: кто знает, как может обернуться.

Алфреда привели не на Замоквую, а на Новую улицу — в коричневый особнячок, в районное отделение МГБ. Закрыли в небольшой комнатушке. Окна без решеток выходили на улицу — незаметно уйти не удастся, за ним наверняка следят.

Начались допросы. Русские офицеры допрашивали с помощью переводчика, эстонцы — с помощью мордобития: «Чтобы уяснил — шутить с ним не намерены».

Хорошо, что не довелось видеть такого Королю: не понял бы. Вспомнил бы Рождество в Главном Городе и тот вечер, когда ходили с Алфредом в Долину Кадри, где лань пила из ручья, и Алфред объяснял про Ночь рождения Христа: что в эту ночь никто на земле ни с кем не враждует, что на Рождество и враги мирятся. А сегодня был именно тот день — накануне Ночи рождения Христа. Правда, никто об этом вслух не говорил, Рождество официально не праздновали.

Действительно, Короля уже сам арест Алфреда потряс, особенно то, что сделали это Векшель с Лыхе. Если бы еще он видел, как бьют... Правда, Алфред ударил Хелли по лицу однажды, когда целовался с Земляничкой в саду, и Король тогда сильно страдал,

но все же видеть, как бьют Алфреда!.. который так обвораживающе играет на аккордеоне и умеет создавать изумительно красивую мебель, который своими руками сделал грузовик,— видеть, как длинный и худой, словно скелет, человек избивает Алфреда... кулаком в лицо! Он бы не выдержал такого, умер бы.

Алфред же не считал, что ему плохо, он был уверен — ему будет плохо. Бьют? Наверное, радовались бы люди, найденные в замке, если бы их лишь избивали... А Сесси? Вполне заслужила порку и была бы довольна, что так отделалась.

Когда русские офицеры заглядывали в комнату, где допрашивали Алфреда «честные друзья товарища Сталина», те переставали бить его и вежливо с ним беседовали. Можно подумать, что русские не знали принципа такой «вежливости»... Тем более что вопросов ему никаких не задавали, просто внушали, что с ним не намерены шутить. Вопросы же задавались главным образом тогда, когда допрашивали с помощью переводчика...

Так что с переводчиком лучше, чем без...

И Алфред охотно и обстоятельно рассказывал: как был столяром, как делал мебель русскому капитану «Чуть-Чуть», про Хелли Мартенс; рассказывал, естественно, про Короля и мать. По мере продолжения повествования он увидел свою жизнь со стороны и стал осознавать, что ничего преступного в ней нет, жил, как многие,— старался выжить. Кто же имеет право решать: должен он жить на свете или нет? Даже в том, что собственную семью развалил, он не видел преступления, а объяснял случившееся своей неопытностью в некоторых тонкостях жизни: разве он женился на Хелли Мартенс, чтобы потом сделать ее несчастной? Правда, пришла мысль, что в чем-то он, наверное, не жил по Правде с большой буквы, вот если бы начать все сначала, он во многом жил бы иначе и

поступал бы по-другому, а на Хелли Мартенс, скорее всего, и не женился вовсе; вообще бы не женился так рано, когда человек еще не в состоянии понять самого себя и не способен осмыслить ответственность такого шага; все-таки в двадцать пять лет ты больше разбираешься в половой жизни, чем в любви.

Алфреда повели в так называемую тюрьму, что рядом с детскими яслями, появившимися здесь недавно. Такого учреждения — детские ясли — на Острове не знали на протяжении всей его истории.

Во дворе старого склада... теперь тюрьмы — полнохлама: ящики, доски, автопокрышки, битый кирпич. Дежурный, молодой паренек в милицейской форме, открыл дверь, и Алфред шагнул туда, куда раньше ему приходилось провожать других.

В длинном помещении с нарами по всей стене расхаживал высокий худой человек с серыми злыми глазами на вполне интеллигентном лице. Он вопрошающе уставился на вошедшего. Алфред поздоровался и уселся на нары. Итак — он в тюрьме?

— За что тебя? — спросил человек со злыми глазами.

— Самооборона, — ответил Алфред коротко.

— Ясно, — также среагировал злоглазый и продолжал шагать по камере. Некоторое время спустя опять спросил: — Женат?

— Да.

— Дети?

— Есть, — ответил Алфред.

— Жаль, — сказал злоглазый мрачно.

— Конечно, — согласился Алфред.

— Расстреляют, — заключил злоглазый и пустился бегать по камере. Алфред ничего не сказал. Что скажешь? Он и сам не сомневался в таком исходе. Найдут место где-нибудь, даже если не в замке.

— Били? Глаз-то...

Он остановился перед Алфредом, изучая его лицо. Алфред промолчал. Ну не кретин ли? Видит, что человек пришел с улицы насквозь мокрый и спрашивает: «А что, дождь идет?» Можно подумать, что человек сам себя облил из ведра... Не станет же Алфред сам себе морду разбивать.

— Пока здесь содержат, — размышлял злоглазый вслух, — еще куда ни шло. Здесь еще ничего. А уведут куда-нибудь...

То и дело он вскакивал на нары, бегал по ним, благо потолок высоко, подходил к окну, изучал решетки, бил по стенке кулаками и цедил сквозь зубы:

— Должен же... Должен же, черт возьми, найтись какой-нибудь выход! Ну, сволочи! Ну, красноперые петухи! Дай только отсюда выбраться!

Алфред ни о чем его не расспрашивал. Зачем? Какое ему дело, и станет ли легче лично ему, если он узнает, за что этого сюда запрятали? Злоглазый представился сам:

— Рууди, — сказал он, — Рудольф, — и посмотрел на Алфреда злобным взглядом.

Алфред назвался. Вот и познакомились. Алфред не сказал бы, что Рууди внушал к себе симпатию: очень зло ругался, цинично. Алфред ненавидел цинизм. И попусту ругаться тоже не любил. Да и кто гарантирует, что он действительно Рудольф?

В замке загремели ключами. Дежурный встал к двери и крикнул:

— Ильп?

— Я, — откликнулся Рууди.

— Выходи! — дежурный захлопнул за ним дверь. К вечеру Рууди вернули в камеру. Он продолжал беготню, но молчал.

Ночь Алфред провел скверно. Рууди же, как ни странно, спал как дома. Он был в пальто. Закутавшись в него, спать конечно же удобнее. Алфред же,

когда натягивал полушубок больше на голову, констатировал, что мерзнут ноги и задница. Думалось и про Вальве: что делает, будет ли она его разыскивать? Утром дали по куску хлеба и кружку с кипятком. Вскоре опять загремел замок. Дверь открыл уже другой дежурный:

— Рихард! Выходи...

В коридоре ждал конвоир. Алфреда повели в знакомый особняк. На этот раз с ним разговаривали только с помощью переводчика. Эту роль выполнял тот же Скелет, который вчера кулаками внушал Алфреду степень серьезности их взаимоотношений.

— Мы вас отпустим,— переводил скороговорку офицера Скелет,— ваши дела знаем. Известно, что в самообороне вы никого не убивали,— ваше счастье! Наверно, просто повезло?

Потом предложили:

— Говорят, вы хорошо водите машину... Дадим «мерседес». Поездите немного, попривыкнете к ней, там посмотрим.

Скелет повел Алфреда во двор соседнего дома. Здесь в частном гараже стоял черный «мерседес».

Все складывалось неожиданно благополучно, даже не верилось.

Земляника находилась в доме на Малой Гавани, только что ушел отсюда встревоженный Король, и Земляника, ей-Богу, сидела за кухонным столом и раскладывала карты: бубновая шестерка, крестовая десятка и червовый туз с острым концом сердечка вниз — перемена места жительства. И то! Что же ей еще остается?

Алфреда она встретила так бурно и восторженно, словно он вернулся из Сибири.

Спустя несколько дней за Алфредом пришел незнакомец, передал приглашение в коричневый особняк.

— Как машина? — встретил его любезно Скелет. — Значит, так, чтобы было понятно, можешь работать. — Эта личность держалась с Алфредом на «ты», ведь у них уже состоялся церемониал братства, — но поскольку машина наша, то работать на ней, естественно, означает работать на нас. Чем мы хуже немцев? Мы сквозь пальцы смотрим на твою службу у них... в ответ на такую же службу у нас. Мы не станем требовать, чтобы ты арестовывал своих родственников, но ты должен выявлять врагов Советской власти. Побольше данных. Главное: кто, где, когда? Больше сведений. Если их нет, обойдемся без них — нужны списки. Мотивированные списки. Официально ты — наш шофер. Это задание руководства. Поездишь по Острову... присмотришься. Обо всем будешь докладывать мне.

Алфред молчал. Молчание — знак согласия? Не всегда, иногда оно золото.

На этом аудиенция в коричневом особняке закончилась. Алфред сел в «мерседес» и газанул.

ГЛАВА IV

Когда Алфред поднимался к желтой двери, ноги Люксембургского Короля уже несли его опять в сторону Кривой улицы, легко и привычно повернули во двор, в ателье Калитко. В этот час обычно все собирались. А если нет, значит, Жора нажрался гехатипата, валялся трупом, и в доме царил могучий храп. Могло быть и иначе: Жора валяется трупом, а Заморский в это время возится у своей «Истории». Ирина в такие дни здесь бывать не хотела, следовательно, не приходил тогда и Пограничник. Все в этом кругу каким-то образом были зависимы друг от друга. Единственно Жора был зависим только от гехатипата.

В городе продолжалась жизнь. Портреты одних «великих» вождей в очередной раз заменяли другими... тоже «великими», но бронзовый солдат с саблей, еще недавно стоявший перед магазином игрушек, исчез опять. На его место, тоже как-то незаметно, установили огромный, в два квадратных метра, портрет человека с черными усами в военной форме без погон, в сапогах, в вытянутой руке он картинно держал трубку, на лице — выражение мудрой доброты. Рядом сколотили Доску почета с десятком портретов малоизвестных людей, работающих на городской бойне, на паркетном заводе или в небольшом автохозяйстве, просто чиновников. О них знали, что работают они, как все, не хуже — не лучше, но добросовестно, как привыкли, даже при немцах и даже еще раньше, то есть еще тогда, когда труд не считали исключительным почетом, так что этим людям и самим не ясно было, за что им такой позор — на всеобщее обозрение рядом со Сталиным...

Когда Его Величество обнаружил, что опять не стало любимого бронзового солдата, то не очень огорчился: он не сомневался, что когда-нибудь его снова установят, как уже бывало. Король догадался, что в политике так заведено: одни ломают, другие восстанавливают. Взрослые же опасались, что, как ночью бесследно исчез бронзовый солдат, могут опять исчезать и живые люди. Но пока никто не исчез. Заморский сказал Калитко:

— Пока спокойно. Чтоб не вспугнуть. Штиль... перед бурей. Ждут, чтобы народ успокоился, осмелел, перестал прятаться.

Король влетел на веранду и сразу увидел на вешалке старую шубу Заморского рядом с зимним пальто Ирины. Жора называл Заморского Заморским. По-

граничник с Ириной обращались к Заморскому «Веньямин Оскарович». Иван не обращался никак, вернее, как ко всем; он всегда прямо требовал то, что ему от кого-нибудь нужно, с той лишь разницей, что женщинам говорил «дайте», мужчинам — «дай».

Заморский, конечно, рисовал «Истерию». Ирина сидела у патефона и следила за его работой. Король не сомневался, что скоро появится Гриша-Пограничник. Ивана не было, Калитко — тоже. Король поздравился: «Страстуйте». Первое время он приветствовал всех, говоря по-эстонски «тэре». Затем стал здороваться с учетом национальности — людям приятно все-таки и не так уж это трудно. Однажды Иван рассказал, будто у Заморского якобы предки при царе имели в Эстонии собственное имение. Иван узнал об этом, конечно, из разговоров взрослых, а Заморского Иван Родионович за глаза называл помещиком и объяснил Королю, что это значит.

Ирина вежливо ответила на приветствие Короля.

Заморский относился к Королю, будто он — картина Калитко: рассматривал бесцеремонно. Это все-таки невежливо так пялиться на королевскую особу, прищурив один глаз, причем губами производя мерзкие звуки: взп-взп-взп. Сколько ни пробовал, сколько ни тренировался, Королю не удавалось воспроизвести этот звук.

— Вы чем-то возбуждены? — констатировал Заморский. — Что интересного видели в мире?

Нет, что ни говори, а обращение на достойном уровне! Веньямин Оскарович держался со всеми исключительно корректно, говорил «вы» и малым и взрослым. Король не совсем понял сути вопроса, не нашелся сказать ничего другого, как:

— Я в городе Сталина смотрел и Доску почета... Там все фотографии дождем размыло... — Ирина хохотнула. Заморский сделал «взп»... — Там еще напи-

сано на красной ткани: «Вся страна занята социалистическим соревнованием в честь Великого Октября»...

Королю, честно говоря, было неясно: почему Октябрь велик, а декабрь — не велик?

— Сталин не скоро размоется, — монотонно заметил Заморский и снова завзыпкал.

— Венямин Оскарович, — сказала Ирина, — я все хочу вас спросить, а что означает ваша картина?

— Это есть суть мироздания, — произнес художник поучительно, — наверху боги, внизу люди и скот.

— Как это непонятно, — задумчиво промолвила Ирина. — А как вы понимаете Бога? — поинтересовалась. — Вы сами-то веруете?

— Ого! — Заморский удивился. — Бог? Бог есть пространство, — заключил он уверенно. — Не то что верю, — я знаю, что оно есть. Пространство до того непознаваемо, — объяснял он авторитетно, — что непонятно. Бог — это и все и ничего. Понятно?

— Вряд ли. Значит, вот эти... боги? — Ирина показала пальцем на чудищ, по мнению Короля, с человеческими вроде бы лицами, но и не лица это были, а отвратительные искривленные рожи. — А что они делают? Дерутся?

— У них война, видишь ли...

— У богов война? — удивилась Ирина.

— Это античные боги, — уточнил Заморский, — до Яхве.

— А этот... Йегова — мирный? Ни с кем не воюет?

— Ну как же! — засмеялся гулким баритоном художник. — Тот, собственно, все время ведет борьбу с чертом.

Тут Королю вспомнилась история образования Брюквaoзера. Он, как умел, подбирая слова, тоже поинтересовался тоненьким голоском:

— А кто делал черта?

Заморского столь сверхсерьезный вопрос даже не

удивил, в конце концов, всякая клетка живой материи участвует в эволюции жизни. Немного подумав, он серьезно констатировал, что вроде сам Бог и создал черта.

— Странно и непонятно! — удивились Ирина с Королем дружно.— Зачем же делать ненужные дела? Сам создал,— хохотала Ирина,— и сам с ним воюет, а победить не может. А нас, грешных, упрекают, что не в состоянии воспитывать наших детей?

Взглянув на нее чуть подольше, Заморский спросил:

— Значит, есть детки?

— Трудно ж не иметь,— вздохнула женщина будто с сожалением.

Послышались чьи-то шаги, кто-то вошел на веранду, гремело ведро, из него зачерпнули воды, вероятно, попить, открылась дверь — вошел Иван и еще в дверях заявил, что у него ботинок валяет дурака.

Он всегда так выражался: «дурака валяет». И смешил этим Его Величество. Но ботинок и в самом деле «валял дурака»: разорвался шов на заднике. Король лично считал это пустяком. Другое дело, если бы подошва стала «улыбаться»,— пришлось бы повозиться. Ему приходилось ассистировать иногда Алфреду на хуторе Сааре, когда тот проводил операцию с какой-нибудь обувью, которой вздумалось валять дурака. Конечно, не королевское дело — чинить ботинки всяким иванам, с другой же стороны, приятно быть чем-то похожим на Алфреда.

А между прочим, в данное время именно Иванова куртка на Короле, в то время, когда на Иване жакет Его Величества, полученный от одной крестьянки из деревни Спинагора в уплату за поколотые им в ее хозяйстве дрова. Они часто менялись одеждой, носили кому что под руку подвернулось. Таким образом, починить ботинок Ивану означало чинить его однове-

менно и себе. Кладовка же в доме Калитко являлась хранилищем не одних холстов и красок — нашлись и шило, и мыло, и крючки да иглы. Примерно в то время, когда Алфред рассказывал о своих приключениях Землянике, Король чинил общий с Иваном ботинок, после чего они отправились в очередной раз изучать старый родовой замок Его Величества.

Они знали: поживиться там уже нечем, в замковой церкви не ждали их больше подарки от германской интендантской службы, но еще представляли интерес всевозможные тайны; ребята не переставали надеяться обнаружить какой-нибудь тайный ход.

Ивану повезло с Королем в том смысле, что стал он на все вокруг смотреть как бы глазами последнего, а это очень важно: умение пришедшему увидеть страну глазами местного жителя поможет полюбить ее и понимать, как свою. Правилось ли Маленькому Ивану смотреть на Островную Землю глазами Короля Люксембурга?

Вообще-то, Маленький Иван был нрава практического и нехитрого. Обычно на какие-нибудь нюансы природы он особого внимания не обращал: солнце — везде солнце, а травка и должна быть зеленой, так что утверждать, будто она может быть еще и синей, и даже, простите, фиолетовой! — ерунда.

Но Король, переставший внушать другому истину с помощью затрещин да зуботычин, терпеливо разъяснял, что в зависимости от расположения солнца на небе и времени дня оно по-разному освещает природу, меняя окраску всего живого и мертвого, и Маленький Иван постепенно стал соглашаться вовсе не из желания оказать другу любезность: он увидел, что все в мире может быть совершенно не таким, каким он привык себе представлять или каким ему что-то когда-то называли. Вскоре он согласился с тем, что есть и в самом деле трава фиолетового цвета и синего тоже.

Но все-таки Иван относился к действительности более реалистично, хотя романтические чувства и ему не были чужды. Доказал он это, когда они своим обычным ходом, то есть бегом, направлялись к парку: он сунул Королю небольшую фотографию, с которой на Его Величество смотрели серьезные, внимательные глаза... Марви! Король от неожиданности приостановился:

— Откуда?! — Его Величество, возможно, покраснел: значит, Иван знал...

— А-эх! — отреагировал маленький русский на вопрос, не нуждающийся, по его мнению, в уточнении.

Маленького эстонца одно время подобный пренебрежительный ответ раздражал, продолжение разговора могло стать малосодержательным. Теперь с этим покончено, дети ведь не политики, развиваются, а в данном случае проявление какого-либо неудовольствия относительно подобного «а-эх!» было бы сверх-неблагодарностью.

К тому же Иван немного раскрылся:

— Лилиан свой школьный альбом показывала.

Король смутился, растерялся, не зная, как быть: надо ли скрыть свою откровенную радость? Он живо спрятал фотокарточку в нагрудный карман рубашки под курточкой, под свитером, как раз над сердцем. Определить свое дальнейшее поведение он так и не успел: навстречу шли трое...

Один из них Комсюк, другой — Свен, бывший вассал Его Величества, третьего они не знали. Встречные прошли мимо, как будто поздоровались, во всяком случае, Король снисходительно кивнул Свену. Тот сильно вытянулся за последнее время, словно стремился догнать в росте своего нового повелителя, Комсюка, который ростом с Ингвара. Однако... какая дерзость! Свен не ответил на кивок Короля. Раньше со-

гнулся бы, чтобы языком пыль лизнуть ради милости Его Величества. Теперь же крикнул, удаляясь:

— Все еще с этим русским шатаешься!

Иван то ли понял ситуацию, то ли нет, у Короля же сильно зачесались кулаки. Друзья продолжали свой бег, но Король прикинул, что сам он дружит с комсомольцем, а осуждает Короля за его дружбу с русским мальчиком.

Он не вполне разбирался в значении слова «интуиция», которую взрослые называют шестым или седьмым чувством, но оно подсказало Королю: быть Свену побитым. Он вообще-то и раньше отмечал, что Свен стал избегать Его Величество и думал, что родители не разрешали ему общаться с Королем из-за Алфреда. Король даже не обижался, он понимал — время сложное. Теперь же — вот так фокус! — его упрекают за дружбу с маленьким русским... Лилиан Вагнер — немка, и отец ее немец, и дед был немец, но с ней дружить не считается зазорным. Почему же иначе надо относиться к Маленькому Ивану?

Однако вперед! К тайным ходам! Да, конечно, Королю не было известно о существовании тайных ходов в замке — не знал он таковых: тайные ходы потому и тайные, что про них никто не знает. Но в душе он не сомневался, что должны они быть: если бы их не было в природе, чего ради тогда уже столько раз при всех властях раскапывали землю вокруг и около замковых стен? Приезжали люди даже из Главного Города. Да все рыли-перерыли! И внутри тоже, и в подвалах, и на дне пещеры львов, в колодцах смерти — везде. Значит, искали что-то. Оно и понятно: где замки — там и тайны.

Король рассказывал Ивану про тайные ходы в Нарве, которые открыли воры. Войдя в ход на одном краю города, они шли по нему и на другом краю вышли в кладовые погреба торговца овощами. Тот в сво-

ем саду в старом, полуразвалившемся подвале построил овощехранилище, отгородив кирпичной кладкой завалившуюся часть подземелья. Оказалось, что под городом — древние военные секретные сооружения, еще сохранившиеся со времен русско-шведской войны.

Но ведь и на Острове шведский гарнизон стоял. Королю о том известно достоверно. Королей не принято расспрашивать, откуда и что они знают, когда утверждают, что знают, им положено верить. Итак, в замке тоже стояли шведы. Следовательно, тайные ходы здесь должны быть. Нашли же замурованного рыцаря. Совершенно ясно, что замков с замурованными рыцарями не проектируют.

Как человека практичного, Ивана тайные ходы интересовали, насчет же замурованного рыцаря его подмывало сказать: «Врешь, наверно». Вместо этого спросил:

— За что живого-то?

— За шашни! — объяснил Король. — С одной красоткой снюхался, но жениху красотки стало об этом известно, и ему такое не понравилось...

Текст данного диалога, мягко говоря, несколько не аристократичен, но что поделаешь: с кем поведешься — от того и наберешься. Кое-какие обороты речи Король от Ивана позаимствовал.

Надо сказать, и Королю повезло с Иваном: без аудитории ему нельзя. Королям необходимо доказывать ежечасно свою королевскую значительность, но она даже у самых незначительных королей заключается в демонстрации их ума или, если его нет, — знаний, или, если и их нет, — таланта, во всяком случае, чего-нибудь, что, им кажется, у них имеется. У Люксембургского Короля наблюдались все перечисленные качества, необходимо было только обеспечить себя аудиторией, ибо, если некому продемонстрировать свои дарования, для чего же они нужны? Иван оказал-

ся благодарной аудиторией. Люди Тори, в том числе и Лилиан, тоже весьма охотно внимали речам Его Величества, но Иван, пожалуй, один заменял их всех. Он даже иногда был требовательным, если, случалось, Король не до конца что-нибудь рассказывал, как это было с историей про дочь Лембиту — древнего короля эстов — Синисилмне... Так ее звали. Означает же это «Синеглазая».

Они в тот день втроем бродили, как иногда случалось, в окрестностях Журавлей, делали круги в парке вокруг замка, и Лилиан, вспоминая, как они когда-то гоняли мяч на лугу за рекой Тори, как бегали по камням за старой больницей, где часто Король пересказывал прочитанное в книгах, услышанное от хуторян о далеком прошлом, стала просить, чтобы Его Величество о чем-нибудь рассказал. Король начал рассказывать «достоверную» историю из прошлого их родной республики. Когда Маленькому Ивану что-то было непонятно, Король делал перерыв, и они для него все разбирали.

Рассказывал Король о том, что в городе Петсери расположен древнейший мужской монастырь с подземными ходами, и уверял, будто вычитал об этом у старого эстонского писателя Крестолеса. Вели те ходы к древним захоронениям и богатствам, которые неслучайно большое количество раз пытались добыть всевозможные завоеватели, но никому это не удавалось. И шведы искали, и рыцари, и польские паны, литовские и русские князья, а все бесполезно. Ходы в подземелье вырыты в твердом золотистом песке, а в них, в песчаных ложах, покойнички засохшие лежат, не портятся. Как их уложили, так и лежат, только высыхают сильно. А там, где ходы выходят к изумрудному подземному озеру, — здесь и клады с сокровищами.

Про Лилиан с Иваном невозможно сказать, насколько они поверили в историческую действитель-

ность рассказанного, но Король побоялся, что врать — ниже королевского достоинства, что даже Хелли Мартенс однажды ему говорила: вранье не всегда уловка, очень часто оно — трусость.

Вранье — не вранье, но конца этой истории с тайными ходами в Петсери друзья тогда не узнали, поскольку Лилиан понадобилось идти домой, ведь она не была беспредельно свободной, как ее друзья: ей нужно отца ежедневно кормить, обстирать, в доме порядок поддерживать.

Теперь, направляясь в замок, Король «травил» про замурованного рыцаря, историю которого в семье Рихардов якобы передают из поколения в поколение, так что достоверность факта не подлежит сомнению, а в соответствующих книгах он наверняка зафиксирован, даже сам Король видел то ли в журнале, то ли в газете фотографию этого рыцаря, как он, вернее его скелет, сидел за столом с длинной шпагой, висевшей на боку, уронив на стол черепушку, словно уснул. В немецкое время сюда даже школьников приводили на экскурсию. Говорили, будто этот рыцарь — испанский монах, инквизиция прислала его на остров вынюхивать про сокровища Лембиту.

Иван, оказывается, не знал даже, что означает слово «инквизиция».

— То же самое, что энкаведе, — объяснил Король. И рассказал потрясенному Ивану страшную историю, как рыцарь «снюхался» с дочерью орденского магистра, как их схватили, как его замуровали, а ее в заливе утопили в проруби. Когда же Иван потребовал до-рассказать заодно и ту историю с сокровищами Лембиту в тайных ходах Петсери, выяснилось, что Король... забыл. Короли, оказывается, забывчивы, когда от этого не страдают их интересы. Иван, однако, при-

стал к Королю «с ножом к горлу» и тому пришлось «травить» (выражение Ивана) дальше о том, как в немецкое время, которое тогда называлось временем строительства Новой Европы, один офицер-снабженец с дочерью и пуделем приехал из Германии по своим интендантским надобностям, но в Петсери, будучи наслышан про монастырь и дочь Лембиту, охранявшую якобы сокровища, он решил обследовать подземные тайные ходы.

Этот интендант понимал, конечно, что легенды всего лишь легенды и есть. Но известны случаи, когда они базировались на вполне достоверных исторических событиях и благодаря им, легендам, в мире сделано немало открытий: откопали Помпею, нашли Трою, не переставая ищут Атлантиду. Почему же не могут в Петсери где-то в подземелье быть спрятаны сокровища древних эстов? Все-таки жили они на этих берегах несколько тысяч лет до прихода сюда крестоносцев и сидели здесь не тихо-мирно, как им свойственно уверять: они были достаточно воинственны, с островов, известно, викинги совершали набеги на Швецию и даже однажды стерли с лица земли столицу шведов; что же они в этих набегах только жеп хватали или совершали походы в качестве увеселительных прогулок?.. Одним словом, поверил барон (он, оказывается, к тому же числился в баронах), что где дымит, там и горит.

Немец с дочерью стали ходить в подземных ходах, которые начинались за Петсерским монастырем — приспичило им отыскать ту мумию, про которую сотни лет рассказывают, будто лежит она на огромных богатствах. Но есть там одно место в песчаных пещерах, где даже сами монахи бывать боятся: жилище Кохиня. Дальше рассказал Король про верховного старосту древних эстов Лембиту и его дочь Синисилмне, которые жили в стране у Моря уже тогда, когда

не знали здесь еще Христа. И уже тогда в пещерах недалеко от монастыря обитал эстландский колдун Тууле Кохинь. Когда умирал Кохинь, приходил неизвестно откуда совершенно такой же новый Кохинь, помоложе, хоронил умершего и оставался жить в его пещере. И так бесконечно.

— Врешь, наверно...— машинально вырвалось у Ивана привычное восклицание, не обошлось и без такой же машинальной затрешины.

— Ты что, дурак? — в сердцах воскликнул Иван.— Я же по-доброму!

Иван — само внимание, а рассказчику вздумалось к тому же прерваться, чтобы ловить воробья. Дался ему воробей именно сейчас! Тем более что не поймать.

— Черт с ним, с колдуном! — поторапливал Иван.— Немец нашел что-нибудь?

— Немец был нехороший, и дочь его, хотя и красавица,— тоже. Монахи предупредили, что в пещерах нет ценностей — давно бы нашли. Столько искали! Ходы есть: узкие и пошире, одни выведут к реке, но некоторые никуда не приведут, а идут и идут бесконечно. Уже бывало, что исследователи входили в эти ходы и никто их больше не видел. Барон с баронессой и пудель не поверили: сказки, мол! Легенды. Барон требовал, чтобы монахи сами показали дорогу. И баронесса — потрясающая красавица! Рагнессой звали. Гордячка, ни с кем не разговаривала, только со своим пуделем.

Наконец, нашелся предатель и сообщил, что имеется ход от реки Пиуза у поселка Вастселийна. Оделись они однажды в комбинезоны, комендатура вермахта дала автомобиль, взяли с собой предателя и поехали в Вастселийна, отыскиали ход да давай там ползать. Ползали-ползали, нашли скелет, кое-какие

железные орудия, брошку. Монах-предатель разъяснил, что это мелочи — дальше надо искать!

К барону-интенданту приходили другие монахи с просьбой не брать эти старые ржавые вещи, доставить скелет обратно. Барон не слушал просителей, баронесса посмеивалась, говорила, что ее пудель обожает глотать древние кости. Но пудель сломал зуб. От злости красавица выкинула скелет на помойку.

Тогда монахи устроили в Петсери молебен, чтобы защитил Бог остальные скелеты в пещерах. Но Бог не защитил: интендант все ползал, таскал скелеты древних эстов, собирал их ржавое имущество. Наконец, отправились монахи к пещере Кохиня на поклон, хотя и боялись, что Бог христианский им этого не простит. Попросили они уже сильно постаревшего Кохиня что-то сделать, а то интендант всех древних старост из пещер выволочит.

Кохинь, седой и косматый, одетый в костюм из английской шерсти, но без галстука, как и полагается быть натуральному колдуну, обожающему круглый год ходить босиком, велел раздобыть клочки волос барона да какой-нибудь предмет из личных вещей баронессы. Организовали монахи за ним слежку почище гестапо. Когда интендант отправился в парикмахерскую, один из монахов пошел следом, принес в жертву собственную бороду, и клочок волос интенданта самоотверженный богослужитель добыл. Другие монахи в это время не спускали глаз с интендантской дочки и пуделя. Их вещи были надежно заперты в гостинице — не взять, единственно пуделя удалось схватить, когда эта тварь чрезмерно разбежалась как-то в парке.

— Когда Кохинь получил клочок волос интенданта вместе с пуделем,— продолжал рассказ Его Величество,— он засунул пуделя в котел, туда же кинул во-

лосы интенданта и повесил над костром в пещере — плиты он не признавал,— затем всыпал в котел порошков, трав, приправ, налил воды и начал варить.

До этого изловил из большого глиняного сосуда огромную жабу, поместил ее в ржавую консервную банку, а живую крысу повесил за хвост над кипящим котлом. Когда варево закипело, стал Кохинь читать колдовской наговор: «Господин Святой Дуб — Таара! Дубы малые и большие, далекие и близкие! Дубы, дубята и дубинушки! Избавьте древних достойных мужей от надругательства пришельцев-угнетателей, избавьте от нежеланных избавителей! Накажите за нарушение вечного покоя! О, священный Дуб! И дубчики, и дубята, дубинки и дубинушки!..»

Так старый Кохинь призывал до поздней ночи в своей пещере, у входа в нее стояли на коленях монахи и крестились неустанно, повторяя: «О, Господи! Господи! Господи!» В котле до дна изварилось варево, жаба в консервной банке из-под балтийских килек лопнула, а крыса, естественно, сдохла. Что ей еще оставалось в такой ситуации?

Тут Ивану опять пришлось нервничать в ожидании продолжения: увлекшись историей с интендантом, они и не заметили, где очутились. Когда же Его Величество прервал рассказ, чтобы погнаться за пауком, они были уже в подвальном помещении замка. Конечно же Ивану захотелось увидеть то место, где был замурован испанский рыцарь-сердцеед.

— Ты мне этот подвал еще не показывал,— напомнил он Королю.

И они направились искать каморку замурованного рыцаря, забыв про все другое в мире.

А в мире продолжалась война. За порогом стоял новый, тысяча девятьсот сорок пятый год.

Король показал Ивану каморку, где нашли человека, замурованного живым за то, что он любил

красивую женщину. Король не сомневался, что она была красивая — нелогично влюбиться в некрасивую. Он продемонстрировал, в какой позе сидел инквизитор, как висела его рука, какой длины была шлага, где стоял стул, стол,— все живо, словно он сам здесь тогда был и своими глазами все видел. Глазами Короля увидел эту картину и Иван.

— Уже тогда были мучители! — восклицал Иван, и Король подтвердил теми же словами, которые однажды услышал от Тайдемана:

— Вражда была всегда, это как землетрясение или наводнение, вражда — это как стихийное бедствие.

Шагая по галерее, откуда через высокие узкие окна открывался вид на внутренний дворик, Король задел ногою скомканную бумагу и поднял ее. Оказалась половинка газетной страницы на русском языке. Для Короля она интереса не представляла, его взгляд лишь остановился на рисунке с изображением четырех голов: одна с большой бородой, другая с бородой поменьше, третья... Этого он знал — Ленин с маленькой бородкой. А четвертая... Король и этого знал так же хорошо, как знал его весь мир. Совсем без бороды, но с большими черными усами.

ГЛАВА V

Новый год встречали в ателье шумно, присутствовали только мужчины. Пограничник относительно Ирины вскользь заметил, что бывают же у женщин и постоянные обязанности, которые невозможно избежать. Разумеется, все мужчины... взрослые — выпили за ее здоровье. Новый год встречали с обильной выпивкой. Гехатипат не употребляли. Заморский, как известно, его не признавал. Пограничник привел друга, которого представил:

— Мой Друг с большой буквы. Между прочим. Саша.

Короля можно было четвертовать (Пограничник объяснил ему, что четвертовать — значит резать человека на четыре части; еще Королю тогда представилось, как человека кладут на стол и режут на четыре куска), но, какая разница между Другом с большой буквы и другом с маленькой, он не понимал. Этот нервный чернявый офицер остался в его памяти как Друг Пограничника. Таким образом, их оказалось шестеро, пятеро курящие, причем один тянул трубку — Маленький Иван. Что Иван курил, к этому здесь привыкли уже настолько, что само по себе это комическое явление смеха ни у кого не вызывало.

Из еды на столе ничего особенного не имелось, но, несмотря на это, никто ни с кем не враждовал и даже не подрался. Кровяная колбаса, сало, хлеб и чай. Собственно, чай пили только Король и Иван. К кровяной колбасе они относились с вниманием. Взрослые пили водку, предлагали шутки ради и Ивану, поскольку человек все-таки курил трубку, и сочли ее удавшейся, когда Иван, показав на Короля, как ни в чем не бывало ответил:

— Мы только пиво признаем.

Как сильно отличалась эта встреча Нового года от предыдущих, какие Королю довелось встречать в своей жизни! Но весело, конечно. Даже ему, который порою не понимал веселья других. Шумно! Люди выпивали. А Король знал: когда выпивают — всегда шумно. Почему так, он себе объяснить не старался. Пили, ели, курили. И говорили, говорили, говорили...

Королю порою представлялось, что он вовсе и не король, а, скажем, кот, и смотрит на людей будто бы сверху, например сидя на шкафу, и видит странных существ, которые все время жуют и говорят-кричат...

Ему они казались невероятно глупыми именно оттого, что много говорили. «Ну о чем можно столько говорить? Зачем у людей столько ненужных звуков?» — думал Король, будучи котом. Ведь котам для общения вообще не надо столько шуметь, а у них наверняка имеются свои представления о жизни. Он тем более чувствовал себя котом на шкафу, что разговоры велись на труднопонятном языке. Да, он этот язык немного уже понимал. Однако, когда столько слов сразу, то они сливаются.

Король присматривался к Заморскому, стараясь вникнуть в его сущность. Держался Заморский со всеми насмешливо. И этим вызывал у других желание на него кричать — так показалось коту в образе Короля. Заморский скажет что-нибудь коротко, и тут же остальные долго и громко кричат-орут, машут руками, стучат кулаком по столу — дом сумасшедших, как бывало говорила Хелли Мартенс. Кот, право, в этом не разбирался, ибо глупости ниже его достоинства.

Король же в сумбурном галдеже уловил, что и теперь, как и при любой встрече, они рассуждают о социализме. Вот уж действительно вечная тема для иного любителя болтать! Причем, как показалось, их всегда занимал один и тот же вопрос: возможен социализм или невозможен? Ни для кота, ни также для Короля предмет спора никакого интереса не представлял, так как им социализм не нужен.

Обычно начинал Пограничник.

— Социализм невозможен уже потому, что невозможно изменить суть человеческой природы! — излагал он свою позицию.

На этот раз его поддержал и Друг, тоже кричал нервным голосом, что, если человеческую сущность не изменить, значит, всегда будет, как было, от Адама и Евы.

Адам?.. Ева?.. Н-да! Про эти персонажи Король вообще-то слышал, даже читал что-то, когда посещал школу у Брюквaoзера. Довольно темная история. Непонятные личности. Еще в учебнике богословия первого класса про них как-то туманно намекали: будто бы жили в раю (вероятно, тоже Островная Земля, но черт ее знает, где), будто бы им запрещалось рвать яблоки (здесь тоже не везде можно), будто бы они все-таки съели самое вкусное, которое им змея показала, и их за это выгнали из рая. Вопрос: куда? На Землю? Но ведь и на Земле яблок навалом. Нет логики. Да и сами учителя ничего толком объяснить не сумели: чего ради Адам с Евой уж так застыдились после того, как сожрали яблоко? Что голые? Так и на Земле не принято голышом бегать. Что змея яблоко подсунула? Королю бы побольше таких змей в иных садово-огородных ситуациях!.. А уж он-то сколько имел дела с яблоками... из всевозможных садов. И тоже... Он плохие обычно не берет. Но и то, чего уж тут особенно стесняться! А эти съели всего одно яблоко на двоих, но сколько разговоров!

После новогодней пьянки в ателье решили друзья податься на заработки. Они и раньше ходили. Когда вместе, когда врозь. Опыт приобретался. В Рэо, что не так далеко от города, они во многих хозяйствах помогали, где на хуторах оставались пожилые люди. Мало ли — много ли, работу кое-какую делали: раздывали дрова на топливо, рубили хворост, к весне многим понадобилось вырубать поросль ивы у дорог, у заборов или в канавах, выбрасывали и навоз из коровников. За зиму навоза в коровниках накапливается, он утрамбовывается. Ведь как бывает: делает корова дело, то есть «блин», хозяйка забросает

его соломой, и так каждый день. Так что к весне королева окажется на солидном навозном бугре; необходимо это удобрение вытаскивать за коровник, отсюда, когда снег растает, увезут на поля. Одним словом, дел у ребят хватало.

Платили не деньгами, а натурой: давали копченого мяса или муки, яиц, предлагали и шерсть. Ее Иван брал для Лилиан, которая вязала ему носки.

Узнав, что Алфреда отпустили, Король со спокойным сердцем продолжал жить в своем королевстве фантазии. Туда все глубже втягивался и Иван.

Но Алфред на «мерседесе»...

Это приводило Короля в восторг, немного стало и обидно: Йентс, значит, будет ездить на «мерседесе». Однако завидовать не имело смысла: он понимал, что и Йентсу, если в Карула открыли школу, некогда кататься на автомобиле, к тому же Алфреду машина дана для служебного пользования.

Отправившись на заработки, они взяли пустые мешки под «зарплату». Пошли, конечно, пешком. Решили на этот раз податься в деревню Розвальни, что недалеко от Звенинога. Можно было искать дело и в самом Звенинога, но близость Сааре не нравилась Королю: пойдут разговоры, что Король Саареский в работниках ходит... А Розвальни... Тянуло Короля сюда, он надеялся встретиться с Ниргит и узнать про Сесси что-нибудь. Да и на хуторах Ару ему побывать приятно, как на Малом, так и на Большом.

Иван к тому же почему-то не любил Звенинога. Сколько раз приглашал его Король на Сааре — не соглашался. Причину своего нежелания, как всегда, не объяснял, только произносил: «А-эх!»

Не бить же его за это! Король конечно же рассказывал другу, как раньше жилось на Сааре, как баню топили и какая там замечательная собака.

Подумал было Король забежать за финскими сан-

ками к Харри на Полевую улицу. Отец Харри стал заведующим рыбацкого кооперативного магазина, который поместили в бывшем производственном доме Алфреда: верстаки и прочее перекочевали в сарай, на их месте образовались полки с товарами. Но передумал, не стал клянчить сани. Им не привыкать к пешим переходам, да и по дороге могут подобрать чьи-нибудь попутные сани, если «голосовать».

Они шагали, болтая о том о сем: что школа — каторга, хотя хорошо бы Ивану знать эстонский язык, что бароны — это нехорошо, председатели колхозов — тоже плохо, а свобода — хорошо, но, чтобы жить свободно, надо только работать. Таким образом, выходило, что их образ жизни самый правильный. Мимо мчались маленькие грузовики, изредка большие студебеккеры; догоняли сани и розвальни, но не все ездоки им нравились, как, впрочем, и они не всем... Скучно им не было, для них война давно уже не существовала. Они были заняты друг другом, каждый стремился открыть для себя мир другого. Как уже известно, мир Короля становился все больше и больше понятен Ивану, сам же он оказался на редкость замкнутым. Такие Королю не нравились: ты ему обо всем на свете, всю свою жизнь, как на ладони, а он... молчит. Скрывает ли что? Или дураком боится выставиться? Но ведь Королю не нужно, чтобы Иван очень умный был, ему достаточно, чтобы он был просто Иван, как всегда. Ничего особенного не надо.

— Я и без тебя про русских многое знаю, — заводил Король приятеля, — обжоры они в общем-то. — Иван не успел даже обидеться, Король продолжал: — Жил один ваш князь, Демидов... Его потом маркизом сделали. У него поросята жили в детских люльках, им белье каждый день меняли, три раза в день массаж делали, сам маркиз поил их из соски груд-

ным материнским молоком, чтобы росли мягкими и вкусными. Потом, когда груднички подрастали, сам князь их на кухне вместе с поварами потрошил, чтобы зажарить. Ты таких поросят хоть во сне видел?

Иван не обижался. Он ошарашил Короля неожиданным всплеском эрудиции:

— А я знаю, что через каждые пятьдесят четыре дня с Марса поступают сигналы, и их на Земле по радио ловят...

Говорят, что люди от большого удивления рот открывают. С Королем так именно и случилось: Иван книг не читает. Откуда же он взял про эти сигналы? Так и подмывало сказать: «Врешь, наверно». Обычно, о чем бы Король ни поинтересовался у Ивана, тот всегда отмахивался: «Я-то откуда знаю? Я из деревни...» А тут такая неожиданность — сигналы!

— Это наш профессор открыл, русский, Терентьев. — Иван с явным превосходством поглядывал на приятеля. — Он по радио... на ультракоротковолновых... Он сказал, с Марса на Землю сигналы послать можно, у них там сильные передатчики, на Земле такие делать не умеют. А другой профессор сказал, что, кроме Марса, на других планетах жизни быть не может, что весной на Марсе растет трава, оттого он становится зеленым.

— Это, наверно, не точно, — Король попытался спасти свой авторитет: он-то ничего про космос не знал. Но Иван и не думал задаваться.

— Болтали там... Заморский говорил. Он интересно травит. А может, и неправда. Говорит, что таких городов, как Москва, на Марсе нет, а то ночью огни бы были видны. Люди на Марсе еще не очень развиты культурно.

Иван смачно плюнул на дорогу. Эта его привычка не нравилась Королю, уж сколько выговаривал ему — без толку. В детстве Король в Главном Городе

видел в зоопарке верблюда, тот тоже плевался. Но удивительно, в присутствии Лилиан Иван никогда не плевался... В чем тут дело? Затем они погнались за вороной. Она неожиданно возникла посреди дороги почти перед их носом, ничуть не боясь, подпустила довольно близко, потом — кра-акс! — и отлетела на сугроб. Король швырнул в нее комком снега — мимо, ворона даже не шелохнулась. Король крикнул Ивану, что это, наверное, Франц, снова швырнул и опять не попал. Тогда стали вдвоем за вороной гоняться, даже вспотели. Вдруг позади раздался лошадиный храп — их догнали сани, в которых сидели два мужика в полушубках домашнего покроя. Один с роскошной белой бородой.

Ворона улетела, путешественники посторонились, не решаясь попроситься в пассажиры, хотя длинные торцы полозьев словно манили. Бородатый сам крикнул весело:

— Не бойсь! Цепляйсь!

Ребята дружно вскочили на полозья и вцепились руками за верх спинки сиденья. Словно желая доказать, что вороная лошаденка еще молодец, безбородый мужик съездил ей по крупу вожжами, лошаденка рванулась.

Бородатому — как же иначе! — необходимо совать нос в чужие дела: куда едут да откуда? Ах, работу ищут, ах, в деревню Розвальни? Мужики веселые, пахло от них чем-то знакомым: эфир. Так от Манчи однажды несло, когда тот съездил в город, а на Сааре все потом его обнюхивали и ругали.

— Поехали с нами, — орал бородатый громко, — поехали в Тыллусте! И там работы достаточно! Эге! А сколько берете? А что умеете? Хе-хее! Эго-гоо!

Бородатый хохотал без всякой причины. Потом спросил:

— А знаете, кто я такой? — И сам себе ответил: —

Я есть Лоцман Счастья! Я — Ветер. Меня все знают, я никого не боюсь. Я всем друг, всему честному люду. Я организатор семейной жизни. Подрастете — поженю и вас как миленьких, и на хорошеньких девушках! Эге-ого!

Конечно, юные путешественники не знали, что этот Бородач носится по всей Островной Земле, что в бесчисленных его карманах множество фотографий женщин и девушек, мужчин и парней, схемы хуторов с перечислением скота и другого имущества, записные книжки, в них адреса потенциальных женихов и невест. Многим помог он организовать семейную жизнь, этот Ветер, много соединил пар.

Работа Ветра — создавать семейное счастье. За его работу и ему платили натурой, теми же продуктами, как и работягам на полозьях у него за спиной, но бывало, что и деньгами, а бывало, и живыми поросятами.

Теперь лошаденка тащилась с ленцой. Безбородый мужик грозил ей вожжами, и лошаденка, чуть повернув голову, косила глазом, как бы определяя: серьезно он или просто машет. Другьям в другую сторону, но веселость бородатого Ветра пришлась им по душе. Бородач запел, его голос тоже напоминал завывание штормового ветра, тем более что слова в песне не улавливались: ый-ый, эх-ха-ха, уй-уй, их-хы...

— А что... в Розвальни? Откуда же ты, с какого поместья? — прервав свое завывание, поинтересовался Ветер, — я там всех знаю.

Король объяснил, что, вообще-то, он не из Розвальни, а из Звенинога, это рядом. Он назвал и Сааре, но не стал уточнять своего происхождения, — не всем доступно понять.

— И в Звенинога всех знаю! — заявил Ветер гор-

до. Безбородый подтвердил, что Ветер всех везде знает, на то и Ветер.

— Сааре... Ого! Манчи тебе кто? Родственник... Н-да. Ох, знаю я этого шельмеца. Слышь,— обратился к безбородому,— дружки эти... с Манчи... на весь Остров трюкачи. Там этот... Эйнар. Поспорил, что слопают сразу пятьдесят раков, если заплатят ему десять крон. Если же нет — с него ничего. Съел только двадцать семь... Говорит: поел малость, ну и хватит! А те дураки, считай, закуски лишились. Эго-ха-а! В другой раз подходит Манчи в городе к деревенскому и просит подержать за конец веревки: он измерение проводит... ширины мостовой. С другим концом веревки переходит улицу, здесь другого дурака попросил держать за конец, а сам исчез... Эти олухи стоят, ждут и даже не сообразили, что «землемер» одурачил их. Эге-хоо! А на Сааре черный петух еще жив или сварили?

Король откровенно признался: сколько себя помнит, на Сааре никогда не было черного петуха. Черный ворон — да, жил на раките у колодца, а петуха... В это время мимо промчался «мерседес». Сперва они услышали шум мотора, затем увидели тупое рыло приближавшейся машины. Она поравнялась и, обдав их гарью, пропала за поворотом. За рулем сидел Алфред, и «мерседес» помчался к сельскому Совету в Пихтла за метриками Хуго.

Эдгар прислал на Остров телеграмму из далекого, уже не осажденного Ленинграда. Поступила она в военную комендатуру Журавлей. Содержание примерно такое: военный парикмахер просит известить его брата Алфреда Рихарда по улице Малой Гавани, что необходимо к такому-то числу доставить на пограничный пропускной пункт в Сухое Место метрику освобожденного из военного плена за канистру спирта (такого уточнения в телеграмме не было)

Хуго Рихарда для удостоверения погранслужбой рождения и права проживания Хуго на Островной Земле.

В то время въезд на Остров для эстонцев был закрыт, зато в изобилии прибывало русских, а почему так — оставалось загадкой даже начальнику пограничного гарнизона. Нет необходимости уточнять, как удалось военной комендатуре отыскать Алфреда, хотя нетрудно предположить, что в этом помогли и люди из коричневого дома.

Надо сказать, людям в этом славном коттедже именно в это самое время прибавилось дел из-за того сердитого злогоглазого Рудольфа, с которым Алфреду «посчастливилось» познакомиться в старой конюшне, ставшей временно тюрьмой. Рудольф, оказывается, ухитрился сбежать из тюрьмы, поскольку ему не понравилось жить в конюшне: ему повезло при посещении уборной проломить череп охраннику.

Горожане судачили о происшествии, но никто ничего толком не знал. Не знали достоверно и того, за что был арестован Рудольф. Говорили, что похитил он корову со сборного пункта в деревне Пологая Гора, куда крестьяне пригоняли скотину для сдачи в качестве продналога в живом весе; здесь коровы взвешивались, крестьянам выдавалась квитанция, потом скот гнали в Журавли. Случалось, на рогатую колонну ночью в лесной местности нападали разбойники с криками и стрельбой, и нескольких коровушек государству не доставалось. Говорили, что, устроившись мастером на стройку железной дороги оборонного значения, Ильп продал на сторону грузовик шпал. Говорили, что служил он страховым агентом и присвоил казенные деньги. Говорили, что, будучи необузданного нрава, в драке убил человека. И еще много чего говорили о Рууди. Ясно же было только

то, что сам по себе этот человек национальным героем не являлся — бандит, каких в мире сколько угодно!

То, что убил он охранника, знали точно, об этом говорили по всему городу, но убийство какого-то рядового милиционера — не тема для долгих разговоров. В такое время, когда Павловский варил людей живыми, когда немцы стреляли и вешали тысячами, сжигали... одним милиционером островитян уже не удивишь. Как бы для того, чтобы не стало людям скучно, чтобы прибавить разговоров, Рудольф сразу же в деревне Кишмялягушки убил еще троих — мужа, жену и ребенка. Говорили, что был он там не один, говорили, что убитые якобы в сорок первом писали в НКВД доносы на односельчан; говорили, будто Рудольф объявил коммунизму тотальную войну; говорили...

Опять говорили! Но служителям из коричневого дома пока не о чем доложить начальству: Рудольфа не поймали, его необходимо усиленно ловить. А что, собственно, им еще делать, как не искать?

Снег под полозьями скрипел, лошаденка помахивала хвостом в такт своего размеренного шага. Безбородый заговорил о войне, что идет она к концу, недолго уже осталось и, значит, присутствующие на острове русские войска пойдут, наверно, домой, к себе в Россию, и надо будет думать о том, как организовать дело в деревне, на хуторе. Он размышлял о сельских Советах: останутся ли или опять сделают волостные правления, как было раньше. Лоцман Ветер возражал ему, сказал, что рано о том голову ломать — еще война идет, еще неизвестно, когда она кончится, а посему надо будет смириться с теперешними порядками, какие бы они ни были, даже если бестолковые, потому что чужие порядки, кто бы их ни установил, редко бывают толковыми для корен-

ных жителей. Но весна на носу, надо возделывать поля.

Ветер пустился рассуждать о земледельческих проблемах, высказал по части агрономии научное соображение:

— Если бы в Стране у Моря сумели привести в должный порядок все луга и болота, превратили их почву в зерноносную, то она могла свободно прокормить население в пять миллионов человек.

Лошаденка, между прочим, как-то незаметно повернула вправо, наверное не без согласия безбородого, и повела их через молодую сосновую поросль. Король не ориентировался в местности, а Ветер опять завыл, зашумел, то есть запел, забавляя лесных жителей и себя время от времени шутками собственного сочинения; эхо повторяло его безудержное эге-ге-го-го-ах-ах. Маленькие пассажиры, к радости бородатого, не разучились еще смеяться, но безбородого все это не касалось... Его привлекал лошадиный хвост. Он спросил у бородатого:

— Что ты того... развеселился прямо?

Ветер сказал:

— Я просто весел, чтобы было хорошее настроение. Нельзя, чтобы у Лоцмана Счастья было плохое настроение.

Безбородый сказал:

— Ах соо? *

— Ах соо! Ах соо! — вскричал Ветер. — Что тут «ах соо», когда вопрос смеха в мире таков, что уже нет совсем никакого смеха. Кас нии? ** — Он обернулся к хохотавшим сзади пассажирам. Иван выдохнул ему в бороду тучку табачного дыма и согласился:

— Не-е! — что означало пальцем попасть в небо.

* Ах так? (эст.)

** Так? (эст.)

Но Ветер обрадовался, что его поняли, и начал заканчивать свою мысль.

— Своего смеха не стало, все завезенный, импортный, и тоже тоска, а не смех. Русские боятся смеяться — Сталин накажет, немцы также боятся — Гитлер накажет; остался смех американский, еще французский, можно гнать анекдоты про графов да баронесс, юмор стал не юмористичен, повторяется и не остроумен. Устали шутники выжимать из себя шутки. Как спасти смех? Есть только один способ, — ответил он сам себе с помощью эха, — надо стать серьезным. Надо перестать шутить. Когда будем серьезными, может, тогда наконец-то будет смешно.

Лошаденка вытащила сани на пересекавшую их путь дорогу, и Король увидел, что оказались они недалеко от знакомого кладбища. Оно открылось им, когда миновали чашу гигантского можжевельника. Это место Король узнал: он здесь бывал с Ангелочком, они сюда приходили напрямик через Смолоспусков лес. И он знал, что на здешнем кладбище похоронены все из семьи Рихардов. Непонятная тоска завладела Королем, не хотелось больше в Тыллусте. Он сказал Ивану и мужикам в санях:

— А мы здесь пойдем, — показал на начинавшуюся сразу от ворот Святого кладбища узенькую санную дорогу, ведущую в сторону Смолоспускового леса.

Безбородый приостановил лошаденку — «тпр-у-у», хотя в этом не было нужды: пассажиры уже махали им издали. Ветер крикнул им вдогонку:

— Чтоб вас волки не съели! Эге-ге-ого-ахаа!

Побежали друзья по лесной дорожке, сохранившейся в это время года благодаря лесным сеновалам. Волков не боялись, на острове волки не води-

лись. Другие лесные жители не опасны, эти сами осторожно относятся к человеку. Даже тени... Они тоже, по словам Калитко, не всем и не всегда показываются, прячутся. Но тени, конечно, были; времени могло быть около полудня, значит, тени должны быть небольшими, не очень еще «старыми». А Тень Совы и Тень Лисы? Они здесь наверняка поджидали.

Через Смолоспуск до Звениного недалеко: километра четыре. Летом в здешнем лесу вдоволь черники — ложись и ешь. Королю помнилось, как ходил с Ангелочком по саарескому сенокосу, с Элмаром Нукиским и с другими звениноговскими ребятами собирал землянику — какое очарование! И теперешняя бело-зеленая красота его очаровала. Он еще не мог понять, что пока он ростом ближе к земле, ее естественная красота более заметна, чем будет потом, когда он вырастет.

Шагали они весело, болтая о том о сем, им и в голову не приходило, что в лесу не только мирные зайцы, не только тени, но где-нибудь может поджидать и опасность. Король рассказал Ивану про английского Джона, укравшего королевскую корону. Тогда, в давние годы, корона хранилась в специальной башне в особой комнате. Джон заморочил голову дочери хранителя, вошел в доверие к ее отцу и стащил корону. А когда он с ней бежал, пряча ее под полой, за ним погнались жители Лондона и кричали: «Держите вора!» Но впереди всех бежал сам Джон и тоже кричал: «Держите вора!» Его бы не поймали, если бы он не уронил корону. Соврал он потом королю, что состоит в банде, которая задалась целью убить монарха, и обещал, если его помилуют, назначат лордом и дадут в жены красивую дочь охранника королевской короны, сделает все, что в его силах, чтобы сохранить жизнь королю. Тот, разиня, поверил и сказал Джону: «Смотри у меня!» Велел отпустить Джо-

на и поженить на дочери сторожа. Так и устроился Джон работать при дворе...

Эхо не поддержало звонкого смеха Ивана, вероятно, потому, что находились они в густом лесу: эхо обожает свободное пространство, для его существования необходима разреженная сфера, как жабе — вода, птице — воздух, дождевому червяку — земля. А вороне и в густом лесу жить привольно. Может, это была та же ворона, которая дразнила их давеча на дороге? Она таки действительно вела себя нагло, и ребята пустились ее гонять, бросая в нее снегом, сучьями деревьев, сосновыми шишками. Однако ворона их не боялась, лишь каркала, будто смеялась.

Вдруг они заметили небольшое низенькое строение, стоявшее недалеко от дорожки. Жилой дом? Он был едва виден в ельнике, смотрелся странно, словно с новогодней открытки. Крестьянское жилище под соломенной крышей, покрытой толстой белой периной из снега. С дороги был виден один его конец с маленьким окошечком.

Король не мог припомнить, видел ли этот дом раньше, когда приходил в здешний лес с Ангелочком. Ребята стали присматриваться к дому: может, здесь для них работенка найдется? Тут же сообразили: дом нежилой. Нет следов к калитке, лишь сугробы, окошечко без занавески, труба не дымит, хотя на дворе все-таки зима... Но главное — не видно собаки! А чтобы в лесном хозяйстве не было собаки...

— Посмотрим? — предложил Иван. Стали утрамбовывать снег, чтобы пройти к калитке. Скоро они стояли на крыльце, которое тоже следовало очищать от снега, иначе не открыть дверь. Но дверь не открывалась. На замке? Нет. Она потому не открывалась, что ее надо было не толкать, а тянуть.

Друзья очутились в грязной кухне, полной баракла, пыли и паутины, но кухня как кухня: плита, боль-

шая печь, здесь же дверь в комнату с маленьким окном в сторону калитки. А калитки как таковой, в сущности, не оказалось, только два столбика, на одном ржавые петли.

В комнате скудная деревянная мебель-самоделка, не такая, естественно, какую изготовлял Алфред: из простых досок сколоченный шкаф без двери, грубо приколоченная полка к стене, из таких же досок стол посредине комнаты, скамеечки да две треногие табуретки, каковые мастерили во многих деревнях. Было здесь и что-то похожее на кровать — тоже из досок, без матраца, разумеется. Какие-то сундуки — пустые, если не считать паутины в них, еще одно сооружение, похожее на комод, но без ящиков. Стены оклеены не обоями, как полагается в приличных домах, а газетами времен детства Люксембургского Короля.

— Ничего,— заключил Иван, осмотрев комнату,— жить вполне можно.

Обследовали коровник, а из коровника небольшая дверца вела в одно место, куда, безусловно, всем воспитанным людям ходить — не миновать, как уже заведено в природе. Во дворе из пристроек уцелел небольшой амбарчик, сложенный из никудышных бревен. Колодезный сруб в приличном состоянии, к тому же колодец прикрыт люком. Отодвинули люк, заглянули...— воды немного.

— Вода будет,— объявил Король уверенно.

— Откуда? — засомневался Иван.

— Снег растает, и в колодце воды прибавится.

Еще Ангелочек ему когда-то объяснял: куда же воде идти, если не в колодец?

— Вишь, хлама сколько оставлено,— промолвил Иван задумчиво,— можно и печку затопить. Интересно...

Король, подумав, согласился: в самом деле инте-

ресно, словно это их дом, словно собственную печь затапят.

Затопили.

Впервые оценил Король полезность того, что Иван курил: иначе где бы взять огня? У Ивана же даже бензиновая зажигалка. Печь, конечно, дымила кошмарно: давно не топлена. Весь дом словно туманом наполнился, ничего не стало видно, щипало глаза, а Иван изволил отметить, что, мол, стало темно, как у негра... Впрочем, не все тонкости марсианской речи оказались доступны Люксембургскому Королю.

Поднимались из коровника на чердак по скользкой от сырости приставной лестнице, здесь мокрая, ни на что не пригодная солома. Необходимо же что-то постелить на пол за печкой. Печная стена по мере того, как уходил дым, все больше нагревалась. Но ведь кругом лес! Тут же за амбаром наломали еловых веток, которые и постелили у печи, даже устроили из перевернутой скамейки что-то похожее на подголовник и с удовольствием расположились отдыхать, сожалея, что нечем подкрепиться: в собственном доме и поесть было бы приятно, впрочем... поесть везде приятно.

Первоначальный их план предполагал к вечеру успеть на Ару и там переночевать, но теперь в собственном доме стало необычайно хорошо; Иван сосал трубку — как же иначе! — и потребовал от Короля:

— Трави чё-нибудь.

Язык их общения формировался как-то странно: своеобразное эсперанто из смеси русских, эстонских и даже немецких слов благодаря пребыванию в стране освободителей из немцев. Бывало, каждый объяснялся на своем языке — как ни странно, понятном обоим.

— Почему всегда я? — возмутился Король справедливо. — Сам трави.

— А ты про барона и колдуна не досказал,— упрекнул Иван,— про жабу, и еще крыса висела...

Что ж, Король признал правоту Ивана, только разве это теперь мыслимо вспомнить, на каком месте он тогда остановился!

— На мухе,— услужливо подсказал Иван и поправил себя: — Нет, на жуке... то есть на пауке, ты его ловил... или на жуке?

— Сам ты жук! — буркнул Король добродушно и засмеялся звонко. Иван тоже весело залился смехом, и, если бы кто заглянул в окно, увидел бы забавную картину: сидят на полу два заморыша, один с трубкой во рту, и хохочут, заливаются. Но как! Глядя на их лица, вслушиваясь в этот смех, увидишь, что и ели, и сосны, и колодезный журавль, и весь этот старый дом — вся природа смеется. Такова сила хорошего человеческого смеха, рожденного чистосердечным нравом. И что там болтал этот Ветер, будто не стало в мире смеха?!

С трудом припомнил Его Величество историю, которую надо было все-таки продолжать с того места, где Тууле Кохинь варил колдовское варево, а крыса, подвешенная за хвост над котлом, сдохла, потому что другого выхода у нее просто не было.

— Барон с баронессой на следующее утро опять пошли в пещеры,— продолжил Его Величество,— они выволокли еще одну кольчугу, снятую со скелета древнего эста. Но барон все стремился отыскать ход, ведущий к дочери Лембиту — к Синисилмне.

Однажды в дом, который барон на время арендовал в Вастселийна, пришли несколько монахов и от имени Господа Бога и всех святых умоляли не искать захоронения Синисилмне, объясняли, что сам Лембиту похоронен совсем в другом месте, что у него и дочери не было, что сказы про Синисилмне — всего лишь легенды: мол, у него две сиротки жили — Си-

нисилмне и Илусилм, но никакие сокровища хранить им бы не доверили, даже на том свете. Но разве барона убедишь?

— Я еще никогда в жизни не видел барона,— прервал рассказчика Иван.— Нашего председателя бароном звали, потому что богато жил. Наверное, бароны везде богатые...

— Я сам с баронами дел не имел,— признался Король,— но в старом имении Звениного жил один, он еще до войны в Германию уехал на пароходе.

Монахи пообещали интендантскому барону столько добра, сколько захочет — и масла, и муки, кож всяких,— лишь бы не лезли в подземелье. Куда там! Барон грозился, если ему не перестанут мешать, обратиться в гестапо. Врал, наверно: в гестапо у него самого спросили бы, что он там ищет в подземельях. Стал бы он признаваться!

На другой день опять приходят к барону два почтенных монаха и говорят, что согласны показать дорогу к тайному ходу, ведущему к Синисилмне. Барон сначала удивился, но монахи объяснили, что они из тех, кто сочувствует немецкому фюреру и питают симпатии к немецким людям еще за то, что они эстонцев освобождали от тьмы неверия, вырубая их языческие рощи да дубы, которым они молились, вырубил причем вместе с головами народных старост, и правильно сделали, потому что всякая власть от Бога Единого...

Такие речи барону понравились, он долго сомневался, не верил, потом поверил. Не сказав ничего дочери, на следующее утро пошел с монахами: хотел по возвращении сделать ей сюрприз. Зажигая свечи, они влезли в ход, хотя...— Король немного задумался,— свечи не было,— заявил уверенно,— у барона имелся сильный электрический фонарь. Это раньше, в старину, ходили со свечами.

Сначала ход давил на них низким потолком, чем дальше продвигались, тем свободнее становился ход. От Вастселийна он повел в сторону Петсери много километров — по обеим сторонам в песчаных стенах видели вырытые углубления, в них высохшие мумии в одеждах с украшениями, с вышивкой. Барон пришел в радостное настроение. Ход то спускался, то подымался, то сужаясь, то расширяясь. Вдруг луч фонаря осветил зеленую поверхность водной глади, и ход вывел их к подземному изумрудному озеру.

— Озеро под землей? — Иван не очень поверил, но, понимая, что друг ему «травит» сказку, спорить не стал — в сказках все возможно. Он, собственно, так и сказал, добавив свое обычное «а-эх!».

— Да не «а-эх!», а правда, — объяснял Его Величество, — это вовсе не сказка, а озеро образовалось тут под землей, как раз на том месте, где однажды провалился рыцарский замок, почти такой же, как мой... — Он, вероятно, подразумевал замок в Журавлях. — Потом это место наверху опять землей заполнилось и образовалась деревня, а внизу, в подземелье, с тех пор родилось озеро из подземных вод, которые затопили образовавшуюся пропасть от провалившегося замка. Из замковых окон выбиваются пучки света — это от соединения с водой засветились огромные богатства в замковых подвалах, горы драгоценных камней, от этого и озеро как бы излучает свет, потому и называется Изумрудным.

И увидел здесь барон огромные обломки каменные, меж ними тут и там валялись скелеты людей в ржавых кольчугах и множество ржавого оружия — мечи, кинжалы, топоры, пики... Конечно, удивился он тому, что здесь как попало валялись скелеты, когда до этого увиденные мумии покоились в специальных местах захоронения, одетые в разукрашенные одежды... Монахи объяснили ему, что то были мумии

древних местных крестьян, погибших, защищая свою страну от грабителей, а скелеты — они и есть грабители, а их трупы и одежда истлели оттого, что у воды валяются, а то, что их не захоронили в песке... Кто же грабителей хоронит — то не люди.

— А чего этот замок провалился, землетрясение было? — недоумевал Иван. Вот теперь Король действительно рассердился: чего лезет, встречается, когда ему рассказывают!..

— Они людей мучили, тоже живьем варили, женщин насильовали, детей ели, вот главный бог эстов Таара в гневе и разверз землю, и замок провалился. Но не сюда вели барона старые монахи, они обошли озеро и устремились дальше к месту захоронения Синисилмне. Когда они наконец добрались до большой круглой подземной пещеры и увидели множество глиняных горшков со старинными серебряными монетами, за ними на песчаном ложе в стене лежала женская мумия — Синисилмне — барон восторжествовал.

Не обратив внимания на то, что сопровождавшие монахи отстали, а затем и совсем пропали, в жажде скорее добраться до сокровищ, барон с нетерпением кинулся к мумии. Осветив ее, он закричал, не поверив глазам своим: луч фонаря высветил лицо молодой баронессы — его собственной дочери. На песчаном ложе со скрещенными руками лежала она, на ее пальчике сверкнул им же подаренный ей перстень...

— Как писал в своей исторической книге Крестолес, — врал Король авторитетно, — барон там же и умер. Как ничего более не оставалось крысе, висевшей над котлом, как жабе, лопнувшей в банке, — так и барону: лопнуло его жадное сердце. Во всяком случае, ни в Петсери, ни в Вастселийна никто больше не встречал барона с баронессой, бесследно пропал

и пудель. А гестапо подозревало, что их похитили «лесные братья», которых немцы называли бандитами. Но «лесные братья» не были бандитами, они были камнями.

— Люди камнями? — недоумевал Иван.

— Не я же это выдумал, — объяснял Король, — а писатель Крестолес: кто такая дочь Лембиту? И какие у нее сокровища? Ее сокровища — камни и песок Страны у Моря, земля и можжевельник, озера и реки, леса и даже болота с лягушками. Все это и есть сокровища Лембиту. Так рассказал Крестолес, который, вообще-то, сам носил немецкую фамилию. А камни потому ожили, что пропитались кровью и потом людей, ухаживавших за ними ради бедного урожая на берегах моря тысячи лет, камни от сострадания стали одушевленными и осмыслили: они и люди — едины на Земле у Моря.

Иван задумчиво слушал своего друга.

— Наверное, и в нашей деревне то же самое — камни и люди едины, — заключил он.

Так Его Величество наконец закончил свой рассказ, не отвлекаясь на мух, жуков и пауков. Мухи и здесь вылезли на тепло — узнать, не весна ли наступила. За окном валил снег. Друзья сломали в коровнике перегородки, запихали в печь, и она неплохо согрелась. Растянувшись на еловых ветках, они вскоре спали сном праведников. Когда проснулись, за окном наступил новый день.

Поблагодарив свой дом... да, конечно, — свой дом! — за уют, они зашагали в сторону Сухоместового шоссе.

Иван не переставал удивляться, что стоит в лесу ничейный пустой дом, а Король знал: пустых хуторов сейчас на Острове много. Он однажды слышал, как говорили взрослые, будто в деревнях, недалеко от поселков Черная Нога и Кишмялягушки, их пол-

но, население удирало в Швецию в страхе перед русскими, так что бери любой и живи.

— Трави что-нибудь, а? — пристал Иван привычно, готовясь к утренней трубке.

— Что-о! — взорвался Король. — Я?! А сам ничего не рассказываешь, даже о своем доме. Забыл, что ли?

— А-эх! — ответил Иван, как всегда. Но все же добавил: — Нет охоты. Если бы не председатель... Жил, как барон. Велел матери ходить к нему уборку делать, от других работ обещал ее освободить, — Иван плюнул, как обычно, то есть как верблюд. — Стала она ходить мыть у него полы. Папка ругался: он, мол, не помещик, и ты не крепостная, и время не барское, и чего он других не поставит мыть пол... Может, и чай ему в пруд подавать будешь? Папка ругался, а мамка с ним спорила: отчего это чай в пруд-то? Он, мол, других не хочет. А то ты, мол, не знаешь разве, как мужиков свозят?

— Как «свозят»? — Король, конечно, догадался о смысле, но все же уточнял.

— Ну... как? Иного связывали, другие сами подчинялись. Папка вовсе из дому подался и пропал.

Иван опять расплевался.

— Дальше что?

— А-эх!.. Война началась, — закончил Иван свое предельно длинное на этот раз повествование.

Когда они выбрались из Смолоспускового леса на Сухоместовое шоссе, мимо промчался, теперь в сторону Журавлей, «мерседес»: Алфреду удалось отыскать Пихтласского секретаря сельского Совета, пришлось у него же и переночевать из-за небольшой неисправности в моторе. Но Алфред все-таки достал метрическое свидетельство о том, что его брат Хуго

родился на Островной Земле и имеет право возвратиться. Вот удивятся Эдгар с Хуго, увидев его в «мерседесе»! Алфред горько улыбнулся своим думам.

При въезде в город его остановил, махнув рукой, худошавый офицер высокого роста. Алфред притормозил, офицер подошел к «мерседесу», широко улыбнувшись, попросил:

— Алфред! Не подвезете чуть-чуть?

Чуть-Чуть! Заказчик мебели из сорокового года? Алфред обрадовался старому знакомому — приятный человек. Он открыл дверцу машины рядом с собою, но Чуть-Чуть предпочел сесть на заднее сиденье. Алфред вскоре догадался: не от пренебрежения к личности водителя он не сел с ним рядом.

— «Мерседес» купили? — весело спросил Чуть-Чуть, засмеявшись добродушно, но тут же посерьезнел: — Эта машина для вас ловушка, если останетесь на ней... Капкан!

Алфред понимал по-русски не хуже Короля, но промолчал: симпатичный русский, но почему надо относиться к нему с доверием? И ведь неизвестно, что делал этот офицер здесь при Павловском? А где он был в годы оккупации? Что делает здесь теперь? Русский как человек... В школьном учебнике написано: добродушен, широк по натуре, вспыльчив, что-то еще... кажется, ленив. В учебнике даже нарисовано этакое расовое изображение русского... Чуть-Чуть как-то не соответствовал этому образу.

— Для лепки наш народ самый удобный материал,— словно прочитав Алфредовы сомнения, промолвил Чуть-Чуть,— со времен Ивана Грозного привычный раболепствовать перед начальством, любые правительственные глупости приветствует, критикует с женой... Подчиняется. Воля власти дымом постановлений стелется над живущими, приспособляясь. Для них ничто не меняется оттого, когда меняется

руководитель, разве лишь при Сидорове красть было проще, чем при Крутикове, или наоборот. Сталин умрет — другой придет, и то же самое. Затем еще кто-нибудь, без этого не бывает. А проблемы... все те же. Рошшут и... подчиняются.

Алфред слушал неторопливый, со смешинкой говор Чуть-Чуть и не понимал его значения. Смысл — понимал, значение — нет. Когда-то давно этот длинный такого не говорил. Но и Алфред не сидел тогда за рулем «мерседеса»... Алфред догадался: не случайно, однако, сел в его машину Чуть-Чуть, он что-то хочет сказать или спросить. Нет, доверять он этому русскому не должен. Не впервые он слышит критические высказывания русских в адрес своего правительства, но никто из них не отказывается этому же правительству служить.

— Зло — не национальный признак, — продолжал тем временем Чуть-Чуть, — так же как предательство или любая другая подлость, как цинизм и садизм и... Сталин тоже не национальный признак — ни грузинского, ни тем более русского народа. К тому же сталинизм пришел не со Сталиным — он был уже давно до него. Сталинизм... Гитлеризм... Коммунизм... Неронизм... Все одно. Потому и хочу сказать: у нас сталинов больше только потому, что и страна наша больше. Что бы он мог, если бы его питательной средой была всего лишь Эстония или хотя бы Грузия? А вам лично надо чуть-чуть опасаться. Я к тому, чтобы не считали вы, будто порядочность — принадлежность одних только малых, пострадавших народов... Чтобы вы сориентировались...

По знаку русского Алфред остановил «мерседес», и Чуть-Чуть вышел. Махнув рукой, этот долговязый зашагал, не оглядываясь, в сторону паркетного завода. Возможно, он где-то близко здесь квартировался.

За все время, пока ехали, Алфред слова не проронил. А хотел расспросить про Ирину — жену этого офицера, про их жизнь, как и когда опять на Остров приехал.

Немцы в последние годы тоже были скептически настроены к своему фюреру, но ведь они войну проигрывают... Здесь же Сталин в победителях! И русский офицер такое говорит ему, который за рулем... эмгешешного «мерседеса»! Непонятно. А то, что «мерседес» для него капкан, это Алфред и сам давно сообразил.

ГЛАВА VI

Когда друзья выбрались из леса на Сухоместовое шоссе, перед ними предстал выбор: или идти к хуторам Ару, или в деревню Розвальни, где намечалась работа в хозяйстве Кури-Мури?..

Хутор назывался Кури-Мури из-за злой собаки по имени Мури. Слова «злой», «злая», «злое» на эстонском языке звучат одинаково — «кури», хотя можно сказать «тиге» или «вихане», но «кури» лучше. И выходит, что Кури-Мури есть не что иное, как Злой Мури. Собака давно сдохла от старости, другой же на хуторе заводить не стали. Итак, собаки нет, но своей яростью Мури в памяти людей остался, а благодаря ему и хутор так стал называться.

Жили на хуторе две женщины, и ту и другую звали Хильдой. Одна была старая — хозяйка дома; другая — молодая, старой хозяйке она не приходилась родственницей, просто приживалка. С точки зрения Короля, они обе были старые, только одна очень старая, другая менее, а означало это, что молодой Хильде могло быть лет тридцать, старой — шестьдесят.

Молодая Хильда, худая и черная, проживала не только на Кури-Мури, но и в других хуторах и де-

ревнях, где принимали. Мало кто знал орбиту ее вращения по Острову. В этом, то есть в плане вращения, она смахивала на Лоцмана Счастья, будучи вечной невестой: ее шутя называли невестой то одного, то другого холостяка или вдовца, кого народ хотел подразнить. Конечно же ее считали малость тронутой; сама она охотно признавала любую версию, при этом как-то торжествующе-иронично посмеивалась: дескать, да, да, у нее роман с Янусом, еще с Маргусом и даже с Юлюсом.

Старая Хильда — седовласая, с лицом, изборожденным морщинами, и красным широким носом. Одевались обе одинаково в том смысле, что зимою и летом Король видел их в одном и том же, хотя... В чем? Этого он сказать не мог. Тайдеманиха когда-то ходила, завернувшись просто в кусок ткани, тут все ясно. Но здесь, на Кури-Мури... Возможно, те облаченья платьями назывались... А может, еще как-нибудь. Впрочем, Короля совершенно не занимало, кто во что одевался. Даже Марви. Ее глаза, волосы, фигура — они ему, бывало, представлялись, еще, конечно, ее голос звенел в его ушах... А одежда? Это неважно: Марви в любой одежде Марви.

Познакомился Король с обитательницами Кури-Мури, когда на Большом Ару старый Зайцев ему сказал, что встретился, мол, с бабами Кури-Мури и они просили его, Зайцева, прийти к ним вырубать поросль ивняка за огородом, а то она сильно наступает, местами уже перешагнула забор из жердей орешника; пока еще стоят холода, рубить проще, когда же растает снег и земля станет вязкой — не подойти. Посоветовал старый Зайцев Королю пойти к этим бабам да помахать топором для развития мускулатуры, тем более что Старая Хильда, не считавшаяся в округе чересчур щедрой, обещала за работу что-нибудь дать.

Король очень был заинтересован в оплате, потому что на Острове, как и везде в мире,— во всяком случае, так ему представлялось — люди должны сами зарабатывать себе на еду, если у них нет двора и придворных, которые обязаны обеспечивать благополучие своего монарха.

На Сааре, он убедился, каждый питается тем, что считает своей собственностью, даже старый Юхан; на правах дармоеда здесь могла себя чувствовать разве что Вилка, поскольку люди с их неблагодарностью к собакам до такой степени ее разочаровали, что лаять в их интересах ей уже стало неохота.

Король питался скверно,— так бы выразилась Хелли Мартенс, узнай она, как питается Его Величество: он ел, когда давали, и то, что давали. Следовательно, питание Короля не было регулярным, а уж о том, чтобы принести что-нибудь в общий их дом — в ателье Калитко, о том и говорить не приходилось.

Жора — да, приносил, что ему доставалось от Марии в коричневом доме. Продав какую-нибудь картину, пейзаж или натюрморт, он обязательно приносил не только гехатипат, а еще и какую-нибудь еду. Даже Иван нет-нет да и принесет пирожки или жареную курицу. Король догадывался — от Лилиан. Но Иван как-то объяснил, что это не благотворительность: он помогал старому Вагнеру сети латать, очищать от засохших водорослей и еще что-то. Король никак не мог взять в толк: как можно общаться со старым Вагнером и... оставаться в живых. Король на всю жизнь запомнил красные от ярости глаза старика, когда Его Величество однажды кое-что «арендовал» из его лодки, и этот рев... Тем не менее Иван что-то приносил, и Король это ел, но сам ничего не вносил в общий котел.

С питанием в городе обстояло неважно: понемногу открывались магазины, населению выдали продо-

вольственные карточки, то есть поменяли немецкие на русские, и хорошо, что не на древнеафинские в виде мраморных плит, о которых когда-то рассказывал коолиский старик. Король «продовольственных плит» не имел. Относительно Алфреда он сомневался. Только Земляника с Йентсом получили их. Жоре Калитко они полагались, только распоряжалась ими Мария. Иван вообще нигде не состоял на учете, словно его и не существовало. Отсюда и пришло решение: не считаясь со своим происхождением, добыть продукты некоролевским способом,— заработать.

На Кури-Мури поросль действительно угрожающе наступала. Тогда Король пообещал Старой Хильде прийти с товарищем: вдвоем больше сделают... и больше съедят, подумал про себя. Старая Хильда — Молодая отсутствовала — кормила работника кашей из муки да простоквашей. Каша эта делается просто: засыпают муку в кипящую воду и, помешивая, варят до тех пор, пока варево не загустеет. В точности так варят клейстер для обоев. Конечно, необходимо кашу посолить. Затем ее кладут в миску, добавляют какого-нибудь жира для вкуса — вполне съедобно.

В качестве платы за труд Старая Хильда дала Королю кусок сала и килограмма два муки. Зато с какой гордостью Его Величество доставил добычу в ателье... С тех пор то в одной, то в другой деревне он отыскивал посильную работу и вносил свою долю в снабжение продовольствием.

Дом Старой Хильды, несмотря на неказистость, был вместителен — кухня и две просторные комнаты полны вещей, нужных и ненужных. Из последних Король особо выделял аккордеон «Вельтмейстер», еще вполне крепкие мужские брюки с кожаными наколенниками и пиджак с такими же кожаными накладками на изгибах локтей. По мнению Короля, вещи эти могли считаться ненужными на том осно-

вании, что как Старой, так и Молодой Хильде без надобности.

Король осторожно уточнил, что обе женщины на аккордеоне не играют и мужские вещи не носят. Тот же субъект, который учился играть на аккордеоне и носил когда-то эту одежду, посажен в тюрьму еще до прихода на Островную Землю «марсианского» войска; а за что его посадили, Королю узнать не удалось, да и не все в жизни является важным.

В таком случае зачем Старой Хильде аккордеон? Вот Алфред в нем нуждался, поскольку его инструмент сгорел вместе с зеленым домом у реки Тори. Алфред сильно тосковал по аккордеону. Может, именно поэтому у него все время плохое настроение. Когда, бывало, Алфред играл на аккордеоне, он весь искрился от радости, которой зажигал и других... А брюки да этот пиджак... висят просто так. Никто не надевает, хотя сказать, что не нашлось бы таких, кому бы они подошли... Да что там «подошли»! У некоторых брюки, сказать точнее, того и гляди распадутся от ветхости прямо на ходу, во всяком случае колени вот-вот покажутся и хорошего в этом мало; другое дело, если бы кожаные наколенники...

Нет, он не то чтобы прямо просил отдать ему эти штаны... конечно, за работу — он деликатно намекнул, что брюки, впрочем, и пиджачок, наверно, моль уже поела, потому что давно висят в амбаре, куда по распоряжению Хильды он затаскивал овечьи шкуры, высушенные в предбаннике на брусках под потолком.

Старуха ответила, что моль эти вещи не съест, что моль «зубы» на них ломает: сильно крепкая ткань, чертова кожа называется.

Тогда Король закинул удочку насчет того, что, дескать, не продадите ли «такие ненужные вещи, чтоб зря не висели», причем слово «ненужные» особо подчеркнул произношением. Правда, согласись Хильда,

он, конечно, отказался бы их купить.. Но он рассчитывал на другое.

Старуха же коротко ответила, что в амбаре места хватит и для ненужных вещей — пусть висят. Можно подумать, что худые коленки на штанах Короля она совсем не видела...

После этого не было никакого смысла заикаться относительно аккордеона, валявшегося на самом видном месте: наверху огромного старого шкафа в темном углу спальни, в футляре, накрытом грязной скатертью, на которой желтыми нитками вышиты два уродливых цыпленка. Его Величество заметил аккордеон как-то случайно, мимоходом.

Когда на «нарах» Король поделился с Иваном впечатлениями о жизни, он рассказал, что в одном месте имеются брюки, но их там некому носить, а в другом месте нашлось бы кому, но нет брюк. Иван недвусмысленно охарактеризовал такое явление свинством, по-эстонски «сигадус», по-немецки «швейнерай», одним словом, мерзкая жадность...

На Сааре они теперь решили не заворачивать, Иван туда не хотел; вдруг Мелинда дома и начнет задавать вопросы, а кому они нужны! Решили махнуть сразу через пастбище к деревне Розвальни. Не вышло: на пастбище много снега. Дошли до Нуки, повернули в сторону Вальяла и отсюда шпарили до Розвальни.

Кури-Мури стоял особняком от деревни: с одной стороны ореховая роща, с другой — лес. Обе Хильды возились по хозяйству. Король представил друга, сказал, что зовут его Иван... Родионович. Молодая Хильда ахнула и выпучила глаза на Маленького Ивана. Старая стала вдруг заикаться:

— К-к-куйдас! Венелане? Эй таха, венелази эй таха...*

* Как! Русский? Не хочу. Русских не хочу... (эст.)

Король собрался, что совершил промах: кто же на Острове согласится принять русского, хоть и маленького! И не потому, что в замке что-то было, хотя... конечно, тоже. И не потому, что людей с Острова куда-то увозили, хотя... Главное для Хильды: как с русским поговоришь?

Король решился уточнить: Иван-де говорит по-эстонски совершенно свободно, так что он почти эстонец. Иван тут же сказал: «куррат!» и еще «но муйдуги» *, и вышло почти без акцента.

— Он что, полуверник? — уже мягче спросила Старая Хильда. На Острове полуверниками называли тех, кого считали смешанных кровей, и отношение к ним было все же лучше, чем к чистокровным русским. Король поспешил подтвердить, что да, Иван самый настоящий полуверник: отец — турок, мать — индианка, брат — эстонец, а сестра — китаянка. Король, признаться, точно не знал, что означает полуверник.

Вооружившись топорами, друзья принялись рубить кустарник ивняка. На обед Хильда сварила мучной клейстер — свое дежурное варево. После работы дала в уплату опять сала и муки, а Королю так и не удалось показать Ивану аккордеон: не случилось очутиться в непосредственной близости от шкафа в спальне. Брюки... Они висели в амбаре — не посмотришь. На весну и лето Хильда обещала много работы: каналы углубить, грядки на огороде вскопать, заборы починить; не мешает и орехи собрать, когда поспеют, а теперь, если они хотят еще перловой крупы — она даст, но надо бы сбегать им и собрать молодые сосновые шишки, сосняк-то близко, с полкилометра.

Хильда умолчала о том, что шишки принимают в лесничестве за деньги, — за килограмм будто бы сорок копеек. Она сунула своим батракам по мешку и отправила в лес.

* Черт! Ну, конечно (эст.).

Работники покорно согласились собирать еще и шишки, они считали, что день прошел вполне успешно: заработали достаточно продуктов, значит, не нахлебники у Калитко. Днем, когда рубили ивняк, даже солнце ненадолго показалось. Сейчас падал мягкий снег, в природе царила тишина. Они шли меж кустов орешника по вытоптанной санной дороге и благодаря тишине уже издали услышали голоса:

— ...уж эта тварь больше не шастает,— проговорил женский голос конец фразы, и тут из-за поворота показались трое: двое мужчин в военной форме и женщина. Увидев Короля с Иваном, они примолкли и прошли мимо, будто их не заметили.

Ребята прошли орешник, начался сосновый молодняк: низенькие густые сосны с мохнатыми лапами в зеленых иглах богато усеяны небольшими нежно-зелеными конусообразными шишками, но добираться до них в глубоком снегу не так-то просто. Они лазали по брюхо в снегу от сосны к сосне с мешками на шее. Хватаясь за концы веток, притягивали их вниз и рвали шишки, кидая в мешок. За шиворот сыпался снег, но сколько веселья, сколько шума и хохота! И восклицания типа «куррат!» или «черт!» — что одно и то же. После каждого «куррат» — смех, после «черта» — смех, а Лоцман Ветер говорил, будто нет смеха...

Они так развеселились, что совсем забыли про шишки: началась борьба в белом чистом снегу, таком мягком и вкусно пахнувшем! Здорово валяться в нем, куврыкаться, а кто не пробовал, тот дурак и не знает, какая это прелесть. Они разгорячились — жарко же. Тут Иван вдруг застыл и насторожился, стал озираться во круг: он показал Королю на следы в снегу, не их, а чужие. Кто, откуда и куда здесь шел?

Похоже, прошли несколько человек: снег истоптан. Ребята двинулись по следам, но уже через десяток метров в ужасе остановились: привязанный к длинной

крепкой сосновой ветке, висел человек в черном пальто, застегнутом на все пуговицы.

Едва взглянув на лицо повешенного, в его выпученные желтые глаза, Король схватил Ивана за руку и рванул прочь. Бросив мешки, они помчались обратно, но весь снег кругом они так перемесили, что заблудились и, отбежав немного, опять очутились у сосны с повешенным.

Король в страхе еще раз взглянул в желтые глаза повешенного и закричал: в жуткой ухмылке тот показал ему язык, которые все более выпадал изо рта — длинный, черный, похожий на гадюку.

Они снова побежали, теперь уже спокойнее, осматриваясь, вышли к орешнику и выскочили на санную колею.

— Это... Векшель висит! — воскликнул Король, словно не веря, что такое может быть в действительности. В самом деле! Сколько же раз он может умирать?

Иван полез было в карман за трубкой — что ему Векшель! А ведь Король рассказывал о картине Калитко, где Король впервые увидел желтые глаза Векшеля под водою... в лоханке, а затем этого же Векшеля тоже с веревкой на шее у острова Лаямадала в водорослях. Но недавно он как-то воскрес и приходил арестовывать Алфреда. И вот опять...

— Он же не сам себя повесил, — заметил Иван испуганно, — видел, сколько там было следов? Его повесили потому, что он, наверное, легавый был.

Король уже слышал это слово от взрослых в торжест... в ателье Калитко. Легавые — это те, которые везде все вынюхивают, что вовсе не означает дойти своим умом. Разные понятия: доходить и вынюхивать.

Как случилось, что Король с Иваном, бежавшие в страхе от повешенного Векшеля, очутились на Вальясской дороге, им и самим непонятно: они бежали в

сторону Кури-Мури. Король отстал, известно же, что у него какие-то неполадки с пропорциональностью...

— Ты что?! — кричал он, когда уже выбежали на дорогу.

— Не хочу к старухам, — ответил Иван, задыхаясь от бега.

— Тогда на Ару? — предложил Король, задыхаясь еще больше.

— Не хочу на Ару, — ответил Иван.

Король лишь сопел недоуменно: куда же тогда податься?

Они увидели повешенного, но надо ли срочно об этом кому-нибудь сказать? Иван придумал мудрое решение: им же встретились люди в военной форме? Если они еще не обнаружили повешенного, значит, скоро его найдут, ведь они наверняка здесь что-то ищут... Не зря в округе бродят. В таком случае никому ничего говорить не надо, потому что — и это тоже Иван заключил, — чем меньше знаешь, тем оно спокойнее.

Король, подумав, согласился. Тем более что Векшель... Король к нему симпатии не питал: его топят, а он... Но что им дальше делать — в этом общего языка не находили, стояли на дороге и пыхтели, чтобы отдышаться, раскрывая рты, словно рыбы, оказавшиеся на суше. Короля тянуло налево, Ивана — направо. Королю хотелось на любой из Ару, к усатому Таракану с Эха — на Малом, но и на Большом у него имелись симпатии: Калев, Старый Зайцев, Энда, младшие сестренки, братишки. Но Иван...

Он почему-то не любил ходить по деревням, особенно после того случая, когда на них натравили двух здоровенных собак — едва отделались. Иван считал, что надо скорее домой.

— А мука, сало?

— Наплевать.

Позже Король установил, что такой способ пле-

ваться вовсе не значит плюнуть, по-русски это слово произносится как-то незвучно. Король лично не любил грубых произношений. На Кури-Мури Иван наотрез отказался возвращаться. Домой? Это значит в ателье Калитко. Незаметно это пристанище на Кривой улице они стали считать своим домом.

Король, находясь так близко от хуторов Ару, где надеялся узнать-услышать про Ниргит или Сесси, уговаривал приятеля пойти с ним.

— Пойдем тогда на Сааре, там нам никто ничего не сделает,— убеждал он, поняв, что Ивану страшно. Но и на Сааре Иван не хотел. Его Величеству очень хотелось показать и корыто, и сундук с портретами русских царей, главное — с Вилкой познакомить. Иван Родионович обычно выслушивал рассказы про Сааре и Звениного заинтересованно, даже доброжелательно, но пойти на Сааре не соглашался. Королю это было непонятно: в замке, где страшно, Иван не боялся, а здесь...

Вообще-то увиденное в сосновом бору на обоих подействовало угнетающе. Королю именно потому и хотелось поскорее к друзьям, к взрослым, к людям, чтобы ощутить их близость, чтобы прошло чувство опасности. А поделиться с кем-то из взрослых он посчитал все-таки необходимым, хотя вслух и не настаивал.

Наверно, такое же чувство опасности владело и Иваном, его тоже тянуло к людям, но... к своим, к тем, кто говорил на его родном языке, на том, на котором с ним говорила мама. Оказывается, в минуту опасности, когда матери и нет рядом, тянет все же к своему племени, к людям, из которых ты вырос.

Вопрос решил военный грузовик, водитель которого, очевидно, заблудился, не зная дороги на Журавли. Грузовик остановился около ребят, и сидевший за рулем солдат спросил: правильно ли он едет? Солдат несколько раз повторил: «Курессаре, Курессаре» — и что-то непонятное изображал руками. Иван сказал, что

поедет с ним и покажет дорогу. Солдат обрадовался, услышав, что мальчик говорит по-русски. Иван наконец запалил трубку и, забираясь в кабину грузовика, сказал Его Величеству:

— Пока. Приходи скоро.

— Пока,— уныло ответил Король и махнул рукой. Грузовик двинулся, задние колеса обдали Короля комками снега. И остался он один на дороге. А на небе уже сияла полная луна и звезды как-то сразу проступили, небо стало словно чернее. Король стоял в тишине и удивлялся: как сказочно преобразился мир!

Небо окрасилось слабым ровным золотистым светом, снизу, ему навстречу, поднимался беловатый дым из труб, и там, где он вторгся в розовую окраску, пространство озарилось таинственным цветом судьбы, предопределенности всего существующего в мире, и это неосознанное таинство переполнило душу маленького Короля Люксембургского.

ГЛАВА VII

Альфред с утра раъезжал по Острову и уставший от гонки с одного конца в другой гнал «мерседес». Что и говорить, дорога — не автобан германского рейха: ухабы, ямы, бесконечные повороты.

В машине с Альфредом Эдгар и Хуго. Эдгар скупно передал историю освобождения Хуго. Она и не требовала пространного описания: благодаря неразберихе военного времени, когда человеческая единица в лице военнопленного эстонца в масштабе огромного государства может быть приравнена, скажем, к стоимости мешка картошки, который вполне доступно, в свою очередь, поменять на подержанный трофейный автомобиль,— в такое время канистра спирта стоит примерно пяти Хуго, у Эдгара же с собою были две канистры...

Всегда можно в таком случае отыскать чиновника, сумевшего не уберечь казенное «барахло» во благо собственного благополучия...

Сам Хуго молчал и шипал свои уши. На вопрос Алфреда, каково ему жилось в очередном плену, он ответил так же, как писал Эдгару: был бы он немецким офицером, то идеально, к последним в русском плену, оказывается, трогательное отношение; но и он, Хуго, тоже не жалуется. Хуго поинтересовался Королем.

— То появится, то пропадет,— неопределенно ответил Алфред.

Братья, конечно, знали о сложностях жизни Алфреда, но деликатно обходили их в разговоре. А судьба Хелли? Алфред сухо рассказал о ее последнем письме, которое больше похоже на прошение о помиловании — мольба об успокоении ее сердца: хорошо ли живется Королю? Обещала вернуться на Остров, как только кончится война, хотя, как видно, война не помешала приехать на Остров Хуго... О себе ничего не писала. Алфреду показалось, что между строк он вычитал просьбу о возобновлении их прошлой жизни, даже ее обещание вернуться, казалось, выражало ожидание его реакции: что напишет он в ответ? Наверное, ждала, что он сам попросит ее вернуться или надеялась, что хоть в письме он признает себя виноватым, попросит простить его? Впрочем, в душе Алфред всегда считал себя виноватым.

Понимал уже давно: и красные, натруженные руки от вечной стирки, и запахи жареного, и все другое неженственное — результат их совместной жизни, в которой он сам распределял занятия и образ быта. Но что теперь толку о том думать, когда сидишь... в этом «мерседесе».

Хорошо ли Королю? А что ему делается? Со временем, если жизнь как-нибудь определится, заставят и этого свободного господина пойти в школу, если же

приедет она — пусть поступает с ним по своему усмотрению.

Конечно, братья удивились роскошной машине Алфреда.

— Казенная, — коротко объяснил он, не вдаваясь в подробности. Проехав пограничный контрольный пункт, он признался: эмгешная, дали пользоваться... Придется, однако, сдать, не по моим зубам эта вещь.

Разговор трех братьев состоял как бы из одних пауз. Каждый имел к жизни свое особенное отношение. Но в чем они различны? Алфред служил в эстонской армии, потом в немецкой обороне; Хуго мобилизовали русские — немецкий плен, потом мобилизовали немцы — русский плен; Эдгара тоже мобилизовали русские, но ему повезло: эти побеждают. А если бы нет? Так чем они различны? Отношением к жизни или только везением? Каждый подчинялся обстоятельствам, но в результате: один виноват во всем, и его бьют, топчут тело и душу, стремятся сделать предателем; другой виноват наполовину — всюду пленник, жертва, но в результате, пожалуйста, дергай себя за уши сколько влезет, начинай пахать, никому до того нет дела, и всего лишь за две канистры спирта; третий всю жизнь молится Богу и в результате кругом прав, строит с Божьей помощью коттедж, детей нет — и забот никаких.

«Э, нет! Нечего им рассказывать про свои дела, — соображал Алфред, — нет от них для него пользы. Здесь канистры со спиртом не помогут, а Бог...»

Эдгар тоже обладал интуицией не хуже, чем осмотрительный Алфред. Она ему подсказала, что из-за решения Алфреда отказаться от машины у него могут быть неприятности.

— Может, и надо теперь им послужить, раз такое дело? Всякая власть от...

— На людей показывать! — прервал Алфред.

Хуго тянул себя за уши, он молчал.

Эдгар высказал соображение относительно сказанного про «людей» — кто такие? Ведь самообороновцы и другие, служившие немцам, не дураки здесь дожидаться...

— Кого же выдавать? — спросил Алфред. — Сказано: давай списки...

Оставив ненадолго свои уши в покое, Хуго пробубнил, что у «нас» всегда находили, за счет кого делать карьеру или спасти шкуру свою... Эдгар с этим не согласился, сказал такие же слова, как и недавно Чуть-Чуть, что предатели и подлецы есть во всем мире, не только у «нас»; но он, по-видимому, догадался, что сам себе противоречит, что сам только что предлагал брату положиться, страшно и осмыслить, на волю Божью...

— Предатели в любом народе есть, но в многомиллионном они меньше заметны, — объявил Алфред после размышления. Ему вспомнилось сказанное Чуть-Чуть относительно сталинизма, возникшего в мире задолго до Сталина, и ему хотелось этой мыслью оправдать свою позицию, — в маленьком же народе предательство — непростительное достоинство, как и малодушие, вообще мелочность... Нас и так мало, но мы себя губим... сами. Самооборона... В России, говорят, в лагерях заключенные тоже сами на вышках, тоже сами себя охраняют. Осталось учредить еще и самозахоронение... Все чтобы сами!.. Теперь истребительный батальон. Вполне впору назвать и его самоистребительным...

Дальше братья ехали опять каждый в своей особенности, различности: один с «мерседесом», другой с Богом, третий тянул себя за уши. Приехали на Сааре. Где же еще жить Хуго? Не зря и Мелинда сюда переселилась, не зря их комнату ежедневно прибирала, словно уверенная, что Хуго придет-появится. Она даже

не удивилась: была уверена, что будет так, хотя и не стал Хуго называться Хугх Уильямс...

Юхан сдержанно встретил сына. Не в обычае старых крестьян, серьезных и суровых, какими были отец, дед и прадед Юхана, проявление слезливости и болтливости о чувствах. Баня — да, нужна, а как же? Люди-то с дороги.

Но Вилка, Лейда и Манчи танцевали вокруг Хуго и Эдгара. Мелинда с достоинством готовилась к главному: улыбаясь, прибиралась в их спальне, меняла белье везде. Хуго и Эдгар — герои. Один в плену был, другой спасал. Конечно, Манчи разделял общую радость, хотя... Ему трудно было оторвать глаза от «мерседеса». Алфреда поздравляли с машиной все, кроме Хуго: в то время, когда к хору удивленной хвалы даже Эдгар присоединился, он молчал, дергал задумчиво свое ухо. Остальные же: «Ох и проныра этот Алфред! Всегда умеет достать себе что-то такое, о чем другие и мечтать не могут». Примерно так выразил свое восхищение «мерседесом» Манчи.

На машину и Юхан обратил внимание: какая бы польза от нее в хозяйстве? Вроде никакой: сена на ней не привезешь, дров — тоже, навоз на поле не свозить... Но Алфред, подумалось про старшего сына, все-таки самый смекалистый, хотя учился лишь в начальной школе, где только и было-то всего четыре класса. Особенно девки в школе не преуспевали, всегда с помощью Алфреда с уроками справлялись. А Сесси... Больно все-таки вспоминать младшенькую.

Перед отъездом Эдгар выговаривал отцу этак строго-покровительственно, с особой почтительностью — как принято верующими в Господа Бога родственниками, — выговорил отцу за то, что тот чересчур переживает судьбу Ангелочка, словно не понимает, что Бог с правым человеком худого не допустит, ведь известно же — многих заключенных из тюрьмы

отправили на Большую Землю, в лагерь, так что она, может, и не сгорела; Эдгар пожурил отца, что тот не бережет здоровье, много по хутору «стареется»... Обещал, что будет с Аидой приезжать помогать. «Ханжа!» — решил про него Алфред.

И совершенно логично, что присутствовавшему Манчи такой разговор пришелся против шерсти: значит, старик «стареется» в одиночку, словно ни Манчи, ни Манчиты здесь и нет! Про Мелинду, действительно... что от нее проку, когда секретарь в сельсовете!.. Но ничего не сказал Манчи, подумал: еще посмотрим.

Опять, как уже бывало, стали жить-поживать двумя парами при живом владельце хутора, и Манчи это ох как не нравилось, ведь каждый теперь лез из кожи в стремлении доказать Юхану именно свою полезность в хозяйстве.

Когда после бани, за ужином — в виде исключительного случая за общим столом, — все разговоры были наконец переговорены; когда даже Манчита устала от своих бесконечных «Иссанд Юмалы!»; когда Мелинда могла наконец убедиться, что она в кровати не одна, приобретя способность устало, но трезво проанализировать обстановку, она и высказала Хуго такую мысль: пока не поздно, надо ему устроиться работать на железную дорогу оборонного значения, поскольку там самые большие заработки — объект военный! Но не туда, где заканчивают, а в тот конец дороги, который уже ломают. Потому что и дураку ясно: ломать всегда легче, чем строить. А Мелинда не дура, ибо она все знает-понимает и всегда права. Тем более что в смысле оплаты разницы нет: платят одинаково хорошо — как там, где кончают строить, так и там, где ломают.

Хуго с умным лицом принялся интенсивно тянуть себя за уши, это означало, что ему решительно ничего

не понятно. Мелинда в отчаянии пересказала еще раз все с самого начала: военное начальство приказало строить железную дорогу — построили, она почти готова. Когда же начальство приказало дорогу ломать, потому что военная техника шагнула, или скакнула, или прыгнула вперед, так что стало ясно — дорога более не нужна, тогда стали ее ломать. Разве непонятно она объясняет? Хуго продолжал тянуть себя за уши. О, Господи! Пойми же наконец, чтобы построить — команду дали, чтобы ломать — тоже, но чтобы перестали строить — команды не было. Разве не ясно?! Так теперь на Острове и строят и ломают одновременно, стремясь выполнить квартальные планы. За завершение стройки дадут награды, если только строителей не обгонят разрушители, которые тоже хотят награды.

Хуго продолжал тянуть себя за уши. Но он уже понял, что ему втолковывала Мелинда. Он видел в России всякое, его уже не удивишь, да разве только у русских такая путаница... Здесь, как у Господа Бога, тоже ведь сначала сделали черта, теперь же стараются его изжить. Но Мелинда, давая совет Хуго идти ломать дорогу, показала себя, как всегда, практичной: те, кто ломал, должны были сдавать рельсы государству, шпалами же можно было распорядиться по своему усмотрению, а они — первоклассная древесина.

Алфред и Эдгар наконец уехали. Алфред гнал «мерседес», чтобы не отвлекаться на разговоры, чтобы занять себя дорогой и машиной. О чем им говорить? Каждый знал, что другой его не поймет. Или не захочет согласиться. У каждого своя истина. Оба друг друга осуждали. Один — за веру в божественный мир, другой — за неверие в этот мир...

А война продолжалась. Люди, еще вчера диктовавшие условия жизни другим, сегодня изобретали способы спасти свою шкуру. Датские журналисты обрати-

ли внимание, что через их страну из Германии в Швецию следовали странные «беженцы», которых в Швеции направляли в специальные лагеря, полагали, что спасаются недавние «спасители» Европы.

Несмотря на ожесточенное сопротивление германских частей, союзные войска окружили Нюрнберг. В Швейцарию тайно прибыл известный германский террорист и доверенное лицо фон Папена — майор Вольдемар Пабст; в Париже же командир особого отряда «Давид» обвинен в пытках и убийстве ста двадцати (всего-то!) давидов и моисеев — французских патриотов, и спасти свою шкуру не сумел. Советский Союз опять заключил пакт о взаимопомощи с Польшей (обожают, однако, некоторые специалисты заключать пакты) и, надо полагать, о ненападении... Сталин по этому поводу произнес речь, сказал много теплых слов, полных сочувствия, в адрес многострадального польского народа. Молотов же, говорили, упаковывал чемоданы, собираясь посетить американского президента Трумэна. До чего беспокойная жизнь у дипломатов! А диапазон контактов каков! Вчера заверения в вечной дружбе высокопоставленным нацистским вождям, сегодня — к Трумэну надо...

Братья въехали в Журавли. Город жил, казалось, безмятежной, обыденной жизнью, в таком же мирном течении от восхода до захода солнца, как и речка Тори течет зимою и летом из года в год. По улицам прохаживались военные, лишь изменился цвет и покрой мундиров; сновали женщины, дети гонялись за собаками, собаки — за кошками, кошки — за воробьями, вполне мирная жизнь.

Выехав на площадь перед старой ратушей, Эдгар обратил внимание на толпу людей на Новой улице, как раз там, где друг против друга стояли штаб истребительного батальона и городской комитет партии — и тот и другой с красными флагами над подъездами.

Что там такое могло быть? Обычно в этом месте не митинговали. Алфред повернул туда: что ему бояться, ведь кому в конце концов принадлежит «мерседес»?..

Людей — несколько сотен. Военные и гражданские, мужчины, женщины, дети. В отдалении взвод солдат с винтовками. Опять, что ли, людей отправляют? Ближе подъехать нельзя было, «мерседес» пришлось оставить. Скоро они прямо на тротуаре увидели ряд гробов, покрытых венками, еловыми ветками. Эдгар шепотом расспросил незнакомого крестьянина.

— Перезахоронение... С леса Смотригора, из ям. Другие с восточного берега Сырве, из Закатного леса тоже... которых немцы и самооборонцы расстреляли, — разъяснял словоохотливый крестьянин, — лесник эти ямы показал. Он как-то услышал в лесу стрельбу. Взял ружье и пошел смотреть. Продираясь сквозь кустарник, наткнулся на самооборонцев у большой ямы, а в ней наполовину песок, из песка же торчали ноги, руки, волосы. У самооборонцев как раз перекур был. Когда лесник к ним вышел, на него нацелили винтовки, велели убираться и помалкивать, если жизнь дорога...

На крыльце исполкома произносила речь знакомая фигура: Алфред разыскивал его в сорок втором по приказу майора Майстера. Было известно, что тогда он состоял начальником НКВД и был задушевым другом самого Павловского, начальника военной разведки, — Ринз!.. А может, его брат? Хорошего про этих братьев в народе не говорили.

Ринз с пафосом кричал о жертвах фашистских убийц, которыми пали лучшие люди Острова. Надрываясь, он призывал не забывать злодеяния фашизма. Народ аплодировал, как аплодировал и в сорок первом. Все повторяется. Гробы стали погружать на грузовики. Братья Рихарды, верующий в Бога и неверую-

щий, осторожно расталкивая людей, пробирались к оставленному в стороне «мерседесу». Траурная процессия медленно двинулась в направлении парка. Играл оркестр. «Мерседес» следовал за процессией. Пришли в парк, дошли до древнего равелина, здесь вырыта общая могила. В стороне валялись плоские, из доломита выпиленные блоки — части огромной монументальной стенки с выгравированными фамилиями захороненных.

«Этим хоть памятник поставят,— мелькнула у Алфреда мысль,— а тем, предыдущим, которых убили в замке, кто поставит памятник им?»

Построились солдаты, готовясь дать залп из винтовок. Залп раздался, когда «мерседес» уже подъезжал к дому Эдгара. Братья коротко попрощались, и Алфред включил зажигание. Он понял: с «мерседесом» необходимо расстаться как можно быстрее.

Схема будущих действий представилась ему тут же. Все очень просто, он ведь с пользой для себя эксплуатировал эту машину: разъезжая по Острову, он нашел себе место, где при надобности можно отсидеться, переждать, пока в городе улягутся страсти, обычные при перемене власти; кончится война, а там, может, все как-нибудь образуется. Это небольшая деревня в нескольких километрах от Кишмялягушки. Называется Пэйдун (Прятки). Всего шесть дворов на разном расстоянии друг от друга. Расположена деревня в лесу, дорог приличных сюда нет, вполне соответствует своему названию.

Население Прятки — пожилые люди, напуганные войной, — два старика да несколько старух. Село бедное именно потому, что почти нежилое. Дом себе Алфред высмотрел у самого леса. Соседи — беззубые старик со старухой. Расспрашивая их, он установил, что владельцы хутора Куриный Нос подались через море, осталась одна их родственница, одинокая жен-

щина, служит в аптеке Кишмялягушки, если, конечно, аптека еще функционирует,— старые сельчане из Прятки там давно не были.

Альфреду не составило труда отыскать эту родственницу и договориться относительно аренды. Заодно подробно выпросил про Прятки и узнал, что таких, кого бы ему опасаться, в деревне нет. Он несколько раз заезжал к Хермине в Кишмялягушки, привозил денег, сколько сумел наскрести, достал для нее керосина, сахара и стал ей почти близким человеком. Теперь, похоже, настала пора туда переселяться.

В тот вечер, перед переселением в Прятки, Земляника, как уже повелось, раскладывала карты, и вышли у нее опять бубновая шестерка, десятка крести и червовый туз острием сердечка вниз — перемена места жительства. Сказать, что такая перспектива ей нравилась,— не скажешь. В городе ей все же веселее. Но в душе она не сомневалась: этим кончится. Не станет Алфред служить у... «мерседеса», не таков. И в глубине души она этим гордилась: женщине все же небезразлично, кому дарить свою нежность, ей все-таки предпочтительнее, чтобы то был Мужчина.

Собираться им было недолго. Грузовик не понадобился. Даже без «мерседеса» можно было обойтись. Но все же шикарно ехать в укрытие от НКВД за счет... НКВД: в народе эту организацию по-прежнему называли так в память того времени, когда Рииз был ее начальником.

Они сели в этот роскошный лимузин поздно вечером, чтобы ехать на запад столько, сколько возможно. Хорошо, что в старом крестьянском доме сохранились необходимая утварь и изъеденная жучком деревянная мебель. Сохранилась потому, что такое старье никому не нужно, к тому же его тут некому растаскивать. Да, ценности эта мебель не представляла, но как удобно для тех, у кого теперь ничего не стало.

Доставив в Прятки Землянику с вещами, он вернулся в город, оставил «мерседес» в гараже, куда обычно пригонял машину каждый вечер, не сомневаясь, что его маневры у гаража не оставались незамеченными в коричневом коттедже.

На следующее утро, когда сотрудник коричневого коттеджа на Новой улице, еще сонный, отправился в гараж и обнаружил там «мерседес», он не смог осмыслить факт присутствия ключей, торчавших в замке дверцы. Забыл Алфред? Сотрудник представил ключи начальству. Продав напрасно Алфреда два дня, начальство решило, что благоразумно доставить ключи Алфреду домой, и направили сотрудника на Малую Гавань.

Долго стучал сотрудник в желтую дверь на втором этаже — не достучался. Три дня приходил сотрудник. Тогда дверь сломали. Здесь пришлось убедиться, что Алфред по этому адресу больше не живет. А где? Куда переехал? О том никаких сообщений не сделал и не оставил даже записочки, не то чтобы какого-нибудь списка...

Сильно обиделись на Алфреда люди в коричневом коттедже: какая невоспитанность!

ГЛАВА VIII

Мир был очарователен в этот час. Белая тишина на земле, черное, усыпанное золотыми точками небо и большое бледно-желтое колесо, осветившее прозрачный ночной воздух, которым так легко дышалось Королю. Но вот и они, о которых рассказывал ему Калитко, существующие везде, видимые и невидимые тени.

Король стоял и смотрел на кусты можжевельника, от них на снегу стелились тени. Они тянулись, словно

гоняясь друг за другом, догоняя тут и там другие кусты, от которых тоже отбегали тени, и действительно, как и объяснил Калитко, они играли в догонялку при свете луны; где-то здесь же, наверное, присутствовали тени Лисы и Совы. Но если даже их не было — мир теней ожил и заиграл-развеселился в вечерней прохладной красоте.

Королю представлялось, что он филин и взлетел высоко, чтобы взглянуть вниз на оба хутора Ару вместе с их пристройками, окруженные можжевельновыми рощами и старой мельницей между ними. Сверху они выглядели как нарисованные на рождественской открытке разноцветными красками: бело-снежные крыши на домах с желтыми глазницами окон. И летал Король-филин в красоте ночной, кружил над лесом и восхищался природой — как прекрасен мир! Как хорошо летать! Как хорошо быть филином! Вдруг чья-то тень в пространстве вернула его память в сосняк, где вытянутым изо рта длинным языком в лунном освещении на сосновой ветке висел одиноко Векшель, порочиваемый из стороны в сторону слабым ветерком... Филин опустился на землю и, став опять Королем, побежал по дорожке, ведущей к усадьбам Ару. Скоро дорожка раздвоилась. Королю куда? Направо или налево? Он повернул направо — на Малый Ару.

Эха и Усатый Таракан всегда рады высочайшему гостю. Сейчас они заняты делом, как обычно, когда бы Его Величество ни изволило здесь очутиться. В данное, позднее для городского жителя время Эха варила клецки. В такой час клецки уже не едят, но кто говорит, что их сейчас же необходимо съесть? Усатый Таракан при свете керосиновой лампы возился с сапожными колодками, на столике перед ним дратва, крючки, прочие сапожные инструменты. Королю нравилось, что Усатый Таракан сам лично чинит свою

обувь. Ведь и он, хотя и король, тоже это умеет, Алфред... Правда, Алфред умел все.

Конечно же так уж заведено везде на Островной Земле, что гость первым делом должен рассказать новости: что повидал в мире, где побывал? Нет, не мог Король не рассказать своим друзьям, как они с товарищем нашли в лесу повешенного.

Новость произвела впечатление: у плиты раздался такой привычный возглас: «Иссанд Юмалы!» Усатый Таракан даже отставил колодки, зашевелились его усы — весь внимание.

Они попросили еще раз подробно рассказать, как все было. И он повторил: работали с товарищем-полуверником из русских на Кури-Мури, рубили поросль. Потом Старая Хильда послала сосновые шишки собирать, обещала дать перловой крупы...

— Откуда у нее перловка-то! — не утерпела Эха. — Она же ячмень целиком на муку смолола... на Вальясской мельнице.

Король признался, что насчет крупы не знает, потому что заработанную провизию они не взяли. Так вот, послала их Хильда за шишками. Дурачились, конечно, в снегу и вдруг увидели...

— Главное, его уже раньше вешали... и топили, — закончил Король. Пришлось разъяснить насчет «раньше». Он рассказал про Векшеля в воде у острова Лаямадала с веревкой на шее.

— А еще раньше он в лоханке валялся и смотрел оттуда.

Тут уж, конечно, никому ничего невозможно было понять.

— Калитко так нарисовал, — объяснил Король, улетающая клетка, оказавшись будто бы случайно на столе перед его носом. — Калитко рисует будущее, — говорил он удивленной аудитории, — не то, что Заморский, у которого единственно «Истерия» и ничего не по-

нятно... Кусающиеся коровы! Для чего они? Пограничник тоже спрашивал: при чем тут коровы?

— Ни при чем,— согласился Усатый Таракан. Эх, лишь смеялась.— Они, собственно, откуда? Эти... Заморский... Пограничник?

Ну и бестолковые вопросы задают иногда взрослые! Как откуда?

— Из России, разумеется.

Откуда же еще берутся русские?! Так и немцы появились из Германии, а эстонцы в Эстонии зарождаются. Что же тут непонятного? Островитяне потому и островитяне, что на Острове живут, а негры потому негры, что в Африке. Чтобы разобраться в таких простых вещах, вовсе не обязательно ходить в школу.

— Но глаза он уже загрузовал,— рассказывал Король с набитым ртом как-то нечетко, все-таки трудно говорить с клецкой во рту.— Он сначала рисует, а потом загрунтовывает.

— Наверно, не хватает холста,— высказался Усатый Таракан, ставший серьезным, задумчивым. Король чуть не подавился:

— Правда! Как ты угадал? Калитко говорил, что хорошего холста негде взять. Иван предлагал достать старые простыни, а Калитко сказал, что и новые — не холст. А нас с Иваном они чиграшами называют... «Вы здесь, чиграши?» «Живы-здоровы, чиграши?» А что такое «чиграш» — сам Иван толком не знает.

Про повешенного они словно забыли. Но Король вспомнил, что встретили еще и военных, что Иван считает, будто это были энкаведешники. Усатый Таракан, по-прежнему задумавшись, сказал, обращаясь к Эху, что, вероятно, эти военные разыскивают Рууди, который единственно разве у Терезы и может скрываться в Розвальнях, больше негде, хотя... Вряд ли они здесь задержались, тем более, если уже рыщут военные.

— Ушли, конечно,— подумал вслух Усатый Тара-

кан,— уже в другом месте где-нибудь эти хищники...

Королю сказанное Мартином, откровенно говоря, ничего не объяснило. Но расспрашивать не в его правилах. Про Ниргит все же не удержался.

— Что-то давно,— Король зевнул безразлично,— ни Сесси, ни Ниргит не видно...

И опять зевнул эдак равнодушно: дескать, вспомнилось случайно.

Мартин взглянул на него внимательно и молча занялся сапожными инструментами. Эха протараторила скороговоркой, что перед самым, мол, фронтом девочки собирались на материк, а с ними и Антс и Калев, что сейчас им даже лучше где-нибудь там, пока война не закончится. Королю оставалось думать, что «материк» — укромное место, где хорошо жить, как на Земле Мулги, про которую уже давно не насвистывает дед Юхан, но не потому, что на Земле Мулги жизнь стала плохой, как она стала скверной повсюду, где шла война...

Протараторила Эха свою сказку про материк и собралась скотину на ночь устраивать: поросенку захватила ведро с болтанкой из муки и отрубей. А что делать Королю? Кому в чем помочь?

Мартин, Усатый Таракан, посоветовал ему взобраться на свое место, «мохнатых» встречать. Король, было дело, рассказывал про друзей с носами Микки-Мауса из страны сновидений. «На свое место» означало залезть на сохнувшие под кухонным потолком доски, которые предназначены для хозяйских нужд. Король вспомнил: точно так же сушились доски в производственном доме Алфреда; к стене пристроены брусья — лапы, на них в два ряда уложены доски, они здесь долго равномерно высыхали.

Спать на досках превосходно. Внизу люди могут при свете лампы делом заниматься, а ему это не ме-

шает, и он не мешает никому. Бывало, вслушивался в разговоры внизу, пока не засыпал.

Вот и теперь: взял он свою подушку, одеяло и шубу (принимал от Мартина уже наверху), взобрался на стоявший в углу кухни как раз под досками сундук, с него — наверх, здесь устроил свою постель, и скоро пришли к нему гости — три маленьких мохнатеньких существа с носами Микки-Мауса, его старые знакомые: Ник, Нак и Нарр.

Опять он с ними играл в прятки, и опять они ему дерзили, задирались и твердили, что они и есть его настоящие друзья, потому они не должны его оставить, поскольку именно они олицетворяют добро. Но его Величество рассердился на них за то, что бесконечно его преследуют какие-то олицетворения, он стал их ругать, обзывать, они, наконец, обиделись и ушли.

Когда Ник, Нак и Нарр ушли, в доме все уже спали. Луна через окно освещала кухню, внизу где-то царапалась мышь — и куда ей-то надо? За печью два сверчка устроили соревнование игры на собственных ножках. Впрочем, они зря старались: Его Величество тоже уже спал, и некому было оценить их музыку.

Вероятно, именно тогда, когда оставили Короля обиженные мохнатые с носами Микки-Мауса, он проснулся вдруг и показалось ему, что слышит приглушенные голоса, хотя знал, что это не Эха с Мартином, которые спят в комнате рядом с кухней. Дверь в комнату была приоткрыта, ее никогда не закрывали, и Королю отлично было слышно дыхание спящих.

Он сообразил, что разговаривают во дворе. Тут же до слуха донесся шепот из комнаты.

— Проснись же! Слышишь! Мартин! Проснись, — шептала Эха с тревогой в голосе. Сверчки все старались, но мышь, видимо, отказалась от затеи куда-то пробираться.

обувь. Ведь и он, хотя и король, тоже это умеет, и Алфред... Правда, Алфред умел все.

Конечно же так уж заведено везде на Островной Земле, что гость первым делом должен рассказать новости: что повидал в мире, где побывал? Нет, не мог Король не рассказать своим друзьям, как они с товарищем нашли в лесу повешенного.

Новость произвела впечатление: у плиты раздался такой привычный возглас: «Иссанд Юмал!» Усатый Таракан даже отставил колодки, зашевелились его усы — весь внимание.

Они попросили еще раз подробно рассказать, как все было. И он повторил: работали с товарищем-полуверником из русских на Кури-Мури, рублии поросль. Потом Старая Хильда послала сосновые шишки собирать, обещала дать перловой крупы...

— Откуда у нее перловка-то! — не утерпела Эха.— Она же ячмень целиком на муку смолола... на Валья-лаской мельнице.

Король признался, что насчет крупы не знает, потому что заработанную провизию они не взяли. Так вот, послала их Хильда за шишками. Дурачились, конечно, в снегу и вдруг увидели...

— Главное, его уже раньше вешали... и топили,— закончил Король. Пришлось разъяснить насчет «раньше». Он рассказал про Векшеля в воде у острова Лая-мадала с веревкой на шее.

— А еще раньше он в лоханке валялся и смотрел оттуда.

Тут уж, конечно, никому ничего невозможно было понять.

— Калитко так нарисовал,— объяснил Король, уплетая клецки, оказавшиеся будто бы случайно на столе перед его носом.— Калитко рисует будущее,— говорил он удивленной аудитории,— не то, что Заморский, у которого единственно «Истерия» и ничего не по-

нятно... Кусающиеся коровы! Для чего они? Пограничник тоже спрашивал: при чем тут коровы?

— Ни при чем,— согласился Усатый Таракан. Эх, лишь смеялась.— Они, собственно, откуда? Эти... Заморский... Пограничник?

Ну и бестолковые вопросы задают иногда взрослые! Как откуда?

— Из России, разумеется.

Откуда же еще берутся русские?! Так и немцы появились из Германии, а эстонцы в Эстонии зарождаются. Что же тут непонятного? Островитяне потому и островитяне, что на Острове живут, а негры потому негры, что в Африке. Чтобы разобраться в таких простых вещах, вовсе не обязательно ходить в школу.

— Но глаза он уже загрузтовал,— рассказывал Король с набитым ртом как-то нечетко, все-таки трудно говорить с клецкой во рту.— Он сначала нарисует, а потом загрунтует.

— Наверно, не хватает холста,— высказался Усатый Таракан, ставший серьезным, задумчивым. Король чуть не подавился:

— Правда! Как ты угадал? Калитко говорил, что хорошего холста негде взять. Иван предлагал достать старые простыни, а Калитко сказал, что и новые — не холст. А нас с Иваном они чиграшами называют... «Вы здесь, чиграши?» «Живы-здоровы, чиграши?» А что такое «чиграш» — сам Иван толком не знает.

Про повешенного они словно забыли. Но Король вспомнил, что встретили еще и военных, что Иван считает, будто это были энкаведешники. Усатый Таракан, по-прежнему задумавшись, сказал, обращаясь к Эху, что, вероятно, эти военные разыскивают Рууди, который единственно разве у Терезы и может скрываться в Розвальнях, больше негде, хотя... Вряд ли они здесь задержались, тем более, если уже рыщут военные.

— Ушли, конечно,— подумал вслух Усатый Тара-

— Что? — раздался хриловатый сонный голос Мартина.

— Кто-то ходит вокруг дома, — шептала Эха.

— Что?! — уже громче спросил Мартин.

— Тише! — зашикала Эха. — Кто-то разговаривает во дворе.

Шепот в спальне приумолк. Прислушался и Король.

Тут же раздался стук в дверь. Мартин, похоже, собрался вылезть из кровати, опять тревожно зашептала Эха:

— Не ходи! Ты... не ходи. Неизвестно что...

Теперь постучали в окно. Мужской голос проговорил:

— Мартин! Ты уже спишь?

И за окном кухни замелькали силуэты людей: их тени Король увидел на кафельной печи. Опять тени... Как их много, и какие разные. Кто-то светил фонарем в окно кухни.

— Кто там? — крикнул наконец Мартин, усевшись в кровати.

— Да ты меня знаешь, — крикнули в ответ за окном, — мы из энкаведе, заблудились тут, воды бы нам...

— Не ходи! — опять прошептала Эха, но заскрипевшая кровать свидетельствовала, что Усатый Таракан выбрался из нее. Было слышно, как он в коридорчике открывал замок двери и раскрыл ее. Тут же раздалась выстрелы.

Король уже понимал, когда стреляют из винтовки, раздаются одиночные выстрелы, но когда так... то из автомата. Потом он уже мало в чем разбирался, все происходящее существовало отдельно от него, словно во сне, и он так сожалел, что обидел мохнатиков, хотелось позвать их обратно, но, как и бывает во сне, у него не было голоса. А сон продолжался: какая-то

длинная тень вошла в дом, навстречу ей поднялась с кровати белая фигура — Эха в ночной рубашке.

— Где твой красный сукин сын? — глухо спросила длинная тень. Эха молчала, и тень повторила вопрос.

Эха говорила тихо, но во сне тихий разговор хорошо слышен, как наяву. Эха сказала, что Антс на материке, где жить хорошо...

— Неси топор! — громко приказала длинная тень. Вошел еще кто-то.

— Он тупой! — произнесла Эха хриплым голосом как-то безучастно.

— Ничего, голову как-нибудь отрубим. Зачем ему голова?

О чем-то стал бормотать другой низкий голос, вроде уговаривал. Женский голос тоже что-то произнес. Этот голос принадлежал не Эха. Королю показалось, что где-то там, далеко внизу, в полумраке о чем-то между собой заспорили длинные Тени. Затем опять раздались выстрелы. Одна тень женским голосом проговорила:

— Осмотреть бы дом...

— Нечего! — скомандовала Длинная Тень. — Они здесь вдвоем, а их барахло — дерьмо. Надо уходить, собак везде всполошили.

Длинная Тень встала в проеме двери, посмотрела мельком, и тут же они вышли из дома. Стало тихо, протяжно скрипнула раскрытая наружу дверь. Сверчки замолкли: какой уж тут концерт при такой трескотне!

Мохнатые ненадолго вернулись к Королю, но были очень сердиты: «Мы заблудились, — кричали они, — мы из-за тебя, из-за твоего упрямства потеряли даже свое значение! И где мы теперь? И кто мы?» Король не понимал смысла их криков, он осознал свет луны, который уже отодвинулся от печи. Порою ему казалось, что он на Сааре, ему слышался крик черной вороны

на раките у колодца, но не было Вилки, не было друга, и затем мохнатки ушли — совсем никого из друзей! Наконец он окончательно проснулся и ощутил холод.

Как лунатик, спустился он на сундук, слез на пол, подошел к смежной двери. Здесь на полу лежала белая фигура, полоска света через окно осветила белые маленькие ноги. Король не осознавал себя, не ощущал своей плоти. Он шагнул в коридорчик, где на пороге лежал, скорчившись, Мартин, дверь во двор раскрыта настежь, голова Мартина свесилась наружу, низенькое крыльцо краснело при лунном свете от крови. Король... Это был он? Нет, нет — его не было. Здесь двигалась его тень... Тот, кто был, Король ли, тень ли, тот шагнул через тело Мартина и вышел во двор.

Где-то в деревне остервенело лаяли собаки. Луна ярко освещала двор, снег сверкал белизной, и на этой белизне четко выделялись несколько пар красных кровавых следов, которые направлялись к воротам; в точности так, как было нарисовано в этюднике Калитко на одной из его зарисовок. И Король... Это был все-таки он. И он тоже направился к воротам и тоже оставлял красные следы босых ног: он, оказывается, забыл обуться. Он, оказывается, даже не понимал, что он босой, не чувствовал холода; он шел, кругом сверкало, золотилось, краснело — столько красок! А луна... две луны, нет — три луны... и ворона на раките, одна... две вороны... Откуда-то они взялись, налетели, бились крыльями и каркали, каркали, каркали...

Когда Маленький Иван уехал от Короля на Вальяской дороге, это не было предательством: они ведь независимые люди, поступающие по своему усмотрению, ориентирующиеся сообразно ситуации. Бывало и прежде: кому-то одному из них не нравилось то, к

чему призывал другой. Ну и ладно! Никто претензий не высказывал.

Тем не менее, влезая в кабину грузовика, Иван чувствовал себя неловко: он все-таки не был уверен, что поступил правильно, он признавался себе, что ему было страшно, и именно потому он хотел уехать и именно... к своим. Но также он понимал: и Королю должно быть страшно, а он остался один на дороге. Конечно, Иван в этой стране чужой, а Король дома. Дома же и стены помогают — так говаривал некогда отец. Успокаивал себя Маленький Иван тем, что Король сейчас тоже конечно же побежит к своим на какой-нибудь хутор... Эта мысль его утешала. Однако сама картина: Король на пустынной дороге...

Маленький Иван достал зажигалку и запалил потухшую трубку.

Тут же водитель, который с любопытством к нему присматривался, — этаким мужиковатый парень с «умным» лицом, он сразу же понравился Ивану — заговорил елейным голосом:

— Ай да молодец! Тебе сколько от роду-то? — вопрос прозвучал малоуважительно. Иван не ответил: он не любил таких. Именно дураками считал он этаких высокомерных да чересчур умных: «Сколько тебе от роду?» Какая тебе разница, сколько мне лет! Иван думал...

Он думал о страхе, о человеке с длинным черным языком. Что же теперь там будет, в этой их эстонской деревне? А может, там и не будет ничего страшного. Но он помнил: дома, в Белоруссии, если бы в деревне убили доносчика... Ах, лучше про это не вспоминать, ведь дома все свое и что-нибудь страшное там — это еще и очень больно. Здесь же только страшно.

И почему такое есть на земле? Должна быть жуткой сама ситуация, когда человека приводят в лес и

он знает — зачем, но не сопротивляется, потому что понимает: это неизбежно. Он трус... Только труса можно так в лесу повесить, тихо и спокойно. Иван смачно плюнул в окно, он не признавал трусости.

Но это страшно. И где такое происходит, сама эта местность становится жуткой, почему и хотелось Ивану скорее прочь. Здесь, в Розвальнях, и в округе после увиденного в лесу для него уже не стало сказки, той сказки, которую, несмотря ни на что, увидел потом Король-филин. И опять потому, что филину-королю, хотя и тоже было страшно, красота родной природы выше даже такого кошмара...

Водитель все приставал к Ивану: как он, такой маленький, сюда попал, на этот унылый остров, где, кроме колючих растений, вроде и нет ничего, давно ли здесь, с кем живет, не обижают ли местные ребята, не задираются ли, не хочется ли Ивану домой, в Россию? Надоел до черта! Бывают же такие люди — никакой тактичности. Разве не видит, что человек не расположен болтать. Иван не считал нужным распространяться с первым встречным дураком о своем житье-бытье. Он все-таки коротко сказал, что прибил-ся к солдатам, когда через деревню фронт проходил, с ними на Остров пришел — так все сложилось.

— Ну и местечко! — словно сочувствовал водитель Ивану.— Народ какой-то дикий, слова от них не дождешься, враждебны, мало их немцы тут пытали... Мы же кровь за них проливали. Ты-то с ними как? Есть контакт?

— У меня друг,— ответил Иван и добавил:— Друзья...

— М-да-а...

Ох и мудрый человек! Иван знал, когда человек говорит «м-да», значит, ему нечего сказать. Зачем тогда приставать?

— Давно куришь?

Нет, определенно какой-то идиот. Ну подумай сам, башка, как давно может курить человек, если ему всего...

— Да та-ак... лет семнадцать,— ответил он серьезно, опустил стекло в дверце и стал выбивать трубку.

— М-да...— произнес водитель, видно, туго соображал.

В ателье Калитко заседало общество. Присутствовали Пограничник и Заморский, друг Пограничника и незнакомая рыжая женщина. Все присутствовавшие ожесточенно, как всегда, спорили. Как-то Король даже заметил по этому поводу: «Неужели так трудно хоть разочек согласиться?» Сегодня спорили о достоинстве и содержании «Истории». Анализировали ее смысл и конечно же тоже, как всегда, с помощью водки. Иван пришел настолько поздно, что в смысле спора разобраться не мог, он и не интересовался этим, а картину Заморского называл мазней. На приход Ивана не реагировали, особенно если случалось — а случалось всегда, это тоже стало постоянной необходимостью,— когда говорили про политику.

Как давеча водитель грузовика, нервный друг Пограничника тоже жаловался, что ему порядком надоело на этом дурацком острове, где, по его мнению, нет никакой цивилизации и воняет тухлой рыбой. Заморский удивился: только-только пришел человек на Остров, а уже он ему надоело! Не Париж здесь, это конечно, что и говорить, но все же...

Пограничник признался, что тоже... Вообще-то, на острове жизнь, по его наблюдениям, какая-то уж очень не динамичная, словно приостановилась, так что действительно скучно, тоскливо, тем более что дома у него жена и дочь, и вообще... Все не так, как должно, потому что если он капитан, то на этом острове какого еще можно дожидаться повышения? Разве только оче-

редного. А это когда еще будет... И вообще — разве ему в России делать нечего, что сюда загнали? Когда дома все развалено-разрушено и надо восстанавливать. И разве не хватает им здесь этого... эстонского корпуса, что ли, чтобы охранять здешнюю границу? К тому же он — коммунист, а не конкистадор какой-нибудь, которого из него сделали. Где же логика?

— Логика здесь, — отвечал пьяненький Заморский, показывая на кусающихся коров, и сделал губами «взип-взип-взип».

Кроме коров, что только не изображалось на этой картине: разноцветные люди — черные, желтые, красные, белые, голые и одетые, в рыцарских доспехах, в средневековой причудливой одежде, современных костюмах и военных мундирах; мужчины и женщины стояли, лежали в обнимку с животными; женщина целовалась со свиньей; собаки... Ивану даже стыдно сказать, что они делали; то же самое делали и люди — мужчины с мужчинами, также и с женщинами и животными, животные опять это же с женщинами — все смешалось, причем все, и это было главное в картине, друг друга еще и убивали — кто как: резались ножами, рубились топорами, мечами, душили руками, две коровы просто зубами рвали друг друга. И он, Заморский, убеждал, что это Истина? Что это Логика?.. Впрочем, Ивану все это, вместе взятое, безразлично, о смысле и значении логики он, во всяком случае, голову не ломал.

— Истина здесь, — настаивал Заморский, — и логика тоже, потому что в жизни нет никакой логики, ее не существует в природе.

— Врешь! — из второй комнаты появился заспанный пьяный Жора. Он заявил, что в природе логика есть, но люди ее первозданную разрушают и сами от этого скоро сдохнут, он именно так и выразился — «сдохнут».

— Нет, нет, он прав,— громко закричал нервный друг Пограничника.— Я всю войну прошел, только слегка царапнуло, теперь меня сюда — зачем? Никто сюда теперь вторгаться не собирается, мы всем урок дали, показали силу... где раки зимуют. А взбунтуются, прикажут — наведем порядок.

Хотя его никто и не слушал, он долго кричал, что здесь, на этом идиотском острове, и самим пулю из кустов схватить недолго, и это когда войне уже конец. Разве мыслимо?

— Истина здесь,— все возвещал Заморский, показывая на «Истерию»,— но насчет кустов... я на острове давно, меня они знают, но не... жалуют; сколько волка ни корми...— Калитко на слова Заморского засмеялся, но ничего не сказал, он не любил много говорить.— Помяните мое слово,— заявил Заморский,— минует лет сто, а какому-нибудь чудом сохранившемуся местному рыбаку какой-нибудь иностранец все равно будет напоминать о собственном великодушии, что освободил он рыбака от чего-нибудь. В Штатах, говорят, вымирают индейцы, в Австралии — аборигены, и здешних тоже занесут в Красную книгу. Так спрошу я вас, как вам кажется: нравится ли этим рыбакам такая перспектива?

— Что же... аборигены... здесь тоже? — удивленно воскликнула незнакомая рыжая женщина. По-видимому, она пришла сюда с Другом Пограничника. Ее простоватость рассмешила мужчин, и Пограничник, разжигаясь от общего смеха, предложил жить не тушить, водку пить. Что и было подхвачено: «Прозит!», «Будем!». Всем было весело, но в это веселье Заморский добавил соли, объявив, что участь малых народов в любом случае predetermined, ибо в неволе даже немислимые твари, какне-то крысы, и те не размножаются, а люди... если и размножаются, то любопытно посмотреть, что за гибрид выведется.

— «Истерию»... подарю городу. В благодарность, что еще не убили меня,— заявил Заморский.

Открылась дверь, с порога раздался озорной клич:
— Здравствуйте, мальчики! Это — я!

Наконец она пришла, эта Ирина, тайная любовь Пограничника, зататорила-зашебетала уже в дверях кокетливым голоском о своих невероятных сложностях, почему она не могла раньше прийти, о какой-то слежке, о семейном терроре, о ревности и о собственных инстинктах, которые Ивану ничего не говорили. Разумеется, он старался во всем этом бедламе забыться от впечатлений дня — он же к своим пришел. Но им было не до него.

Когда творческие личности заняты такими возвышенными проблемами природы и мироздания, процессом вымирания отдельных малых народов, то некогда замечать простые земные существа, ведь никто же не обращает особого внимания на кошку. Ивану Маленькому, когда он пришел, кто-то, может, и сказал слово — он не понял, а затем забыли про этого чиграша. Он лег на их с Королем нары и скоро заснул — не заснул, но от действительности отключился.

На Вальялаской дороге он дрожал от страха, и ему было не до красот природы, не до звезд. Теперь же, словно сохранившись в подсознании, они возникли перед глазами. Когда он все же наконец уснул, они ему снились — и луна и звезды. Но в его сон вторглись без всякой связи выстрелы, раз и два, крики и удары, которыми председатель награждал его мать, от ее мучительно пронзительного крика, от которого человека может парализовать, он и проснулся, уставясь в темноту комнаты, не понимая происходящего. Он не знал связи явлений, существующей во всей вселенной, когда события или люди со сходными душами оказываются в похожей ситуации и жизнь одного повторяется в другом, как, говорят, происходит с близ-

нецами; он не знал, что и Король однажды и слышал, и видел во сне, как били его мать, и тоже проснулся от ее крика, способного, оказывается, сохраниться в клетках организма на всю жизнь. Иван проснулся, но крик не пропал — как в точности было и с Королем. Крик продолжался...

Кричали в соседней комнате. Оттуда доносились яростные и страшные ругательства, женский визг больно врезался в мозг, что-то грохнуло, что-то разбилось. Опрокидывались стулья.

Иван подумал: дерутся. Он вскочил, наскоро обулся, подошел к двери и приоткрыл ее. Он увидел Ирину на полу в луже крови, а рядом с ней Жору Калитко. У Жоры на лбу билась фонтаном кровь. Здесь же бледный Пограничник сидел на стульчике и мелко дрожал. Ведь он сидел рядом с Жорой, так что... У двери стоял высокого роста офицер с револьвером, который у него вырывали Друг Пограничника и Заморский. Офицер не сопротивлялся, револьвер у него взяли, затем его отпустили. И стало тихо.

Офицер подошел к Ирине, посмотрел в лицо умершей, повернулся и вышел.

Он ушел, и никто не пытался его удержать. У Калитко широко растянулся рот, обнажились почерневшие от никотина редкие зубы. Глаза закатились. Ирина лежала на боку, вывернув голову вверх, словно оглядывалась, и губы ее застыли в гримасе, которую можно было принять за улыбку.

Иван оказался в затруднительном положении: он не понимал, как должен поступить, как выбраться. Инстинкт подсказывал, что надо уходить, что он здесь теперь чужой, что и в ателье у него теперь дома нет. Все эти люди, хотя и свои, но они могут куда-нибудь идти, у них есть — куда, но, когда они уйдут, тогда он останется один, а быть здесь одному — на это у него нет сил. Это же страшно... Здесь тоже страшно! Это

говорил ему инстинкт. Сознание же еще не осмыслило увиденное. Много в жизни повидал он и страшного — такая удача выдалась детям того времени, и в его психике уже присутствовал иммунитет против страха. Однако сейчас Иван был в шоке. Во сне услышанный крик матери доминировал над действительностью, случившейся только что.

От страшного, которого он инстинктивно опасался на Вальялаской дороге в Розвальнях, ему уйти так и не удалось — еще более страшное настигло в городе. Теперь уйти, миновать всех незаметно он не мог. Окна же мастерской с двойными рамами никогда не открывались и были заклеены как зимою, так и летом.

Еще не решив, не поняв, что ему делать, он уже шел к выходу: в этом возрасте организм сам часто все решает, помимо сознания. У незнакомой рыжей женщины началась истерика, сначала она кричала, потом стала хохотать и все показывала на «Истерию» у стены, где лежали убитые. кусающиеся коровы оказались в струях свежей крови. Увидев Ивана, она вскрикнула:

— Ма-аль-чик!

Не обращая ни на кого внимания, Иван спокойно прошел на веранду, взял с вешалки куртку, нахлобучил на голову шапку и вышел во двор.

Шагая в освещенном луною дворе примерно в то же время, когда во дворе хутора Ару брел босиком в снегу Король, Иван на ходу натягивал куртку и даже не заметил, что на снежной дорожке от его маленьких сапог оставались кровавые следы.

Зловещее пророчество века: проливают кровь по причине ничтожных бесчеловечных интересов взрослые, а их дети оставляют за собой кровавые следы. Какими же должны вырасти эти дети войны? А дети самих этих детей? В состоянии ли они простить отцов во имя того, кого многие называют главным судьей в

мире, имевшим единственно право судить и наказывать род человеческий за его греховность, получившую начало от какого-то первородного греха, каких-то мифических голых дураков, которых к тому же прочат нам в прародители? И это, скорее всего, в стремлении людей свалить вину за собственную ничтожность (результат эволюции?) на кого-то, от кого мы якобы унаследовали уже зараженные подлостью гены... Так что виноваты во всем они — Адам и Ева, потому и мы — что тут удивляться! — не можем быть другими.

При всем при том, касательно так называемого первородного греха, сдается, что и здесь единоправный создатель всего в мире существующего и судья совершивший тоже ничем не объяснимую провокацию, во всяком случае, наверняка преднамеренную: если созданным им существам (названным людьми) впасть в грех по его замыслу не полагалось, зачем он тогда привинтил Адаму эту штуковину, которую Еве не дал? Не хватило сырья? Сумел сварганить огромное мироздание, а на Еву не хватило материи... Тогда можно же было оторвать эту фиговину и у Адама, дабы стали они одинаковы, и Каин не убил бы Авеля. Зачем нужна была Создателю сущность греха?

Ежели все-таки было задумано, чтобы люди размножались, отчего же и не объяснить им, что детей не в капусте разводят? Забыл? Лицемерие! Выходит, и змея — жертва святейшего обмана: она, вообще-то, верно уразумев замысел Господа, полагая о его рассеянности, забывчивости, сочла необходимым, будучи честным змеем, объяснить людям: что и как, чем и куда.

В результате, куда теперь деваться Маленькому Ивану? Хотелось-то ему к Королю. Но где Король? Иван понимал, Король найдет где-нибудь убежище, для него здесь и камни одушевленные. У Ивана же —

никого, а на дворе хотя и светлая, лунная, красивая, но... ночь.

Закурив свою трубку, зашагал он в сторону улицы Моря — к дому Лилиан Вагнер. Кроме этих двух немцев — Лилиан и ее отца, — никого не знал в настоящую минуту Маленький Иван, кто бы отнесся к нему с любовью.

ГЛАВА IX

Земляника и Алфред осваивались в деревне Прятки. Хутор Куриный Нос пришелся неожиданно по душе даже Землянике. Она со свойственной женскому роду страстью к перестановке мебели взялась и здесь за дело, только и слышались ее команды Алфреду, чтобы помог передвинуть, поднять, затолкать, вытащить.

Перетаскав, затолкав, вытащив все, что надо, он отправился заводить знакомства с ближайшими соседями. Хутор этот назывался Коти (Мешок). Население когда-то шикарного, теперь разваливающегося хозяйства составляли старик со старухой, если так прямо и грубо сказать. А если сочли они для себя безопасным остаться в собственном доме в такое время, когда люди помоложе ушли за море, значит, кроме смерти, им уже нечего бояться... А ее они не боялись. Старые крестьяне, чья жизнь прошла в тяжком труде, редко противятся ее естественному исходу.

На что рассчитывал Алфред, решив укрыться в Прятках? Скорее всего, ему хотелось оттянуть срок, назначенный ему судьбой, даже согласившись, что от нее невозможно уйти насовсем. Он прикинул: если ему суждено быть расстрелянным — только такой представлялся исход, — то почему это должно случиться сегодня или завтра, а не послезавтра или, еще лучше, через неделю, месяц или даже позже? Он же не такой

еще старый, чтобы согласиться на смерть как на физиологическое завершение жизни.

По мнению Алфреда, соседи оказались очень даже милыми. Высокий старик с нечесаными длинными седыми волосами, лет ему могло быть столько, сколько соленым морским ветрам, обдувавшим местные пасбища, очень интересовался происходящим в мире: когда конец войне? Спокойно ли в городе? Какие сведения с фронта? Какие несет потери немец, а какие русский? Что захватили в Европе американцы, а что французы? Раньше у него, оказывается, был приемник, приходила газета, и он узнавал обо всем, теперь же изолирован от жизни...

Алфред удивился: как все-таки странно устроен мужчина: в малолетстве играют с оловянными солдатками и до самой глубокой старости интерес к войне на первом месте, в то время как у женщин начиная игры в куклы и тоже до старости главное — любовь.

Старый Индрек, конечно, и о земле охотно рассуждал: какая предвидится весна, какое лето, какие могут быть перспективы на урожай? Он хвастался, что семена у него есть — и зерно и картофель. Ну а как ни... Нет уже сил выкорчевывать их с полей, ведь более ста лет на хуторе Мешок их извлекали из пахотных земель и складывали в бесполезных местах. Оразовались целые горы, которые то тут, то там обрабатывали травой. Пройдет лет двести или тысяча, и будущая цивилизация начнет ломать голову над загадками их образования, ученые станут их изучать и писать труды.

Война же... ее Индрек изучал, участвовал в ней, наблюдал, и обсуждал, с кем удавалось. Алфред вошел в первой мировой? Нет? А он, Индрек, воевал! Зеленые глаза старого мужчины блеснули горделиво. Значит, Алфреду неизвестно, сколько в первой мировой стоил выстрел из пушки? Выстрел из мелкокали-

берной — чтоб он знал — обходился в шведских кронах (Алфред не стал уточнять, почему именно в шведских) сорок тысяч... Цена выстрела, естественно, увеличивалась пропорционально калибру орудия, из которого стреляли.

— Ну а в теперешней?.. Сколько стоит выстрел из пушки? — Глаза Индрека приобрели выражение хитроватого выжидания: что, голубчик, и этого не знаешь? А он, Индрек, знает! — Один выстрел из новейшей французской пушки (Алфред не уточнял, почему именно из французской) в сороковом году стоил примерно двадцать тысяч крон. — Бомба-то дешевле считается. К примеру, пятисоткилограммовая стоила всего тысячу или, скажем, полторы тысячи крон.

Учитывая совершеннейшее отсутствие зубов у Индрека, разобраться в его речи было непросто. Старушка в разговоре про бомбы участия не принимала, смотрела на Алфреда, стараясь прочесть в его лице — в состоянии ли он оценить по достоинству мудрость ее старика.

Алфред узнал цены на мины, торпеды и другие виды уничтожения, так что мог себе зримо представить, какая она дешевая, по сути, эта война...

— А шем коншилась вжажда бшатьев Фшанко? — поинтересовался Индрек. Его волновала судьба младшего Франко — Рамона.

Алфреду пришлось признаться, что лично с ними знаком не был, — разве они враждовали?

Старик с удивлением смотрел на Алфреда, затем снисходительно объяснил, что Франциско и Рамон — оба храбрые люди и отличались в военном деле, боролись также и с быками, да-да, но Рамон храбрее оказался, и Франциско ему завидовал. Потом Франциско получил от короля Альфонсо повышение — стал генералом. А Рамон перешел на сторону пролетариата, его выбрали революционным вожаком. Четверть

века они враждовали. Франсиско как будто стал впоследствии большим человеком в Испании, а что с Рамоном?.. То ли Индрек забыл, то ли не знал...

Алфред поражался: старый человек, хлебороб, в университете не учился, живет на краю земли в лесу, а интересуется судьбой Рамона Франко!..

Алфред вернулся на Куриный Нос, окончательно успокоившись: опасаться некого. Кругом пастбища и леса, в настоящее время под глубоким снегом, дороги плохие, когда метет — все в сугробах, на машинах не проехать. Даже от Кишмялягушки достаточно далеко. Почти недоступное место, можно сколько угодно здесь выждать. Самое главное — выждать.

Земляника, успевшая все в доме оборудовать по своему, навести порядок, уже раскладывала карты: червовая семерка — пять сердечек острием вверх, крестовая восьмерка — пять ножек вниз... Ого! Нехорошо: слезы, боль через любовное страдание! Здесь?! В деревне Прятки?! Откуда бы? Она, конечно, давно сообразила, что их отношения с Алфредом не сохранили прежней горячности. Но... здесь?

Алфред раздражителен, молчалив. Раньше, бывало, интересные истории рассказывал, и непонятно было, выдумывал или правду говорил. А какой он был остроумный! Как всегда шутил! Куда все это подевалось? Куда подевались песни? Только и слышишь: «Не мешай думать». О чем? Сколько ни думай, ничего тут не придумаешь, прошлого не переделать. А Землянике не с кем здесь советоваться насчет шитья, не со старухами же о модах говорить...

Она верила в Судьбу. И картам: они ложатся так, как угодно Судьбе. Тогда откуда ей ждать беды? Из-за кого здесь ждать любовных страданий, когда кругом одни старухи?

Алфреда вопрос любви, по ее наблюдениям, уже мало волновал. Во всяком случае, к Землянике ему

уже не очень хотелось повернуться в постели лицом. Оказывается, и это дело, если каждый день, если даже изобретательно, если даже очень искусно,— надоест уже за одно то, что достигается таким старанием. И если ничто другое в человеке не привлекает... Не пасьянс же, в конце концов!

Но он не роптал, старался ее не обижать, в одном лишь понимании утвердился: за собственные глупости, слабости или соблазны другие не должны расплачиваться. Когда они начинали — было же интересно с нею! Он оставил Хелли с ее болью, но виновата в этом все же не Земляника: та с радостью принимала, что ей предлагали, она такая, какая есть, у нее свое представление о счастье. К тому же учитывая, в каком они сейчас оказались положении, то могла бы и оставить его, но она разделяет его участь. Было бы чудесно, если бы он всегда занимался земледелием на каком-нибудь маленьком хуторе, как об этом мечтала Хелли!.. Да, но кто гарантирует, что сейчас он бы не сожалел, что не делает мебель, как всегда сам мечтал?

Несколько дней Алфред, пробиваясь через сугробы, слонялся по окружающим пастбищам. Однако скоро это надоело. Он стал, орудуя топором, мастерить полки, приводить в порядок сломанный сруб колодца, выискивал другую работу; потом пришло решение побывать на Сааре. Опасно, конечно, но если осторожно, ночью... Он ведь опытный, сам устраивал засады, знает, как это делается, как надо идти, чтоб на них не нарваться. А идти необходимо. Возможно, и не было такой острой необходимости, возможно, что он себе ее попросту внушил, но...

Во-первых, беспокоило положение Короля: как он там, не нуждается ли в чем? Еще он сильно боялся, что люди из коричневого коттеджа могут взять Его Величество в качестве заложника, чтоб он, Алфред,

за ним пришел. Но, подумав, эту мысль отбросил. Слишком невелик... этот Величество. Другое дело, если бы Хелли или даже Земляника. Во-вторых, сидеть сложа руки стало неважоту. Можно бы что-нибудь смастерить, но, чтобы столярничать, необходимы определенные инструменты. А они на Сааре. Земляника хоть оборочки на фартук может строчить, ему же заняться нечем.

Возможно, и письмо Хелли толкнуло пойти в Звенинога, узнать о Короле. Он ей не ответил и не ответит, но на Сааре сходит. Именно сходит; как же иначе туда добраться?.. Заодно зайдет в Карула к матери Земляники и захватит что-нибудь из продуктов. Правда, между ними решено, что за продуктами станет ходить — именно ходить! — Земляника, но один-единственный раз он и сам рискнет.

Земляника не нашла что-либо возразить. Она понимала: ему необходимо себя занять. А Король... Это же естественно, что и о нем он беспокоится. Ее собственный Йентс живет у ее матери, ходит в школу, и с этим забот нет. Боязно ей, что и говорить: вдруг он не вернется, всякое может приключиться. Но карты ничего такого не предсказали. Относительно же ее любовных страданий — в этом походе ему не до этого.

Алфреду предстояло идти проселочными дорогами и лесными тропами. Оставалось выбрать: через Кишмялягушки или лес Смотригора? Лучше через лес, решил он. Алфреда в лицо не всякий на Острове знал, ведь Остров достаточно большой, даже если пограничники встретятся, тоже не обратят внимания на прохожего, но вот истребители или милиция — эти требуют документы, не говоря о том, что случится, ежели встретятся хозяева «мерседеса»... Нет, нет, Алфред осмотрительный! К Звенинога он подойдет ночью.

Отправился в путь, как только потемнело. Он шел вполне уверенно, пошел лесом Смотригора, даже не

подозревая, что пробирается недалеко от тех зловещных ям, в которых нашли свой конец многие десятки островитян, сраженные пулями самообороновцев, — те самые, чье перезахоронение они с Эдгаром не так давно наблюдали.

До лесов Брюквинского мыза он прошел благополучно, на пути встречались редкие прохожие, присматривались, конечно, ведь островитяне всегда отличались любознательностью, но Алфред их не боялся, поскольку он их не знал — значит, не знали и они его. А вообще-то, мало кто из деревенских жителей находил удовольствие в ночных прогулках в такое время, все старались справиться с делами до наступления темноты. Когда Алфред уже подходил к деревне Розвальни, откуда-то из темноты, из-за кустов внезапно появились люди. От неожиданности он похолодел, а ведь как внимателен был, как осмотрительно шел...

Ему скомандовали поднять руки, и он их поднял. Окружили его трое мужчин, в отдалении приближалась еще одна фигура, как ему показалось — в темноте он плохо различал — женщина. В грудь ему наставили дуло автомата, кто-то стал обыскивать, и он радовался, что расстался с револьвером, от этой штуки мало проку, навредить же она могла.

— О, это же фельдфебель! — воскликнул вдруг удивленно один из них, высокий мужчина. Голос показался Алфреду знакомым. Присмотревшись, узнал в высоком Рууди, с кем вместе однажды сидел в тюрьме-конюшне. Злоглазый Рудольф!.. Конечно, он уже слышал про «подвиги» этого человека. И эти подвиги не служили для Рууди положительной характеристикой, так что невозможно было Алфреду угадать, чем для него закончится эта встреча.

От фигуры, обыскивающей его, несло самогонным перегаром, почему-то эта вонь тоже показалась предвестником беды.

— Тукки поле *,— объявил обыскивающий, закончив шарить по карманам Алфреда. Рууди велел человеку, нацелившегося на Алфреда автомат, успокоиться, и тот опустил дуло.

— Плохие дела, а, фельдфебель... Раз ночью по лесам гуляешь? — Рууди тихонько захихикал.— Отчего же один? Скучно одному-то. Может, с нами пойдешь?

Алфред решил схитрить, не показать ни своего к Рууди презрения, ни страха перед ними.

— Невыгодно,— ответил он, стараясь как можно спокойно, даже с нарочитым вызовом,— какая бы власть ни установилась, вы в любом случае плохо кончите, а мне это ни к чему.

Рууди засмеялся, кто-то из остальных тоже коротко хихикнул. Женщина враждебно крикнула: «Но, но!»

— Ну, допустим,— объявил Рууди, смеясь,— твоя власть теперь не скоро вернется, а то, что здесь теперь... Это еще и не власть, и что для тебя власть? Думаешь тихо отсидеться? Они подождут,— он с удовольствием расхохотался.— У них времени хватит, чтобы тебя дождаться, успеют повесить... Да не будь идиотом!

— Победителей, говорят, не судят,— твердил Алфред свое,— тогда и они, может, перестанут свирепствовать.

— И ты их власть тогда признаешь? — спросил Рууди осуждающе.

— В Библии, говорят, написано, будто всякая власть от Бога...

— Всякая власть есть насилие! — парировал Рууди.— Вот я сейчас здесь власть и могу делать, что хочу. Мне нравится самому властью быть. Живи, как хочешь тебе, а не всем тут доносчикам вокруг. А на-

* «Головешки» нет (револьвера) (жарг.).

счет Бога... Как это у них поется: «Никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и ни герой...» А только сами — своей лапой... И я тоже... Ни Йосика, ни Ааду* не признаю. Только сам я за все себе воздам.

Закончив свой монолог, Рууди вытащил из кармана шинели — Алфред только теперь разглядел, что все они были в военной форме, — пачку «Казбека», закурил и протянул пачку Алфреду. Остальные в их разговор не вступали, чувствовалось, что напряжение спало, хотя еще недавно они были готовы, вероятно, к кровопролитию... Но тут... Фельдфебель встретился, сам Рууди с ним о жизни толкует, значит, быть мирной развязке. Чтобы хищника не дразнить, Алфред папиросу принял.

— Еще встретимся! — крикнул Рууди, уже уходя. — Решайся. Не сейчас — так потом. А то ведь и другие найдутся в лес манить... Все равно стрелять-постреливать.

Как неожиданно они объявились на дороге, так же мгновенно в темноте ночи растаяли. Алфред бросил папиросу и зашагал в сторону Звенинога.

Невольно возникли перед глазами картины из детства, из прошлого: веселая деревенская жизнь, потом служба в солдатах, женитьба... Все так мирно. Дни начинались с восходом солнца, проходили в обычных хлопотах, заканчивались заходом солнца, песнями и любовью. И вдруг все привычное отмечено в невозвратимую даль — настали новые порядки, образовались у людей новые привычки, обнаружилось новые инстинкты, в результате жизнь становится все жестче, исчезает человечность. Он, Алфред, ладно — на себя уже махнул рукой, ведь он успел уже и любить, и наслаждаться, хотя... умирать, конечно, рано,

* Ни Сталина, ни Гитлера.

и ему хочется знать, что будет дальше с его страной. Но Король!.. Каково будет ему в таком будущем?

Вдруг до сознания дошло: а ведь его сейчас могли и убить, и утром нашли бы на дороге снегом запошенный труп... Уже много провернул этот Рууди подобных дел на Острове, к тому же от них разило самогоном... Зовет в компанию... Чтобы веселее было на виселице? Здесь мысли Алфреда повернули к загробной жизни. Он, бывало, и раньше об этом размышлял: что будет с ним, когда он умрет? Он знал: этот вопрос никого из людей не минует, будь они верующие или неверующие — всех волнует вопрос: что будет после смерти? А вдруг действительно существует загробная жизнь и, как говорила Ангелочек, его будут там судить за грехи?.. А есть ли они у него? Уже который раз он об этом вопрошал себя. А как узнать, что, собственно, является грехом?.. Говорила Ангелочек, да он и сам в школе учил, что грешно убивать, а сколько на земле убивают! Может, те, кто убивает, не веруют в Бога? Может, только некрещеные убивают? Как бы не так! Что же они, черти, загробного суда и вечных мук не боятся?

Но каково жить в мире, который после твоего рождения кажется таким устроенным и прочным, а со временем оказывается, ты вынужден бояться совсем чуждых тебе народов и дисциплин, должен изучать их языки и даже думать не знаешь уже на котором из них!..

Однажды у него поинтересовался Отто Швалме: «На каком языке вы думаете, когда говорите по-немецки — на эстонском или немецком?» Он тогда растерялся, не нашел, что ответить, сказал, что не знает, и не соврал. Ему показалось, что, наверное, говоря с Отто, он думал на немецком. Недавно же к нему в «мерседес» садился Чуть-Чуть, и после расставания с длинным русским он вспомнил этот вопрос, и, продолжая размышлять о его предупреждении насчет «мер-

седеса» как ловушки, поймал себя на том, что в его мыслях фигурирует слово «капкан» вместо эстонского «лыкс».

Задумавшись об этом, он впервые ощутил инстинкт тревоги, уловив здесь неясную связь с загробным миром: поразмыслив, он осознал, что мысль вообще не имеет национальности. Он понял, что если бы даже в совершенстве знал с десятков языков — ни на одном из них он бы не думал; мысль приобретает национальность только тогда, когда превращается в звук. Но если мысль безнациональна, тогда... Откуда она? Язык души, не имеющий конструктивной формы? Да отсюда к мыслям о бессмертии души, загробном мире, Создателе — один шаг.

Итак, русские, немцы — их он боялся по очереди. Теперь же встреча с Рууди напомнила, что и своих эстонцев бояться нелишне. Да разве только теперь? Просто в юности он этого не понимал, потому что не сталкивался, значит, все это предстоит и Королю, который пока пребывает в благостном неведении. Выходит, что надо бояться всегда и всех, словно люди друг другу враги... С тяжкими думами продолжал Алфред свой путь в ночном, но очень близком сердцу, родном с детства лесу: он не думал, а ощутил — если бы и умереть здесь пришлось, было бы не страшно, ведь все-таки дома...

Никого больше не встретил и никто его не увидел. Даже Вилка его приход проспала. Порог дома слабо освещался из окна кухни.

Уже который раз прокрутил он перед внутренним взором ленту жизни их семьи. Ангелочек? Странные отношения друг к другу здесь, на Сааре, привили его родители со своей всеохватывающей любовью к Богу: никто ни к кому особой нежности не питал. Ценили тут всех за способности, за удачливость. У некоторых, у Манчи, например, да и у Хуго, присутствовала еще и

доля зависти к более расторопным братьям и сестрам. Сердечная любовь за просто так... Ее, вероятно, не осознавали. Алфреду пришло в голову: говорят про любовь к Богу, но разве она, эта любовь, существует в природе? Наверное, любят не столько Бога, сколько саму эту любовь?

Также и Ангелочек — инерция скорее всего. Она выросла в крестьянской семье, ее учили любить Священное писание, в нем богобоязненной девушке единственно и представлялась истина, и именно эту выпестованную в ней правду она полюбила, значит, не столько Бога, сколько себя через него. Юхан же поддался ее властной натуре.

В кухне он и сидел один — Юхан, очки на носу, изучал при свете керосиновой лампы «Голос Острова». Как-то даже равнодушно уставился старик поверх очков на вошедшего.

— Ну... — хмыкнул коротко не то вопросительно, не то утвердительно.

— Ну, — ни к чему промолвил и Алфред, — здравствуй!

— Поздно что? На машине, что ли? — спросил отец.

— Пешком. Читаешь? — идиотский вопрос, решил про себя, если человек сидит с газетой.

— Вот пишут... как врагов разоблачают, карают, — буркнул Юхан. — Нормы требуют сдать, мясо.

— Что нового в селе? — Алфред присел по другую сторону стола. — Никто не вернулся?

Юхан, конечно, понимал, что Алфред имел в виду Ангелочка, он и сам ее ждал, но не было от нее никаких вестей.

— Эйнар с Ребра вот пришел. Теперь у Прийду на Рямпли начнется пора веселья... Эйнар уже баб пугает тут. Обрядился в простыню, в темноте преследовал — поколотили они его.

— А Король?

— Он на Сааре бывает — прибегает в бане отмыться; в деревне рассказывают, что по хуторам зарабатывает на жизнь, поросль вырубает; видели его в Розвальнях.

Затем коротко описал Юхан, о чем говорилось в округе: убийца на острове разгуливает с какой-то женщиной из Розвальни, разыгрывает из себя народного мстителя. Алфред промолчал, что сейчас с этим «народным мстителем» в лесу столкнулся. Он успокоился: значит, Король не пропадет, уроки труда оказались полезны.

Алфред не собирался на Сааре долго задерживаться. Юхан предложил хлеба — он отказался: неизвестно, как теперь живут на Сааре. Велел передать Королю, чтобы пришел навестить, объяснил старику, как найти деревню Прятки, и предупредил: эту информацию надо передать только Королю... На Юхана, он знал, можно положиться: кому не надо — не скажет. И на Короля можно положиться. Не понимая почему, Алфред вдруг ощутил острую потребность в присутствии Короля, он вдруг осознал: Короля надо обязательно повидать.

Но как же все-таки живут люди на Сааре?

О, тихо и мирно. На Сааре уже нет войны, люди живут дружно, парами — те, у кого есть пара. Так что Манчи и Манчита — пара, Хуго и Мелинда — пара, а прочая скотина не в счет. Каждая пара старается, как всегда, угодить Юхану. И живется ему беззаботно. К нему проявляется исключительная чуткость! Иногда бывают нелады: выясняют, кто больше по хозяйству делает, ну а питаются, как обычно, — отдельно: одна пара накрывает на столе в кухне только для себя, но обязательно приглашает и Юхана; потом другая накрывает — тоже приглашает Юхана. Если же

несут еду в свои спальни, тут Юхана, конечно, не зовут. Одним словом, дружно живут...

Конечно, и Хуго и Манчи, и Эдгар и Алфред, и отсутствующие сестры — все считаются наследниками Юхана, но реальными являются — и это тоже понимали все — только те, кто проживает на хуторе.

Алфреда не занимала эта борьба за наследство, которого к тому же надо было еще дожидаться... Алфреда занимала только одна мысль: скоро ли конец войне? Из газеты, которую читал Юхан, он узнал, как английская авиация совершала свой тридцать четвертый налет на Берлин самолетами типа «москито», американские же войска вышли к Франкфурту-на-Майне, и, видит Бог, нацистскому героическому сопротивлению приближался конец, если, конечно, можно верить газете. Состояние нацистского режима красноречиво проиллюстрировала карикатура: «Гитлер после очередного удара» сидел, потрясенный, в нелепой позе, перед картой Германии, где от Германии оставался маленький кусочек.

Отобрав самое нужное из инструментов, Алфред отправился обратно. Ночью, если напрямик через Брюквваозеро и деревнями, не заходя за продуктами, — Вальве сходит потом через Кишмялягушки, — то за три часа он успеет в Прятки. Попрощавшись с отцом, он ушел из родного дома, а сердце больно защемило, оттого что не удалось застать Короля.

Погода, как по заказу, заснежилась; метель не метель, но сыпало белой пылью. Он шел, широко шагая, собаки во дворах рычали, тявкали, скулили, людей же — никого. После встречи с Рууди он уже никого особенно и не опасался. Шел легко и быстро, фантазируя, как заживет, если получится еще раз выкрутиться из ситуации, как он все устроит по-новому: уйдет из города, станет жить в деревне, будет и столаром и земледельцем, чтобы на все случаи.

До Кишмялягушки Алфред прошел скорее, чем рассчитывал. Добрался уже перед рассветом. Отсюда тоже можно было сократить путь, пробираясь по заснеженным пастбищам. Он почти миновал поселок, когда его властно окликнули, велели остановиться, подойти. Заметил поодаль силуэты людей и сообразил: эти не из компании Рууди; кинулся бежать. Все еще сыпало снежной мукой, в темноте его следы на снегу обнаружить не так-то просто. К утру, если не настигнут, все уже заметет-занесет. Сзади продолжали кричать: похоже, за ним гнались.

Постепенно голоса догоняющих затихли. С часик он плутал по лесочкам и пастбищам, путая следы, уже недалеко оставалось до Прятки, как резанула острая, обжигающая боль в правой ноге, что-то вцепилось в большой палец, хотелось освободить ногу — дернуло болью. Ощупав руками, наткнулся на металлическую пружину — капкан!

Он знал, такие ставили на лис. Вроде и не очень сильный... Наверное, уже давно поставили. И ждал-ждался этот капкан... Однако ботинок из свиной кожи пробил играючи. С трудом, поранив руку обо что-то режущее, удалось высвободить ногу. Она от боли онемела. Взятые на Сааре инструменты в мешке уронил, поднимать не стал. Идти было неудобно, на правую ногу едва можно было опереться. Слава Богу, из темноты выступили силуэты домов — добрался до Прятки.

Постучал в окно, и Вальве открыла ему дверь. Он сразу похромал на кухню. Вальве зажгла керосиновую лампу и увидела на полу расплывшиеся кровавые следы. Алфред крикнул ей, чтобы разорвала простыню, принесла йод. Он стал снимать ботинок — снялся легко. Нога от боли настолько онемела, что стала бесчувственной. Стянул и носок и устался на палец: насквозь прокусанный, он едва держался. Может, все

же на волка капкан? Откуда на острове волки? Здесь их нет. На кабана, может?..

Он ужаснулся от мысли, что возможно заражение крови, гниение, гангрена — черт знает что! Подойдя к чурбаку у плиты, недолго смотрел на истекающую кровью ногу, схватил воткнутый в пень топор и легким ударом отсек палец напрочь. Вошла Вальве с тряпками и йодом, вскрикнула в ужасе, увидев палец на полу у пня.

— Иглу! И ниток принеси и вдень нитку-то! Самогону...

Сделав жгут, он сильно перетянул ногу у шиколотки, чтобы остановить кровотечение. Обработав рану и кость йодом, быстро, постанывая, скрипя зубами, стал зашивать-натягивать кожу. Забинтовав простыней, похромал к кровати. Вальве принялась убирать следы этой необычной хирургической операции.

Последующие дни превратились для Алфреда в кошмар: нога распухла, боль не давала спать. Земляника ходила к беззубым соседям, достала еще немного йоду, даже нашатырного спирта. Промывала рану.

Дня через три острая боль отпустила, опухоль же не убыла, но Алфред наконец заснул.

Таким образом, и для Алфреда не обошлось без кровавых следов. В результате он валялся в жару на хуторе Куриный Нос в деревне Прятки, а Король...

ГЛАВА X

Король на хуторе Большой Ару лежал на кровати вниз животом в той комнатке, которая рядом со спальней Энды. Свесив голову почти под кровать, он следил за крысами: они возникали осторожно, бесшумно, хотя в то же время нахально, как и свойственно крысино-

му роду, они словно материализовались вдруг из ничего. Не было, не было их, и вот — крадутся, перебегают по полу от предмета к предмету, от ножки кровати — к ножке стола, потом резко опростелью кидаются обратно, царапая когтями пол, то ли испугавшись чего-то, то ли просто так, на всякий случай. Затем все сначала: крадутся, крадутся, обнюхивая предметы на пути, и опять назад...

Который уже день находился Король в постели? Он не знал. Он не считал дней. Он следил за крысами. К нему заходили люди — он не обращал на них внимания. Роози, Сальме, Хельви, Эндель, Яан заходили, чтобы привлечь к себе высочайшее внимание, но Король недосыгаем. Больше других старалась старшая дочь Зайцевых, Энда, которая по вечерам разговаривала с ним через забитую гвоздями дверь между их комнатами, но ему все равно, и Энда говорила как будто с дверью. Он слышал, как Энда раздевалась, даже знал значение каждого шороха — ему все равно. Король смотрел на крыс.

Когда какая-нибудь подкрадывалась совсем близко, он мог посмотреть ей в глаза. И они смотрели друг другу в глаза, Король и крыса, не мигая, как бывало, он соревновался в этом со Свенном: кто раньше моргнет или отвернется. Крыса не отворачивала своего взгляда, она смотрела не моргая, затем, не считаясь с королевским взглядом, продолжала свое дело. А Королю представлялись те глаза, которые он видел когда-то в ателье Калитко. Потом у него мучительно болела голова и вместе с головными болями появлялась Энда, клала ему на затылок горячее влажное полотенце, гладила его лоб до тех пор, пока он не засыпал.

Он не мог долго спать. Едва закрывались глаза, появлялись сверчки и цыркали, цыркали, он просыпался и опять видел глаза, а голос Калитко говорил,

что в будущем станет в мире их столько — от них невозможно будет укрыться; днем и ночью они повсюду за всеми следят; а сам глаз, говорил голос Калитко, сам зрачок... нехороший, он и свиреп, и холоден, и немолчим; отдели глаз от лица и смотри в него — невыразительный он, какого бы цвета ни был; но глаз, то есть зрачок, есть окно внутрь неведомого мироздания, живого организма, и то, что внутри, через это «окно» возможно увидеть. Но что там у крысы внутри? Какое у крысы внутри мироздание? Королю не удалось это рассмотреть...

Тогда он заплакал: хотелось видеть, что внутри у крысы, а не мог. Ему словно явственно слышалось, как голос Калитко объяснял, что все глаза в мире есть на самом деле проход в космическое пространство. Он плакал, подходила Энда, гладила его лоб, прижималась к горячему лицу Короля своим и шептала: «Успокойся, все уже прошло, уже этого нет, ничего такого нет, все прошло, прошло — ушло, ушло, ушло...» И удивительно, он действительно больше не видел глаз, и красных следов на снегу больше не видел, и непонятное страшное беспокойство постепенно отпустило. Энда каждую свободную минуту проводила у постели Короля, и как будто на всю жизнь в его памяти запечатлелся ее шепот: «...прошло, прошло — ушло, ушло...»

Ушло не ушло, но Король не ел. Он понемногу успокоился, однако стал ко всему безучастен, в том числе и к еде. Ему нравилось, когда его гладила Энда — кому не понравится! Он слушал ее рассказы про корову и лошадь и про другую живность на Большом Ару, в частности про жирного и ленивого кота, который наотрез отказывался заниматься крысами, предпочитая молоко, даже овсяную кашу. На еду Король никак не реагировал. Ежели человек или какая-нибудь скотинка не ест, то врач, ветеринар и вообще лю-

бой скажет, что он болен. Сколько ни приносила старая хозяйка ему еду, он не мог заставить себя проглотить и ложки молочного супа.

Ему, естественно, избегали напоминать даже намеками про Малый Ару и о том, когда и куда увезли тела убитых. Никто ни о чем его не расспрашивал. Будучи в горячке, он сам о многом рассказал. С ним вели себя так, словно и не существовало на свете никогда Малого Ару.

А старого болтуна Зайцева к нему сперва даже не пускали, хотя его голос не раз слышался за дверью, когда он делал попытки прорвать линию обороны; доходили обрывки его гневных фраз: «...что я — дурак? Я ему про друго...»

Все же старый Зайцев наконец прорвался и начал по-своему воздействовать на нервную систему Люксембургского Короля. Осведомившись о порядках во дворце Его Величества в его королевстве, он особенно интересовался, из каких и какого количества блюд обычно состоит обед коронованных особ. Одним словом, старик допытывался, хорошо ли кормят королей. Видя, что этот вопрос не занимает Его Величество в данную минуту, что он все косит глаза под кровать, заглянул туда и Зайцев. Но в те минуты, когда в комнате бывали посторонние, крысы не появлялись. И тогда старый Зайцев решил продемонстрировать — в который раз! — свою эрудицию: выяснилось, что он, если и не знал про обычаи во дворце люксембургских королей, тем не менее какое-то представление относительно питания монархов имел.

— Я тебе еще не рассказывал, как ели при Катерине? Да, конечно... Это я тебе говорил про Лукулла Лукулловича, а про Потемкина и... Так вот у Катьки это называлось «выносы». Слуги выносили еду... Блюда называются, понимаешь? — Старый Зайцев, худой и черный, хотя вообще-то он черным не был, такое

впечатление создавалось из-за густой щетины на небритом подбородке, на Короля смотрели добрые, с хитрецей, карие глаза. Король, конечно, слушал. Он поглядывал на Зайцева, даже силился улыбнуться, но понимал ли? Трудно сказать.— Сначала супы подавались и двадцать пять видов закусок, потом шли тридцать пять вариантов блюд не очень вкусных... так себе, всякое разное. Затем несли особые супы, а чем особые?.. Кто ж их знает? Затем рыбные блюда, после них жареные куры, опять тридцать блюд всякого разного, потом сладкие блюда.

Король, оказывается, уснул, но сверчки ему не показались, не было и мохнатеньких. Он видел во сне жареные, дымящиеся куры, но они не вызвали никаких эмоций. Пока он спал, Зайцев, выразительно рассказывая, сам вытирая время от времени слюни загоревшими с лета черными и немывыми руками, которые, в свою очередь, вытирал о старые залатанные брюки. Он описывал сладкие блюда — Король просыпался и продолжал слушать, иногда ему казалось, что его вырвет, тогда приходила Энда, и старого болтуна прогоняли. Но Король не ел.

Когда старый Зайцев в другой раз прорвал оборону королевского покоя, он продолжал, словно и не прерывался:

— А граф Строганов,— Зайцев с опаской поглядывал на дверь,— спасибо ему, что дают в городских столовых бефстроганов.

Его Величеству не приходилось есть бефстроганов. Но и это его не волновало, он даже не спросил, что это такое.

— У графа жрали, лежа на кушетках, как у римлян. Сидя нельзя, только лежа на кушетках или... валяясь в кровати. Тоже присутствовали перышки, как положено.

— Разве перышками едят? — впервые оживился

Король. Он же не дурак, чтобы не знать, какими приборами пользуются во время еды; он знал, что китайцы палочками едят, поскольку отсталый народ, бедный к тому же: на палочку-то много не подцепишь, экономно. Но перышки...

— А перышки, чтоб рвало — горло щекотать. Я же рассказывал. Разве не помнишь? У князя Потемкина, слышь, работали десять главных поваров, им подчинялись двести сорок поварят. Однажды Катя, царица значит, сказала, что больше всего обожает вареное мясо с солеными огурцами. Потемкин тут же велел поварам изобрести чудо-блюдо: из соленых огурцов вынули мякоть, кожуру набили особой смесью из орехов, перца, добавили ароматных корней и мясного фарша из языков северных оленей. Катька буквально обожралась.

Королю показалось, что он мог бы отведать языка северного оленя, но где ему здесь взяться, этому языку?

— А у Строганова! Здесь угощали так угощали! Печеными оленьими губами и медвежьими лапами... тоже печеными, еще печеночками кукушки и налимовыми сердцами,— старый Зайцев зачмокал от удовольствия, словно он все это сейчас ел, глаза блестели.— Русские римляне еще в баню ходили после щекотания горла... Золотыми тазами там не пользовались — рвали просто в ведро. А после жрали прессованную, как шоколад, черную и красную икру.

— А шоколад? — у Короля начинало играть воображение.

— А как же! Но у них еще вот какая штукавина: посредине стола стоял большой стеклянный сосуд со спиртом, а в нем плавала человеческая голова. Когда Строганов с этой головой чокался... это когда «прозит» кричат, понимаешь? Но он говорил не «прозит», а «моменто мури» или «моменто мари», только с этого

момента у них и начиналось жрание. Потом перед ними танцевали голые рабыни...

— Почему голые? — Король искренне удивился. Про крыс уж совсем забыл.

Вопрос Короля озадачил старого крестьянина. Действительно, почему? Зачесался старый болтун, как его любовно величала дочь, очень он обрадовался ее появлению, хотя ему и хотелось еще рассказать о том, как наращивается у налима печенка. Энда вошла и крикнула:

— Ах, ты опять!

Зайцев виновато, но весело убежал — увернулся от необходимости отвечать. С королями, соображал Зайцев, шутки плохи. Прежде чем ляпнуть, надобно покумекать.

Королю принесли еду. Не олени языки и не медвежьи печеные лапы — обыкновенные блинчики и молоко. Но Король на сей раз, ко всеобщей радости, отнесся к еде с вниманием. На такое чудо прибежали смотреть все: Роози, Сальме, Хельви, Эндель, Яан и конечно же Энда; говорят, обрадовались корова, лошадь и жирный кот, который не питался крысами, — Король Люксембурга поел!..

Лошадь запрягли утром пораньше, причем в сани, а не в розвальни, положили набитые соломой мешки, чтоб помягче сиделось, и старые одеяла, чтобы теплее укутаться. Королю подали одеться: новые шерстяные носки домашней вязки — Роози постаралась. Ей столько же лет, сколько и Королю, когда-то они вместе ходили в первый класс у Брюкваозера. Его теплые белье и свитер были выстираны и пахли свежестью. Да, но каким образом очутились на Большом Ару его ботинки? Не сами же.. Ну что за глупости! Никто даже не сомневался, что короли ботинки носят на но-

гах, — как же иначе! А пальто? То же самое: никому же никогда в нормальном состоянии и в голову не придет, что короли могут выйти на улицу зимою без верхней одежды... А кто посмел бы предположить, будто Король Люксембурга может иногда быть в ненормальном состоянии?!

Когда Энда и Король уселись рядышком в сани, вся семья их окружила, все заигрывали с Королем, даже некоторые осмелились подразнить Его Величество пустяковыми нападками на его якобы совершенно невеличественный вид. Девочки поровили щекотать — неслыханное бесстыдство! Единственно хуторские крысы не проявляли никаких чувств в связи с отъездом королевского величества.

Все перечисленные хитрости и маневры нужны были для того, чтобы отвлечь внимание Короля от маленького соседнего хутора, дабы не воскресли в его памяти картины случившегося. Потому-то все они с шумом и смехом провожали королевский выезд аж до самой развилки и дальше до Вальялаской дороги. Здесь отстали, махали вслед платками, и Энда с Королем продолжали путь.

Скоро они миновали и Звенинога, но Короля не тянуло на Сааре: он понимал, что там вернутся те кошмарные картины, которые вовсе не забыл, на Ару о них не было нужды говорить и даже думать. Он не хотел об этом рассказывать, это означало также и думать... Думать же о таком!.. Когда одни неизвестные люди идут к другим — добрым, хорошим — и убивают их просто так, проще не бывает; такие думы слишком мучительны для того, кто признает в жизни только любовь.

Король бездумно созерцал дорогу, ему было жаль покидать Ару, где он только что жил рядом с Эндой, где они переговаривались вечерами через забитую дверь, когда ей нужно было удостовериться, что с ним

все в порядке, что ему не страшно, что он в состоянии уснуть.

Король не знал, как похоронили Мартина и Эха, куда подевались их овцы, корова, поросенок, куры... Мелькнуло беспокойство: что будет с Антсом, когда вернется с войны? Он, конечно, может жениться на Сесси и жить на Сааре...

Когда сани скользили уже мимо деревни Рэо, Король вдруг почувствовал, как щека Энды нежно прижалась к его щеке. Не выпуская вожжи, она и сама к нему прижалась да осталась сидеть так — щека к щеке, Король боялся шевельнуться и растерялся. Неподвижный, словно парализованный, он ощутил, как Энда мелко задрожала, будто ей холодно, хотя холода Король не чувствовал — погода стояла теплая да и укутались они в одеяла надежно, к тому же Энда стала странно дышать. Если она все время щебетала, теперь затихла. Ее учащенное дыхание и дрожь передались Королю; он, не понимая происходящего, тоже начал мелко дрожать и прерывисто дышать, неведомое волнение внезапно овладело им. В ответном бессознательном порыве он прижимался к щечке Энды, а перед глазами вдруг возникла Хелли Мартенс и ее строгий взгляд правдивых глаз.

Король отстранился от Энды, а та в смущении сильно хлестнула лошадь, которая от боли рванула с такой скоростью, на какую была способна. Королю стало невыносимо грустно. Он молча наблюдал, как с проселочной дороги вывернули чьи-то сани и сидящую в них, укутанную в большой белый шерстяной платок возницу; сани с черной лошадью обогнали их, из-под копыт лошади летели грязные комья снега. Было покойно рядом с Эндой, ему подумалось или ощущалось, что он как бы и не жил иначе, а всегда так, рядом с Эндой. А может, он действительно любит теперь ее? Может, с Марви было ошибкой, как до этого он оши-

бался с Эльной? Вдруг то ли с серого неба, то ли из сугроба рядом с дорогой — перед их лошадьё на шоссе возникла серая ворона, чтоб не оказаться под копытами,— отлетела, гневно кра-акнула, затем долго их преследовала, не переставая каркать. Ворона вернула мысли Его Величества к Францу. Может, это он и был? Тут же он, конечно, вспомнил и Калитку, и Лиллан, и прежде всего Ивана. Вспомнил он и о подарке Ивана, который всегда носил в нагрудном кармане рубашки под свитером... Рука с сомнением и тревожно ощупывала карман. Все-таки не так просто сразу перевлюбиться, ведь он столько времени носил это фото у сердца. Да, но его рубашечку постирали!.. Нет, фото оказалось на месте.

Они продолжали путь как ни в чем не бывало. А что! Не было же ничего такого, что бы они могли объяснить даже самим себе. А то, что имело место,— то любовь ко всему в жизни, даже к лошади, хотя и досталось немного ей из-за этой любви. Они всего лишь юные живые существа.

В городе Энда направила лошадь к аптеке: ее отправили в город за лекарствами. Во время болезни Короля на Большом Ару сообразили, что в доме необходимо держать хоть какие-то лекарства, тем более когда столько детей. Заодно и Его Величество будет доставлен домой: люди на Большом Ару не были осведомлены о сложностях бытия семьи Рихардов, Алфреда здесь не поминали как фельдфебеля, его знали как искусного мастера, о чем известно и в городе, и в деревнях. Хороший мастер везде запомнится.

Король неловко пожал Энде руку, выскочил из сани и побежал на Кривую улицу в ателье Жоржа Калитку. Он опять... то есть уже опять начал привыкать к своему обычному полету. И буквально налетел на Марви, идущую навстречу... с Виктором Трейманом!

Королю с трудом удалось изобразить равнодушие,

он сумел даже довольно выразительно зевнуть именно тогда, когда, коснувшись случайно руками, они миновали друг друга на узком тротуаре.

Трейман! Кто бы подумал! Он даже Короля не узнал... Словно они никогда не испытывали друг друга на прочность с помощью кулаков! Причем Королю как-то пришлось даже прибегнуть к подвернувшейся под руку табуретке. Теперь же полное неузнавание. Но запомнился удивленный взгляд Марви, вызванный, очевидно, невоспитанностью Его Величества: он с нею не поздоровался.

Нет, как хотите, а все женщины не стоят того, чтобы хранить их фотографии в нагрудных карманах, а еще прижимаются щечкой!.. Но ведь та, которая прижималась, она же его буквально с того света вырвала своими нежными пальцами, гладившими его горячую голову. А ее лобик, прижатый к его пылающему лбу? Так что не в одной щеке дело... Не пора ли в таком случае перевлюбиться Его Величеству и выбросить эту фотографию из нагрудного кармана?

Нет, если даже все женщины вероломны, лично он не какой-нибудь Виктор Трейман и у каждой юбки не трется. Он способен на постоянство, а если они все одинаковы, то и смысла нет что-то выбрасывать — разве другая лучше? Если к тому же учесть, что Энда — может, она и верная душа — все же ужасно стара, ведь ей уже наверняка все четырнадцать. Нельзя выбрасывать и потому, что у него нет фотографии Ивана, который это фото для него раздобыл: Король сохранит фото Марви, как память о товарище.

Забежав во двор дома на Кривой улице, он удивился: дверь на веранду оказалась не только запертой, но и забитой доской. Королю эту задачу решить не под силу. Он подошел к окнам и удостоверился в том, что в ателье нет признаков жизни. На крыльцо намело сугроб снега, значит, дверь давно не открыва-

лась; тропинку от крыльца до сарая, которую всегда очищали, теперь замело. Значит, в доме не топили? Куда же подевались Жора с Иваном?

Король вылетел со двора и направил свои ноги на Малую Гавань, чтобы нанести визит Землянике, узнать про Алфреда. Почему-то хотелось повидать его. С Иваном встретиться крайне важно, но желание увидеть Алфреда пересилило.

Влетел в подъезд, наверх — желтая дверь на стук не открывалась. Он стучал долго — дверь молчала. Где еще можно узнать про Алфреда? Только в одном месте — в доме Эдгара. Туда и побежал — не добежал: на пути встретились Свен и Комсюк.

Король не любил Комсюка да и про Свена давно решил, что ни рыба, ни мясо — так Иван говаривал, он еще выяснял у Короля, как это звучит по-эстонски, и нашел, что по-эстонски это более звучно: «эй лиха, эй кала».

Если в немецкое время юмбу сильно важничали, представляясь людьми высшего класса, то эти двое подчеркивали свою значимость непонятными разговорами для Короля об особых делах государственной важности, как-то: об организациях, мероприятиях, заданиях, дисциплинах и так далее.

— А-а! — кивнул Свен небрежно. — Люкс!

— Все бегаешь? — Комсюк окинул Короля равнодушным взглядом. Они пошли дальше, о чем-то шепчась, но обернулись к Королю.

— Хочешь Джильи послушать? — предложил Свен, — есть отличные. Идем на Садовую, покрутим.

Свен знал, что еще в те дни, когда в Тори жил Вальдур, Король приходил к нему слушать пластинки, из которых обожал неаполитанские песни в исполнении Джильи; Король не понимал, о чем в них пелось, но все равно они ему нравились. Он тогда везде всех расспрашивал: нет ли пластинок с неаполитан-

скими песнями. Его чуть было не перекороновали Неаполитанским королем...

— Ну что, пошли? — позвал как-то вызывающе Комсюк.

Королю не хотелось с ними, у него на душе стало тревожно: все куда-то пропали, да еще Марви с Виктором Трейманом... И вообще у него с этими двумя не было внутреннего контакта. Вспомнилось также предупреждение Альберта: не нравятся «они» народу Тори — ни Свен, ни Комсюк, ни остальные из их компании. Королю было известно, как враждебно при немцах относился к русским отец Свена, который теперь, однако, с большим рвением руководит восстановлением тюрьмы. Он, этот «аметник»*, — архитектор.

Но больше всего не мог Король допустить, чтобы кто-нибудь заподозрил, будто он кого-то боится... Прямо ему такого подозрения здесь не высказали, но улыбка Свена показалась ехиденькой — с чего бы? Они думают, он откажется, побоится с ними идти... Он решительно пошел с ними, он — король!

— К приятелю по дороге заскочим на минутку, — объяснил Комсюк.

Пришли они на Новую улицу, прошли через двор небольшого дома и очутились во дворе другого, большого, двухэтажного, вошли в подъезд черного хода, поднялись на второй этаж... Король вспомнил: ведь в этом доме штаб истребительного батальона! Такой факт вызвал у него небольшое замешательство: какие у этих здесь друзья? Вошли в просторное помещение с двумя письменными столами, с телефоном на одном. У телефона сидел мужчина в военной форме без погон, за столом у стены без окон четверо мужчин в гражданской одежде играли в карты.

— Ты подожди, — сказали Королю приятели, — мы

* Чиновник (эст.).

сейчас вернемся,— они прошли в другую дверь. Король сел на стул, приготовился ждать. Тут же из двери, в которую вошли его спутники, вышел длинный и худой, как скелет, дядя и приказал Королю строго:

— Встань! Туда! — показал рукой.— В угол.

Король удивился, но встал. Опять показались Комсюк и Свен. Не посмотрев в сторону Короля, они направились к выходу. Король хотел к ним присоединиться, но человек у телефона грозно крикнул:

— Куда! Давай в угол!

Король застыл. Он не боялся, но осознал: его арестовали. И еще: его предали. Свен — предатель. И Комсюк. Ну тот ладно... А вот Свен — когда-то был его другом и вассалом! Королю еще не приходилось быть арестованным. Он не боялся, потому что знал: он никому не делал зла. Морского Козла избивал, в школе дрался, но Свена он никогда и пальцем не трогал. Почему же предательство? Что теперь с ним сделают? О том и спросил у человека при телефоне. Тот ответил:

— Ты, мальчик, стой. Начальство знает.

Четверо игравших в карты даже не взглянули на него, продолжали играть. Можно подумать, здесь каждый день задерживают королей.

Пришел русский офицер, взглянул на Короля, что-то спросил у человека при телефоне. Тот что-то ответил, офицер ушел. Скоро опять появился скелет, по взрослому представлению, молодой еще человек. Позвал Короля. Король последовал за ним в соседнюю комнату. Здесь Скелет устался на Короля примерно так, как недавно на Большом Ару Король сам смотрел в глаза крысе. Затем Скелет произнес:

— Ну?! — и ударил Его Величество кулаком в лицо. Ударил сильно. Король упал. Боязливо оглядываясь на ударившего, он встал, и Скелет рывкнул: — Здесь с тобой шутить не станут! Учти!

Затем он вывел подавленного Короля обратно в дежурку и опять поставил в угол. Скула и глаз Его Величества побаливали. Но он все равно не боялся. Другое дело, если бы видел, как бьют другого. Значит, если убивают тебя, это не страшно, но видеть, как убивают других,— страшно?..

С ним не разговаривали. Четверо по-прежнему резались в карты, у телефона скучал дежурный с красной повязкой на рукаве. Король стоял гордый, смотрел на мир с презрением.

Вошла молодая неуклюжая, некрасивая женщина. Увидев в углу Короля, она удивленно воскликнула:

— Ой, какой молоденький! Что он сделал-то?

Вероятно, здесь главным образом все задержанные простаивали в углу. Мужчины захохотали, ничего не объясняя. Одета женщина, по мнению Короля, неаккуратно: платье на ней висело, и вообще... Она вышла, скоро вернулась, принесла в большой эмалированной миске яблок, стала предлагать их Королю:

— Возьми, мальчик. Наверно, проголодался.

Король и ухом не повел. Он понял: ему предлагают яблоки, значит, сочувствуют, но он в этом не нуждался, ибо он — король. Он не таков, чтобы принимать подавание от всяких разных женщин. Он стоял не шелохнувшись. Игроки в карты надрывались от смеха, и это особенно злило Его Величество. Женщина попыталась засунуть яблоки Королю в карманы, они не влезали и падали на пол, покатались под стол. Король стоял, как статуя в музее, смотрел мимо всех, в окно.

Женщина вздохнула:

— Эх, ты...

И стала обиженно подбирать яблоки, положила их игрокам на стол и вышла.

День клонился к вечеру. Поменялся дежурный у телефона, ушли картежники — пришли новые, тоже

выразили в адрес Короля толику удивления, и все продолжалось, как прежде. Король боялся прихода Скелета. Но вместо него пришел человек в гражданском пиджаке, брюки галифе, хромовые сапоги. Он позвал Короля и повел его на первый этаж, здесь закрыл под замок в чулане с крохотным окошком. В этом маленьком пространстве не было даже табуретки. Король сел на пол, стоять он устал.

Происходящее казалось нереальным: его предали и побили! А недавно любили... Разве он только несколько часов тому назад не ехал с Эндой в санях? От стояния в углу он настолько устал, что скоро даже заснул в этом чулане.

Утром повели обратно в дежурку и опять поставили в угол. Вскоре, как он и опасался, пришел Скелет. Он сказал Королю следующее:

— Пойдешь домой... где ты там живешь, и скажешь отцу, чтобы пришел сюда, ему ничего не будет. Понял? Ну, повтори!

Король повторил:

— Пойду домой... где я там живу, и скажу Алфреду, чтобы пришел сюда, ему за это ничего не будет.

— Дурак! — рявкнул Скелет зло, открыл дверь на лестницу и приказал: — Убирайся, дерьмо!

Король убрался.

ГЛАВА XI

И для Земляники наступили тревожные дни: карты предсказали ей нечто такое, чему верить не хотелось. Разложила она их, и вышли четыре солдата — обман и вероломство! Повторно раскладывала — они ей обещали какую-то неожиданность. Но, спрашивается, какие могут быть в такое время приятные неожиданности? Затем у нее вышли четыре девятки и воз-

ник вопрос: какого ей ждать еще и удивления?! Наконец испереживавшись, основательно сосредоточившись, она снова раскладывает карты, а выходят червовая семерка — пять острых концов вверх, крестовая восьмерка — пять «ножек» вниз, в результате — на тебе! — слезы из-за любовного страдания. Опять! Такому не поверит ни одна гадальщица, потому что такого быть не должно.

В доме теперь больной, забот в этой связи — не оберешься. Надо было достать йоду и другие перевязочные материалы. А ведь про капкан карты ее даже не предупредили, словно воды в рот набрали. Но где все это взять? На аптеку в Кишмялягушки у нее надежд никаких, она не знакома с Херминой. В близлежащих усадьбах уже собрано. Зато по соседству у беззубых стариков объявилась восемнадцатилетняя черноволосая внучка, якобы помогающая старикам. Она охотно вызвалась сходить в Кишмялягушки, уверяла, что есть у нее там знакомая в аптеке. И сходила. Достала бинты и йод эта Эсмеральда.

Господи! Какие имена дают! Землянику коробило от одного его звучания. Принесла Эсмеральда и спирта нашатырного, хотя никто не собирался здесь падать в обморок; еще перекись водорода, но главное — с большим умением принялась делать Алфреду перевязку, которая у Земляники действительно не получалась: не лежало у нее сердце к этому — она не переносила крови, а всевозможные нагноения просто не в состоянии даже видеть. Землянику глубоко оскорбляло то, как Эсмеральда при этом смотрела на Алфреда! Причем и Алфред как-то не так смотрел на нее — Эсмеральду чертову! Собственно, нагноения почти прошли, и палец затягивало. А тут еще заехал дядя Земляники, их доверенное лицо, и сообщил, что ее мама довольно серьезно заболела, повелевает дочери срочно приехать в Карула.

Мать Земляники, женщина волевая, воспитывала свою дочь до того строго, что та при первой возможности выскочила замуж за городского домовладельца и поселилась в Журавлях. Муж потом «объелся груш», но эта история уже не касается ее матери. Тем не менее теперь, когда такая обстановка, когда Алфред болен, когда карты черт знают что говорят, когда эта Эсмеральда, которую старики зовут просто Ральда, даже Ралья, одним словом Краля, любезно согласилась присмотреть за больным... Тем не менее ехать придется, к тому же у дяди экипаж, а то ведь пешком топтать надо — тоже несладко.

Алфред напутствовал, чтобы она заодно сало припасла, кончается, мол, и газет, если удастся, чтоб раздобыла.

Каков молодец! Она еще должна для них сала доставать... Конечно, Алфред в сравнении с Кралей уже старый хрыч, она ему в дочери годится, но нет же совсем мужчин из-за войны... Все-таки плохо, что только мужчин направляют на фронт, многое в природе из-за этого нарушается. А ехать-идти в Карула надо. Ну что за напасть! Как начнут болеть — все сразу.

Вальве и с экипажем не повезло: дядя, оказывается, и не думал ехать в Карула, ему через Кишмялягушки до Черной Ноги по делу, довез он ее только до удобного места — до поворота дороги в направлении Карула, здесь и расстались. Дальше она шагала пешком. Потом подвернулись попутные сани, и приличный кусок дороги она выслушивала жалобы одинокой краснощекой крестьянки, которой ох как трудно без мужика во всех отношениях! Ох, уж эти бабы! Потом несколько километров опять пешком, почти тем же маршрутом, каким шел Алфред, когда попал в капкан. Ох, этот капкан! Потом попросилась в попутчицы к одинокому крестьянину, который сразу же принялся жаловаться, как ему трудно без бабы... во всех отноше-

ниях. На войну его почему-то не взяли, но он уверял, что вообще-то он мужчина, каких мало, и оказался не дурак приставать к Землянике; если бы и у нее было соответствующее настроение, грехопадение могло бы состояться тут же в саях где-нибудь меж сугробов. Ох, уж эти мужики!

Как и следовало ожидать, ничего страшного с ее матерью не случилось. Захворала? Так ведь все хворают. Эта крепкая крестьянка редко в жизни болела, вернее не болела никогда, а тут вдруг... Испугалась немного с непривычки, подумала, что конец приходит. А всего-то и болезни, что тут «ах» и там «ох» да еще нагнуться — прямо «ой-ой-ой», но нагибаться надо: попробуй выгрести из-под скотины навоз или постелить солому, совсем не нагибаясь! Даже плиту растопить и то... А петухи подерутся? С поросятами повозиться? Нагибаться неизбежно надо, если делать работу на хуторе, а делать ее тоже надо, если хочешь, чтобы было чем питаться. Так что, Земляничка-Ягодка, хватит пасьянсы раскладывать, хватай вилы и кидай навоз, корми свиней, тем более что Алфред... с Кралей попросили принести сало. Нагибайся, Земляника, пока твоя мама не выпрямится, и моли Бога, чтобы выпрямилась...

Ее страхи относительно Крали и Алфреда ничем не были обоснованы, кроме предсказания карт, только подозрение: мало ли что может там произойти, пока она здесь занята навозом. Вот тебе и страданья любовные! Следовательно, карты бывают правы. С Йентсом все в порядке — образцовый мальчик: коленки целы, уроки сделаны.

Пришлось Землянике остаться в Каруле, дожидаться, когда мать поправится. Только одно и было утешение: не видали еще на Островной Земле хозяек, способных проваляться в постели за здорово живешь больше двух-трех деньков, да и это многовато.

На третий день пребывания Вальве в Карула появился к ней гость. В немецкое время она видела его с Алфредом. Тоже самооборонец — Сула, тоже фельдфебелем был, тоже наверняка где-то скрывается. Не по душе пришелся ей этот визит, неприятен гость. Она вспомнила: Алфред в разговорах с нею не жаловал этого человека добрым словом, хотя из скупой информации она уловила, что Сула человек серьезный и вполне самостоятельный, до мозга костей патриот, спит и видит, чтобы хоть с помощью черта освободить Страну у Моря от всех существующих в мире «освободителей»; тоже, мол, крутился, как и Алфред, но надеялся, если немцы выгонят из республики русских, потом с помощью Бога со временем избавятся и от немцев — мечта этого народа уже тысячи лет!

Постучался, вошел — «здравствуйте». Она не сразу его узнала. Йентс в школе, Вальве готовила свиньям болтушку. Пустяковое дело, но если долго со свиньями не общаешься, то и забудешь, как и чем их кормить. Сула спросил про Алфреда. Как же, как же! Сейчас она прямо и скажет-выложит первому встречному, где и кем занят в данную минуту Алфред — не скажет даже в том случае, если этому инвалиду каким-то образом удалось-таки прижаться к Крале-Эсмерале. Она, конечно, вспомнила этого Сула. Ну и что?! Пристесь — пожалуйста. Издалека ли идет? Как не спросишь, когда на Острове так принято. Предложила перекусить вареной картошки, поджаренной с салом. В ресторанах, она это знала, такое поджаренное сало эскалопом называется.

Сула не отказался от угощения. Насчет того, откуда пришел... Как же, как же, так и скажет этой вертлявой бабе... И что только нашел в ней Рихард?

Земляника же повела речь о том, что военные события закружили-закрутили их с Алфредом и раскидали, так что ей и неведомо, где он теперь может на-

ходиться. Она прикинула: Алфред, наверно, не скажет спасибо, если она откроет Сула его адрес. Насколько она понимала из рассказанного Алфредом, Сула как будто помогал немцам расстреливать арестованных после покушения на Гитлера. Ведь тогда же расстреляли и Сесси — сестру Алфреда.

— Мне бы отыскать его как-нибудь,— объяснил Сула, жуя эскалоп, попросту говоря, шкварки. Он, видно, не поверил, что эта вертлявая баба не знает про место нахождения Алфреда.— Конечно,— признался он ей,— болтать в теперешнее время неумно, но известно, что Алфред остался на Острове... Земля слухами... Я не стану допытываться, понятное дело. Но если удастся его случайно встретить, передала бы привет. Однажды я ему все-таки помог... Может, и он не забыл.

Сула высказал соображение, если фельдфебель Рихард задумает с ним встретиться, то надобно ему прибыть сюда, в Карула. А он, Сула, о том непременно сразу узнает, ему скажут, дадут знать: есть в округе люди. И Вальве подумала: как же верно угадал Алфред, что в Карула ему небезопасно. Ведь если в округе присутствуют одни «наблюдатели», то могут быть и другие.

Она согласилась с готовностью — конечно-конечно, если случится, передаст Алфреду непременно, она понимает, наверно, Сула желательно посоветоваться с ним относительно жизни за морем, где-нибудь на Скандинавском полуострове? А почему бы нет! Она сама бы с удовольствием, но куда пойдешь с больной матерью и ребенком школьного возраста...

— Зачем! — восклицал Сула.— Зачем Алфреду за море?! — запротестовал он, к удивлению Вальве.— Эстонцам здесь дело надо делать. Эти... они здесь не вечно... — произнес он с ударением, и было ясно, кто эти «они». — На Большой Земле остались опытные

бойцы. Многие в лесах еще в сороковом боролись с ними, задолго до прихода немцев. Многие из них и немцев в лесах били. Сейчас немало людей подались за море, но на Мокрой Земле, в лесах Черный Андрес, майор собирает всех, кто остался. Выбраться с Острова на Большую землю все-таки проще, чем за море. Да и нужнее.

На прощание Сула предупредил:

— Сейчас вроде и не трогают никого, чтобы опровергнуть немецкую пропаганду. Кончится война, начнут вывозить народ, как раньше. Им же надо, чтобы на наших берегах поселились их люди. Так-то для них спокойнее*.

После его ухода долго одолевали Землянику мысли про дальнейшие перспективы жизни, а они не представлялись радужными.

Дней пять понадобилось все-таки матери Вальве, чтобы выпрямиться, видно, в природе так: кто редко болеет, если уж заболит, так основательно. А пять дней... Это, конечно, многовато для шестидесятилетнего человека. Земляника могла наконец отправиться обратно в Прятки. Сула больше не показывался, но Вальве не сомневалась: про ее уход из Карула ему станет известно. Она спешила к Алфреду, даже забыла захватить сала, но газеты кое-какие раздобыла.

В деревню Прятки спешили также два друга — Король и Маленький Иван. Скелет оскорбил Короля, обозвал дерьмом. Это настолько низко, что даже не задевало гордости Его Величества — он не умел ни чувствовать, ни думать на столь низком уровне, попросту даже не понял, что его оскорбили. Его выгнали из Штаба истребительного батальона, и против

* Это предсказание сбылось в 1949 году. (Прим. автора.)

этого у него не было основания возражать. Распухла губа, и глаз лиловел, но ведь и он теперь может сказать, что был в застенках НКВД. А в этих застенках не такое еще случается...

Выйдя из НКВД, он побежал сначала сам не зная куда. Потом остановился, принохался к южному ветру и направился опять на Кривую улицу; здесь то же самое, то есть закрыто и никаких следов. Отсюда он помчался опять на Малую Гавань — за желтой дверью по-прежнему глухо. Тогда побежал в Тори к Лилиан Вагнер: где еще искать следы Маленького Ивана, как не здесь. Опасливо подходил к воротам дома Вагнеров, боялся старого хозяина. Ему показалось, что у него для этого достаточно оснований: каждый кот в курсе, чье мясо съел...

Осторожно открыл калитку, словно боясь злой собаки, хотя здесь собаки не держали, вошел во двор, повернул за угол и, подняв ногу, замер: сам Вагнер, седой человек с морщинистым лицом, возился с какими-то инструментами у входа в дом. Услышав крадущиеся шаги, оглянулся, окинул Короля серыми глазами, а тот лихорадочно соображал: убежать или идти дальше?

Бежать все же недостойно. Король продолжал храбро идти к крыльцу дома, даже заставил себя вполне озвученно произнести «...ступайте». Вагнер не взглянул в сторону посетителя. Он озабоченно колдовал со своими инструментами. И Король юркнул в дверь коридора. Правда, у него мелькнула мысль спросить, дома ли Лилиан, но фраза эта показалась ему чересчур длинной. Однако в доме его ожидал страшный удар: дело даже не в том, что Лилиан и Иван сидели рядышком за столом, а в том, что на столе перед ними лежали... учебники. Иван что-то старательно выводил в тетради, Лилиан следила за его рукой.

Лилиан, взглянув, вскрикнула:

— Подрался?

— Нет,— ответил ошарашенный Величество и, чуть не заикаясь, спросил, показывая взглядом на тетради перед носом Ивана: — А это... что?

Иван виновато взглянул на друга, растерялся. Видя растерянность своего ученика, Лилиан ринулась в атаку:

— Ты по-русски не понимаешь, а он уже и эстонский выучил. А если он не захочет поговорить с тобой по-эстонски, как тогда?

— Почему не захочет? — такое Королю показалось абсурдным.— Он же хочет.

Король знал, что именно благодаря стараниям Лилиан он может общаться с Иваном запросто на своем языке, сам же он «марсианский», как шутя все еще называл родной язык Ивана, понимал плохо. Запомнились многие обороты его речи, особенно те, которые Иван, бывало, произносил, разозлившись на что-нибудь.

— Несправедливо! — не отступала Лилиан.— Ему же приятно, когда и ты умеешь на его языке, если вы друзья... А в школе? Как он будет учиться, если не знает нашего языка?

Короля парализовало: не ослышался ли он? Где? Когда? Что?! В школе?!

— В какой еще школе? — Кругом сплошное предательство.

— Чем плохо, если я и немецкий знаю, и эстонский, и скоро по-русски говорить смогу? — убеждала Лилиан, но Королю, честно признаться, не до возражений: у него болел глаз. Разве Иван пойдет в школу? Война ведь еще не кончилась... С какой стати ему туда вообще идти? Лилиан стала выпрашивать, кто побил Короля, откуда у него син... лиляк?

— У Калитко все время закрыто,— не отвечая Ли-

лиан, обратился он к Ивану.— Куда они все подевались?

Иван растерянно взглянул на свою учительницу, словно советуясь о чем-то. Он посерьезнел, а Лилиан смущенно замолкла. Потом Иван начал сбивчиво объяснять, что Калиткопил много гехатипата, у него что-то случилось с сердцем и его забрали в больницу, а там столько больных, что и посещать не разрешают... Король лишь потом узнал, что так объяснить случившееся научила Ивана эта маленькая мудрая принцесса — Лилиан, предвидя, что известие об убийстве Ирины и Калитко может губительно подействовать на Короля: так уж случилось, что все его сверстники из народа Тори знали, как тяжело заболел Король после увиденных в замке замученных людей в те дни, когда кончилось первое русское время. И Лилиан не забыла об этом.

Вот и получилось, что никто из них сразу не рассказал о том, чем мальчики обычно с огромным удовольствием ошарашивали один другого — о чем-нибудь потрясавшем, удивительном, страшном. Вообще-то, одно дело рассказать, совсем другое — все это еще раз пережить. А чтобы рассказать, как все было, — надо же в точности. Мальчики не могут без точности. Но в действительности ТАКОЕ их природе все-таки противоестественно, если, конечно, они не выросли в окружении лицемерия, обмана и жестокости, в окружении, которым принято смаковать все уродливое, противоестественное.

Синяк под глазом остался пока необъясненным. Король не был склонен удовлетворить законное любопытство своих друзей и, услышав из коридора топот и звон металла, говорившие о вероятном появлении старого Вагнера, поспешил распрощаться. Иван надел куртку и шапку, похлопал по карману, в точности так же, как делал Жора Калитко перед тем, как выйти из

дому проверяя, не забыл ли чего.— в данном случае это могла быть только трубка. Он смущенно простился с Лилиан, сказав:

— Скоро приду.

И они вышли под молчаливым серьезным взглядом девочки. Она смотрела им вслед задумчиво, даже немного грустно. О чем она думала, эта светловолосая красавица Лилиан?

А друзья, как-то само собой получилось, побежали в сторону дома Эдгара. На ходу, вернее на бегу, Король коротко обмолвился, что был в тюрьме. Король дал понять, что «там» его слегка избили... Он вдоволь наслушался в свое время рассказов взрослых о тех, кого в тюрьме били, и обычно про это говорилось в уважительно-сочувствующем тоне. Он не ошибся: Ивана такой факт тоже привел в восторг — человека били в тюрьме! Вот это да! И он, этот герой, ходит с ним рядом, его можно даже руками потрогать... Такое не каждому доступно. Насладившись произведенным эффектом, Король рассказал и о Свене с Комсюком.

— А ведь был моим офицером!

— Предатель — никакой не офицер.

Они как-то незаметно очутились у особняка Эдгара. Решили: Иван на улице покрутится, подождет. Король мигом про Алфреда узнает. Потом пойдут бить предателя.

— Разжаловать! — уточнил Король.— Когда предателя разжалуют, у него над головой разламывают шпагу, срывают пуговицы и погоны.

Иван считал, что это ерунда что-то ломать, отрывать.

— Палкой надо, и все. Можно и это... свингануть.

Король как-то рассказывал приятелю о войне народа Тори с народом юмбу, когда на острове было немецкое время, мотивируя эту войну следующими аргументами:

— С каждым человеком можно водиться, если он не воображает, а эти... Подумаешь, кортики! Если в мундирах, так что?.. Вот и свинганули их.

Решение прийти к Эдгару оказалось удачным уже потому, что сей родственник Люксембургского монарха его дождался, он даже обрадовался его приходу, расспросил о том, как ему живется-бегается, с кем проводит время, действительно ли работает по хуторам? Похвалил, что не избегает труда, сказал, что такой образ жизни Богу угоден.

Аида опять угостила сигом. Но Королю некогда было здесь есть: Иван заждался его на улице. Он попросил дать ему с собой и хлеба и сига. Эдгар сообщил, где искать Алфреда: будучи недавно на Сааре, он узнал от Юхана, что Алфред настойчиво ищет монарха, а старый Юхан не в состоянии отыскать столь подвижное существо. Эдгар объяснил, что от Кишмялягушки необходимо идти через лес Смотригора и дальше до деревни Прятки.

Король в подробном объяснении не нуждался, он изучил Островную Землю вдоль и поперек. Важнее другое: дадут ли сига с хлебом? Сига и хлеба Аида дала. Не так чтобы много, но слегка перекусить хватало. На том визит окончился. Он распростился с родственниками, выскочил вон, и тут же они с Иваном принялись за дело, то есть за сига.

— Сиг — это вещь! — объяснил Иван. Он признался, что еще никогда не ел сига.— Мы бычков ловили, да и то, когда председатель разрешал.

Королю трудно осмыслить, как может кто-то разрешать или запрещать ловить рыбу. Здесь море, например. Оно же ничейное, и всякий, кому охота, может ловить рыбу столько, сколько ему надо, то есть сколько поймает. Он рассказывал, как ходил с Алфредом угря брать, как варили чайкины яйца и ели... те, которые не вставали на острый конец.

Однако пришлось признаться, когда на острове было первый раз русское время, то все лодки закрывали под замок, поставили к ним солдата с винтовкой.

Ивану ловля рыбы по душе, он предложил летом пойти к реке, где нет солдата с винтовкой, и ловить каждый день столько, чтобы хватало и для Лилиан, и на продажу...

— Не каждый же день клюет,— засмеялся Король.

— Как не клюет? — возмутился Иван.— Почему? Рыба есть рыба,— объяснял он со знанием дела.— Она потому и рыба, что клюет. Кошка, например, не клюет на червяка, а вот на рыбу кошка каждый день клюет. Почему? Потому что кошка любит рыбу. А рыба любит червяка...

— Пойдем бить предателя? — спросил затем Иван. Но Король решил, что надо спешить к Алфреду. Предатель никуда не денется. И побежал к выходу из города. Увидев дерущихся собак, Королю вспомнилась «Истерия» Заморского с кусающимися коровами.

— Нет, вранье это,— заявил он Ивану на бегу,— коровы все-таки не кусаются. Собаки — да, но коровы... Еще пьяные... могут подраться. А про коров — вранье. С собаками как-то непонятно: чего бы им враждовать? Ну, разные породы, маленькие, лохматые или гладкие, но все равно же собаки; так нет чтобы мирно жить. Как завидят друг друга — драться! Чего это они?

Оторопевший Иван не знал, что и сказать: какие еще коровы! При чем тут собаки?.. Но они мчались из города вон...

Вдвоем бежалось легко. То бегом, то гуляючи шли. А идти километров тридцать. Надо пройти, как уже сказано, и через лес Смотригора, где в немецкое время людей убивали в ямах. Король присматривался ко всем встречным воронам — своего Франца искал. Их на острове достаточно, но эта ворона, конечно, от дру-

гих заметно отличалась. И хотя может показаться, что все вороны на одно... один клюв, у Франца все же имелся особенный, характерный клюв с насмешливым таким выражением, подобной вороны они не встречали. Франц, как убедился Король, мог вообще где-то выпорхнуть совершенно неожиданно, и тогда от него не так просто было избавиться.

— Давай врать! — предложил Король, когда, устав бежать, они шагали спокойно.

— Зачем? — удивился Иван, опасаясь подвоха: уж сколько отхватил из-за этого самого «врешь, наверно» колотушек от друга.

— Просто, — объяснил Король, — посмотрим, кто больше соврет. Сперва я совру, потом ты. Кто больше соврет — тот и победитель.

— Начинай, — согласился Иван.

И задумался Король: что бы такое соврать?

— В Индии жили люди ростом всего тридцать сантиметров, — сообщил наконец.

— Ты откуда знаешь? — не поверил Иван. — Такие не бывают. Лилипуты и те побольше.

— Эх, ты! Мы врем или не врем? Если хочешь знать, один грек* написал, что были на земле люди даже меньше — всего сантиметров двадцать. А говоришь: «зачем с книгами возишься?». Потому и вожусь.

— Чтоб врать научиться?

— Мне надо узнавать про жизнь, — Король не обиделся на ехидство Ивана, — а то Тайдемана нету и не у кого спросить. А в немецкое время я читал в газете, что в России один начальник заставлял работников столовой есть суп из тараканов; кто не хотел, того выгоняли с работы.

— Когда голодно, и тараканов слопаешь, — Иван не спорил.

* Гомер.

— Не от голода,— уточнял Король,— а в наказание за грязь, соображаешь?

— Курить охота,— Иван полез за трубкой. Закурил важно, держа, как всегда, в вытянутой руке трубку тремя пальцами. Он и Королю не забывал предложить затянуться, хотя знал, что тот на всю жизнь запомнил, как сопливился однажды в сарае Арви Килк.

— А знаешь, какая сила была у профессора черной магии Мутатекли? Например, кто-то хочет кого-то ударить, а он сделает так, что тот и руку поднять не может; другой захотел в кого-то выстрелить из револьвера — револьвер не стреляет; третий вздумал соврать — рот не открывается; даже ругаться невозможно — сразу из носа потекут сопли, и как тут ругаться, когда все время надо нос вытирать...

Иван заливался смехом и от смеха и дыма трубки засопливился, рассмешив этим Короля. Посмотрел бы нормальный человек со стороны: шагают по пустынной дороге два гаврика и хохочут. Иван привык к фантазиям друга, научился соответственно им держаться: охотно изображал доверие, чтобы получилось по правилам игры. К настроениям Короля нелегко было принаравливаться, они менялись неуловимо: он мог хохотать и рассказывать забавные истории, но внезапно тускнел лишь потому, что солнце как-то неожиданно осветило камешек или вершину сосны или случайно он услышал отрывок разговора прохожих. Иван же всегда охотно смеялся, но тоже при этом в его глазах застывало серьезное выражение. Могло создаться впечатление, что его карие глазенки никогда и не смеются...

Затем Король допек товарища расспросами про его прежнюю жизнь, и тот до того не хотел ни о чем рассказывать, до того запутался, что начал заикаться и голос от волнения стал хриплым. Король смутился и,

чтобы помочь Ивану выйти из неприятного состояния, заявил:

— Ты, наверно, грек?

Король правильно рассчитал. Иван сразу приобрел нормальный голос:

— Сам ты грек! — вскричал петушком и уже смеялся.

— Я читал в одной книге, — объяснил свою мысль Король, — что Иван — имя вовсе не русское, а греческое, но точно не знаю, о том в старших классах проходят...

Затем Король опять дал волю ногам своим. Засунув трубку в карман куртки, Иван бросился догонять. Бежали, бежали, устали и встали, и услышали непонятный звук: динь-динь, киль-киль. Звук быстро приближался, и Король разобрал: то звенят бубенцы.

Их догоняла черная лошадь, запряженная в лихие сани с высокой спинкой. Ай да спинка! То, что надо. Но бубенчики в такое время!..

— Тп-ру-у! — крикнул знакомый голос басовито. Лошадь ответила: «Рх-рх-рх...» — и встала.

— Э! Старые знакомые! — В санях сидел человек с шикарной седой бородой, укутавшись в овчинный тулуп. Сам Лоцман Счастья! Сам Ветер! Он громко и весело смеялся. Этой громкостью Ветер напоминал Заморского, у которого и смех и говор были всегда громкими. Иван уже стоял на полозьях сзади сиденья. Король же устроился на санях впереди, у лошадиного хвоста, здесь он много места не занимал. Они, конечно, известили Ветра, что их путь в сторону Кишмялягушки, и очень тактично выразили удивление по поводу бубенчиков.

— С бубенчиками лошади, наверно, веселее?

Лошадь пренебрежительно прошептала: «Пш-пш, пш-пш». Но Королю показалось, что думала она это

несерьезно, поскольку шепот раздался очень уж близко от места, где сидел он.

— Бубенчики ради торжественности,— объяснил Ветер важно.— Я же Лоцман Счастья. Нельзя без торжественности. Эхе-е!

«Эхе-е!» — повторило эхо.

А сани скользили по дороге уже в лесу Смотригора. Лес как лес, красивые прямые сосны, густые пышные ельники — исключительно красиво. Не сговариваясь, все замолчали. Только лошадь опять сказала: «Хр-р-р».

— Хе-хее, место так себе... Нехорошее,— проговорил Ветер.

Один Иван не знал, что делалось в этом лесу в немецкое время.

— Много зла,— сказал Ветер,— то здесь, то в другом месте, то в одной, то в другой стране... И никто никогда не в состоянии этот процесс остановить... В мире добра-то тоже достаточно, но зла как будто больше... А кто конкретно ответит за все эти злодеяния?

— Немцы,— сказал Маленький Иван строго.

— А в замке? — спросил Король с вызовом.— Русские?

Лошадь сказала: «Хр-р-р».

— Я тоже русский,— сказал Маленький Иван,— я же не виноват,— голос Ивана становился опять хриплым.

— А Лилиан — немка,— сказал Король,— а она разве виновата? А Скелет? Русским помогает и меня избил,— констатировал Король с обидой.

— Алфред тоже немцам помогал,— прозвучал робкий голос Ивана, которому не хотелось обидеть друга, но ведь справедливо же...

Все задумались. Лошадь сказала: «Хр-р-р», бубенчики позванивали.

— Вас-то не в чем винить,— произнес Ветер задумчиво,— но жизнь у вас впереди, а в мире все больше и больше распространяется микроб жадности... Как бы и вы не заразились...

— Больше всех виноваты, которые и нашим и вашим,— прозвучал снова хриплый голос Ивана,— всякие там векшели, потому и повесили. Раз топили, раз повесили...

Иван обрадовался возможности отвлечься от своих слов про Алфреда, все засмеялись, и как-то странно звучал их смех в этом тихом лесу, где совершались такие дела...

— Жили на Острове земледельцы и рыбаки,— разговорился Ветер с ребятами, как со взрослыми,— политикой интересовались, но что они знали? Ни про Ежова, ни про Берию... Про Гитлера, что какой-то еврей у него кошелек украл... Говорили про Сталина, что без пяти минут солнце; погрелись в его лучах островитяне — обожглись, немцы примчались ожоги лечить — залечили вот... Что-то еще говорят про Божью Милость!..

С ребятами на Острове в большинстве все взрослые именно так себя и вели — относились как к взрослым, потому что сами островитяне чаще встречались по-детски простые, бесхитростные, а дети теперь успели уже повидать в жизни такое, что иному взрослому и не снилось.

Тут и Король поведал о том, что случилось в Розвальнях на Малом Ару, и про картину Калитко с красными следами на снегу; рассказывал торопливо. Ветер, оказывается, про Ару уже слышал. Тут и Иван поведал, в свою очередь, о том, что произошло на самом деле в ателье Калитко. А Ветер, послушав, вскричал:

— С вами не заскучаешь!

Иван, имея в виду людей на Малом Ару, спросил тихим голосом:

- А они хорошие были?
- Конечно,— ответил Король.
- Но почему?..

Смысл вопроса понятен. Но кто мог ответить?

— Ты раньше видел, как убивают? — спросил Иван, адресуясь к Королю из-за спины Ветра. И Король рассказал, что видел давно, как застрелили солдата.

- Немца?
- Не Русского.
- Немцы?
- Русский, наверно, немцев тогда не было, то было не в немецкое время.

— Энкаведешник,— сообразил Иван.— Непонятно.

— Непонятно,— вздохнул Король.

— Микробы,— определил Ветер. И, обратясь вежливо к лошади, которая стояла, пошевеливая ушами, попросил ее не подслушивать, а заниматься своим делом. Лошадь ответила: «Хр-р-р» — и пошла-таки. Бубенчики снова зазвенели.

— Отчего в мире вражда?

Эта мысль уже сколько времени не давала Королю покоя. Кого бы он деликатно ни расспрашивал, никто на его вопрос конкретного ответа не давал. Лоцман Счастья взъерошил свою шикарную бороду, очищая ее от снежинок. Обратившись к Королю, сказал авторитетно:

- От жадности она и происходит.
- А жадность?
- От зависти.
- А зависть?
- От глупости.
- А глупость?
- От лени, разумеется. Если человек ленив учиться — он глуп, ему тогда нечего есть, ведь лень работать руками, а чтобы головой — глуп. И завидует тому,

у кого всего больше, чем у него. И уже за это ненавидит и стремится отнять силой то, что другой приобрел умом или трудом.

— А при чем тогда евреи?

Этот вопрос для Ветра оказался неожиданным. Он с удивлением уставился на невозмутимого Короля. Король разъярился: когда-то в торжественной комнате в небесно-синем доме доктор Килк говорил, что во всем виноваты евреи. Ветру смешно, трясет бородой и хохочет — хорошо, когда есть борода.

— Ветер разный бывает, — начал он лукаво, — один с юга дует, другой — с севера, третий — с востока, четвертый — с запада. Один ветер знает об одном, другой — о другом. Обо всем же не знают и все ветры, а я и подавно. Но карают всегда виноватых — это я знаю точно, а виноват почему-то всегда тот, у кого есть; а есть у того, кто умеет, а умеет — кто знает... Вот и пришли туда, откуда начали: микробы жадности от дураков, завистливых и подлых. А евреи... Они тут ни при чем. Хотя... Они, конечно, вовсе не стремятся собраться все вместе да хотя бы в Палестину — это только кажется, ведь невыгодно это им, ведь именно в том их сила, что разбросаны по всему свету; они таким образом во всей земной жизни участвуют. А может, и правы они, — Ветер задумался, почесывая бороду, — может, и надо бы рушить все границы, чтобы смешались все народы, чтобы разделялись люди мира не по национальному образу, а нравственному, чтобы образовались тогда общечеловеческие законы, определяющие границы добра и зла, независимо от того, какого ты цвета и на каком языке жалуешься... Эге-ге-ге!.. И я бы, вольный как ветер, мотался бы в Скандинавию, женить их на островитянках. Эге-е! Ого-о!

— А вот Жора свою собственную смерть и не нарисовал, — переключился Король на другую тему. У них такое не считалось дурным тоном, они могли за-

просто от проблем всемирного потопа переключиться к заявлению типа: «Есть охота».

Впереди посветлело, сани выскользнули из леса Смотригора. Лоцман Ветер «подул» здесь в другую сторону, пришлось им расстаться.

— Эге-е! — рывкнул на прощание Ветер, и звон бубенчиков удалился.

Когда ребята подходили к хутору Куриный Нос, со стороны Кишмялягушки одновременно с ними приближалась женщина. То была Земляничка. Все, конечно, удивились неожиданной встрече. Вальве на Ивана посмотрела с подозрением, но не стала расспрашивать. Была уверена, что Король в Прятках не останется, раз объявился не один. Пошли к дому, говоря о пустяках: кто откуда идет. Король врал, и Земляничка в этом не сомневалась, она и не рассчитывала получить от него правдивую информацию.

Вошли в кухню старого хуторского дома. В раскрытую дверь соседней комнаты была видна кровать с Алфредом, над которой как раз склонилась Эсмеральда. Услышав шум, она выпрямилась, как показалось Земляничке... резко чересчур. Увиденная картина была больше, чем подозрительной: что эта Эсмеральда вообще-то в такой позе делала? Алфреда, слава Богу, нет необходимости кормить с ложки. Он лежал и улыбался. Это еще больше раздражило Земляничку: еще и улыбается! А что не улыбаться! Лежит, как барон, а над ним эта... Что-то же она, эта подлая, там делала?.. Земляничка могла бы убить эту Эсмеральду. Уже одно то, что у человека такое имя... Порядочным людям такие не дают.

— У Алфреда ужасно болит зуб мудрости... — зашебетала Краля, как только Вальве с Королем вошли в спальню, Иван уселся в кухне на скамье. Земляничка гадюкой взглянула на Эсмеральду, на явно опешившего Алфреда, который попытался спастись с

помощью Короля, начал расспрашивать про его жизнь — откуда пришел, как дела на Сааре и так далее.

Земляничку этот маневр не провел.

— Они зубы теперь лечат! — заметила она ядовито, повышая голос.— Хороша... зубной врач. Так и знала: ты за дверь, а они тут зубы лечат... Палец у черта болит! А туда же! Такому хоть все пальцы отруби... Ему не палец рубить надо, а хрен...

Нет, нет, негоже прятаться за авторитет Его Величества! Алфред должен был мужественно вступить за Эсмеральду, которая, действительно же, кроме добра, ничего другого ему не желала. Тем более что именно она в отсутствие Земляники съездила в Журавли, достала спирта. А зуб мудрости у Алфреда действительно заболел, потому что беда никогда не приходит одна. И правая щека Алфреда раздулась — вещественное доказательство. Но и у Эсмеральды тоже... верхняя пуговица блузки не застегнута — разве не доказательство? Но если повнимательнее присмотреться, ее и нет совсем, этой верхней пуговички. Тогда чего ради шуметь? И кто может объяснить, почему на блузке молодой девушки нет верхней пуговички!

Алфред, лежавший на постели одетый, встал и, опираясь на палку, подошел к столу, сел на табуретку поговорить с Королем. Он больше не реагировал на выходки своей подруги. Король принялся рассказывать, как в Журавлях убили Калитко, как убили на Ару Мартина и Эха. Его Величество высказал беспокойство: что-то будет с Антсом, женится ли он на Сесси, когда вернется после войны? Должна же эта война когда-нибудь кончиться.

Алфред потянул носом: откуда дым табачный? А дым шел из кухни, откуда же еще?

— Там мой друг,— объяснил Король.

Все затихли: в доме, оказывается, посторонний.

К тому же русский! Маленький, но все равно русский. В гневе своем Земляника про него совсем забыла, она и не очень считалась с таким... Даже с Королем: что они понимают в вопросах, возникших между Земляником и Эсмеральдой, особенно тот, который курит...

— Пойду домой, старики там одни, — воспользовалась моментом Эсмеральда и двинулась к выходу.

— И нечего ходить! — крикнула вслед Земляника. — Обойдется без зубного врача!

В ответ хлопнула дверь, даже не хлопнула — громынула.

Земляника принесла молока, нарезала хлеба, позвала к столу и Ивана, обращаясь к нему: «мальчик». Король рассказывал, как был в «тюрьме», как его избил Скелет и о том, что тот велел передать Алфреду, будто ему «ничего не будет».

— Ах, ничего не будет?! — повторил Алфред иронически. — Зачем ему тогда понадобилось избивать еще и тебя?

Земляника бросила на стол газету.

— Старая. Где я свежих возьму? И эту-то мне Сула дал.

Она рассказала про посещение Сула, о его разговорах-предложениях.

Сула?!

В смерти Сесси Алфред винил и Сула, хотя и известил он Алфреда о ее гибели. Когда расстреливали Сесси, чем же он был занят? Что же немцы, как он говорил, стреляли, а Сула в это время по нужде за кустик отлучался?.. Зовет на Большую Землю в леса... Вранье! У всех вранье. Как обещали в Москве эстонцам: «Мы вам не навяжем коммунизм». Навязали, однако. Теперь твердят: «Мы вас освободили». Конечно, так оно и было бы, если бы сначала не закабалили. Сейчас же происходящее называется иначе — перехватом. Перехватили страну у немцев. Но в рес-

публике сколько угодно тех, кого и это вранье вполне устраивает, кто его с удовольствием и распространяет. В республике сколько угодно людей, занятых всю жизнь лишь рукоплесканием, — зрители! Или предатели. Рукоплескали «великому» Сталину, затем «освободителю» Европы, теперь ставшему опять «великим» Сталину. Эти рукоплещущие никуда не удирают, им жалко бросать барахло, удобнее хлопать в ладоши — прав всегда победитель.

И кто только не рукоплещет! Здесь и ученые, и писатели даже именитые — все грамотные люди; тоже и некоторые священники, как ни странно. Алфред как-то коротал время на дежурстве в батальоне самообороны, читал в старых журналах, что бывали в истории случаи, когда даже церковные корифеи охотно признавали власть тиранов — тоже же от Бога, и благословляли их мерзкие дела; когда же тиранов свергали, они раскаивались перед Богом, обещали больше так не делать, получали отпущение грехов и продолжали дальше просвещать люд земной, призывая жить в правде и вере, — хорошо все же, когда ты с начальством в доверительных отношениях!.. Так что все врут, даже собственным детям, даже самим себе.

В газете, принесенной Вальве, описывают в жутких красках фашистский террор — при немцах, то же самое, ужасались красным, о котором сегодня уже забыли... Победителей не судят! А в чем правда для такого, который не рукоплещет никому, потому что не хочет, не может себя заставить?

Алфред помнит старого скупердяя Тайдемана и его разговоры. Да что Тайдеман! Он и сам по прошествии времени как бы со стороны видит историю своей страны, и спрашивается, хорошо ли, справедливо ли была устроена в ней жизнь до прихода всех этих освободителей? О чем писали тогда уважаемые, даже любимые Алфредом, писатели — Лутс, Вильде? О равенстве и

неравенстве, о справедливости и хамстве, о господах и «господах» в том смысле, что словом «господин» обращались и к нищему. С самого Алфреда в свое время драли три шкуры за политурные лаки и заячьи лапы. Было ли в народе единство? Если бы оно было — не пришлось бы хлопать, рукоплескать всем освободителям подряд, хотя и то правда, что никого не должно касаться, как кому живется в его собственном доме.

А теперь в лес зовут — во имя чего? Чтобы опять зажили господами и «господами»? Из-за этого идти убивать людей? Разве это когда-нибудь давало результаты? Всюду вранье. Уже сколько убивали! Для Алфреда правда теперь в том, что не стало пальца на правой ноге, к тому же чертовски болит зуб мудрости. И почему именно мудрости?..

У Алфреда свои проблемы. Столько освободителей, а для него свободы нет. Он, в сущности, стал жертвой при стольких несущих ему свободу. А могло ли быть по-другому?

У Земляники проблема своя. Ей не терпелось как-то уточнить, что же тут все-таки было, когда она отсутствовала. Но откуда, честное слово, знать Алфреда, почему у кого-то нет пуговицы на блузке!

Король с Иваном допили молоко и всем своим видом показывали, что им здесь неинтересно, следовательно, делать больше нечего.

— С нами пожить не хочешь? — спросил Алфред.

Нет. Король обычно не задерживался у Алфреда, и причин несколько, главное же: он чувствовал, что Землянику его присутствие смущает. Почему? Он же не станет доискиваться, просто знал: она не рада его появлению. Действительно, ей всегда казалось, словно во взгляде Короля скрывается тайна, вернее, знание какой-то тайны, касающейся лично ее, и это беспокоило ее душу.

— В следующий раз принеси мне кое-что из инструментов,— попросил на прощание Алфред, перечисляя нужное,— может, сделаю хоть мандолину,— объяснил, скорее всего себе самому, глядя грустно в окно.

Когда друзья бежали в сторону Кишмялягушки, чтобы не идти через мрачноватый лес Смотригора, Король в который раз рассказал Ивану про великолепный аккордеон Алфреда, как лились из него радостные звуки в комнатах небесно-синего дома...

— А эта старая Хильда, которая на Кури-Мури, она совсем никуда не уезжает? — спросил Иван.

Его Величество этот вопрос в данный момент меньше всего интересовал. Он принялся рассказывать приятелю о своем плане, касающемся столярных инструментов Алфреда и многого другого в старом амбаре на Сааре. Конечно, он притащит Алфреду все, что он просил, но немного позже. Потому что у него созрел великолепный план, очень хороший план... с его точки зрения.

ГЛАВА XII

Добираясь с Иваном до Звенинога, Король инстинктивно выбирал дорожки и тропинки, которые далеко обходили деревню Розвальни, о хуторах Ару ему даже вспоминать было трудно, хотя Энда... О ней, конечно, наоборот,— трудно было не вспоминать. В природе стало теплее, однако снега на полях и в лесах еще в изобилии. Прошедшая зима выдалась исключительно богатой снегопадами. Солнечные лучи, сердечные друзья Люксембургского Короля, несмотря на свою изменчивость в цвете, щедро обогревали его теперешнюю резиденцию. По ночам они, правда, еще не могли помешать небольшим морозам покрывать настью снег на полях и в подлесках.

В лесу Смолоспуска, — а именно здесь теперь поселился Король со своим верным министром, оберегавшим повелителя от микробов древним способом, то есть обкуривал денно и ночью, — именно в лесу, куда меньше доходили солнечные лучи, все еще не сдавалась зима.

Оба настолько прокоптились табачным дымом, что, когда они прибежали из Прятки на Сааре, Манчита подозрительно обнюхала Короля и в испуге, всплеснув руками, вскрикнула:

— Иссанд Юмалы! Ты уже куришь?

Иван познакомился наконец с Вилкой, которая не выказала маленькому русскому особого доверия; она изучала Ивана, принюхиваясь, ее хвост как будто принимался вилять, но... шевелился едва. Что ж тут удивительного, ведь Вилка помнила, чем кончилась однажды для нее дружба с одним русским — обидным пинком ноги от Алфреда.

Потом Король показал Ивану чердак, корыто и сундук с портретами русских царей. Настороженность в поведении Вилки ощущалась, но в отличие от Мелинды, принюхивающейся тоже со скривившимися от презрения губами к исходящему от Ивана табачному запаху, Вилка, сохранившая свою моральную чистоту и жизнерадостный нрав, несмотря на пережитые ею в разные годы бесчисленные обиды от людей, все же лизнула Ивану руку; она как была доверчивой, такой и осталась. Уж сколько раз Король предупреждал ее, что поплатится она когда-нибудь за это. До нее не доходило. Что с нее возьмешь? Собака есть собака.

Итак, инструменты...

Для Алфреда?..

Кто бы мог в этом усомниться!

А резиновые сапоги? Тому, кто намеревается жить весною в лесу, они необходимы. А есть ли они на Сааре? Как не быть, ведь Алфред и всю обувь из небесно-

синего дома сюда, в старый амбар, перевез. Топоры, пилы, крупные гвозди — все это в лесу надо. Старых одеял на хуторе достаточно, но, к сожалению, все сразу не унести, надо прийти раза два, причем так, чтобы население на Сааре не имело основания проявить излишнее любопытство. Резиновые сапоги подобрали и Ивану.

А табачок? Табачку на Сааре не водилось. Маленькому Ивану он крайне необходим, запасы из немецкого склада остались на Кривой улице, в ателье. К великому удивлению Короля, старый Вагнер, оказывается, великодушно делился табачком, когда Иван бывал у них. Но теперь...

Королю вспомнилось: в амбаре на Кури-Мури на протяннутой по стене веревке висели кипы табачных листьев. Когда он их впервые увидел, то очень удивился: в доме некурящие женщины, а табак выращивается. С другой стороны, табак во время войны везде ценился высоко, почему бы и не выращивать!

Старая Хильда, кажется, тогда объяснила, что табак у нее в амбаре для отпугивания моли. Король в моли не разбирался. Теперь у него возникла мысль, что моль молью, но если, к примеру, человек курящий, а у него нет табака, если он к тому же у Хильды работал, а заработанное еще не брал, то можно рассчитывать, что Хильда даст Ивану табачка хотя бы потому, что он полувверник. Но это планы ближайшего будущего, в сию же минуту Короля занимала забота иная: как раздобыть хлеба? И может, кому-то на Сааре все же придет в голову накормить их?

Обычно, когда он здесь бывал, Манчита или Мелинда предлагали: «Не хочешь ли чего-нибудь поесть?» Чаше других этим отличался дед Юхан — просто ставил на стол миску с неизменной своей едой, салакой. Король понимал: это самое щедрое угощение.

В тот же день все словно забыли о таком пустяке, никого не заботило, кочет ли он поестъ. Возможно, тому виной Иван: чужой мальчик и несет от него смолую. Деда не было, у него в Звеняного среди соседей имелась и свои личные друзья, с которыми вместе ходили в молельный дом и поднимали, обрабатывали когда-то свои земли. Манчита с Мелиндой оказались невероятно занятыми, обе бегали по хозяйству и не замечали вопрошающих глаз Короля. Что оставалось Его Величеству в такой ситуации?

Очень просто — взять все нужное и запахать в мешок. Напихал инструменты, сапоги, гвозди в один из рюкзаков Алфреда, с другим отправился в чулан, где обычно в день выпечки укладывались хлеба. И слава Богу, что их голодное присутствие женщинами игнорировалось до такой степени, что стали они словно невидимками.

Хлеб обычно выпекали для всех на всю неделю — большие хлеба буханок двадцать. Теперь, конечно, хлеб делили так, чтобы всем поровну вышло. Король знал: в чулане для каждой пары жильцов отдельная полка, а какая кому принадлежала?.. Чтобы никого не обидеть, брал со всех полок по буханке — итого три, на первое время хватит.

И друзья отправились обосновывать свою колонию в лесу Смолоспуска. Женщины Сааре были так заняты, что не нашли даже времени пожелать им доброго пути. Единственно Вилка попрощалась с ними, вежливо подав руку, которую людьми принято называть лапою.

Едва они поравнялись с хутором Нуки, из ворот вышел Элмар, за поясом топор. Бывшие однокашники поздоровались, Король познакомил Ивана со своим старым тренером по боксу. Он оценил, что на Элмара национальность Ивана не произвела никакого впечатления. Элмар тоже направлялся в лес искать чу-

дищ. Он пока не занимался воронами, а собирал причудливой формы сучки, коряги, пеньки, корни — он называл их чудищами.

Вороны были заброшены не насовсем. Относительно этих пернатых Элмар много мог рассказать. Он поведал, что в прошлую весну достиг значительных результатов в опытах, пригодных в сельском хозяйстве, в частности экспериментировал в инкубационном деле.

— Когда ворона сидит на яйцах, надо в удобное время их у нее из гнезда вынать и подсунуть ей куриные. Вообще-то, ворона дура. Одно ейное надо оставить в гнезде... для обмана. Но,— Элмар весело захохотал,— надо самому не «ловить ворон», не прозевать, когда вынать из гнезда куриные, а то колья вылулятся цыплята, эта дура от злости их раздолбит. А ты в каком уже классе? — поинтересовался у Короля.

— Так война еще! — выпалил Король чистосердечно.

Элмар обрадовался:

— И я не хожу,— весело рассмеялся и спросил: — А куда это вы? Видели, вчера на Кангруспина шикарная авария была? Опять русаки в кювет плюхнулись. Позавчера у Рэо... Тоже грузовик военный. Перевернулся. Но этот вытащили, а на Кангруспина еще валяется.

Они пустились бегом по шоссе в сторону Кангруспина смотреть на опрокинувшийся грузовик. Королю с Иваном нелегко бежать — рюкзаки на спине подпрыгивают. Но они весело гонялись друг за другом наперегонки.

Грузовик лежал в кювете, словно жук, «лапками» вверх. Куда подевался водитель — кто ж его знает. Посмотрели, потрогали то тут, то там, понюхали запахи пролитого смазочного масла, бензина и отправились дальше. Машины в кювете — не в диковинку, они

часто в разных местах съезжали с дороги, многие так в кюветах и оставались, помятые, искромсанные. Бывали и смертные случаи, но им еще ни разу не повезло это созерцать. Омнибусы не ходили, если не на лошадях, то единственно на попутных машинах и могли селяне добираться до города. Брала водители за это недорого: сколько давали. Шоферы совали деньги в карман не глядя. Если же кто давал лишь «спасибо» — и то ладно. Не обижались. «Будь здоров!» — и только.

Тройка во главе с вороньим специалистом шагала к повороту санной колеи, ведущей в Смолоспуск. Война не занимала их мысли, она теперь где-то далеко. Действительность ничего интересного для них в этот отрезок времени не предлагала. Они шли и, как выражался Иван, «травили» по очереди, кто что умел. Даже Элмар попробовал себя в этом жанре.

— Жил в Пекине француз, — начал он с ходу без вступления, у них, как правило, обходились всегда без вступления, — его породистая собака понравилась китайскому начальнику, и француз — черт с ней — отправил ее со слугой китайцу в подарок. Китаец прислал ему письмо: «Спасибо, но врачи запретили мне есть мясо, однако жена и дети будут рады, если вы тоже придете на ужин отведать мясо своей собаки».

Все трое от души посмеялись, собственно, не тому, что китайцы съели породистую французскую собаку, а тому, что эту историю Элмару давно рассказывал сам Король, услышавший ее от старого Зайцева.

Узнав, что приятели хотят поселиться в заброшенном доме и зажить собственным хозяйством, Элмар загорелся помочь им в благоустройстве. Ивану вороний специалист обещал достать самосаду из запасов собственного деда (только потом у Короля возникло

сомнение: он не помнил, чтобы у Элмара был дед), тоже якобы обладателя шикарной трубки. Иван от радости тут же запалил свою, дал и Элмару разок затянуться, после чего тот сильно напомнил Королю Арви Сверчка, который однажды в сарае учился курить. Элмару пофорсить хотелось: дескать, и я могу.

Они шли еще довольно споро. Колея хоть и рыхлая, но вполне носила. Задул теплый ветер, образовалась небольшая метель. Вошли в лес, и здесь, едва прошли с полкилометра, их ждало разводье. Под деревьями попадались большие участки, залитые водой от растаявшего снега. Элмар, конечно, был в резиновых сапогах, Королю с Иваном пришлось тут же переобуться. Весна?

Королю известно, что на Большой Земле весна наступает раньше, чем на Острове, потому что зимою он окружен льдами и ветры еще долго несут их холод; пока лед на море совсем не растает — на островах прохладно.

Когда наконец добрались до своего дома, они уже и сильно промокли. Но как приятно ощутить тишину и дыхание покоя в собственных стенах! Как приятно свистит ветер в дымоходе собственной печи!

Не мешкая, взялись за дело: необходимо растопить наконец свою печь. Бросив мешки, вооружившись пилой и топорами, отправились за дровами. Можно было переломать имевшуюся в доме разваливающуюся примитивную мебель, но... кто же ломает свои вещи, пусть даже старые?! Бредя по колону в талой воде, искали сушняк. Вдруг Элмар обрадованно закричал:

— Смотрите, ворона! Ну что есть ворона! — Элмар показал на какое-то переплетенье засохших корней. — Сделаю вам фигуру — не хуже, чем в школьном музее. Прибьем где-нибудь. Ничего, что ворона?

Он взял топорик и стал орудовать им, прямо на

глазах друзей рождалась настоящая большущая серая ворона с широко раскрытым клювом. Элмар восхищался собственным умением, прикидывал, где и как еще подправить «фигуру» ножиком, и птица готова. Королю ворона тоже понравилась.

— Назовем его Франц,— предложил он.

Сушняк они конечно же нашли — целую сосну. Свалили, распилили примерно на двухметровые куски, в несколько ходок притащили во двор хутора, здесь разделали на чурки, раскололи — весело спорилась работа. А ворону, ювелирно обработанную Элмаром, прибили к столбу, заросшему мхом, с ржавыми остатками петель, на которых когда-то висела калитка. Важно смотрела ворона со столба на ребят, но в то же время какая-то жуликоватость обнаружилась в ее облике.

— Франц так Франц,— согласился Элмар,— теперь он ваш, а хутор теперь надо назвать Дом Вороны.

А деревянный Франц?.. Чем дальше рассматривал его Король, тем больше напоминал он его постоянного спутника и преследователя, ворону-всезнайку, которая странным образом давно уже не показывалась.

Затопили печь. Дыма — не продохнуть. Неважно. Своя печь — свой и дым. Ребята еще натаскали из леса дров, разделявали, раскалывали во дворе, заносили и складывали у плиты большую грудку поленьев.

Когда стало тепло, протянули у печи найденную веревку, повесили сушить одежду и приготовились обедать. Чайник не догадались взять на Сааре, но нашли в доме старую алюминиевую кастрюлю, почистили ее немного золой, ополоснули и с водою сунули в печь. Нет, чая не было, какао тоже не имелось — просто кипяток с саарским хлебом. Но это же обед в собственном доме!

Вынув украдкой из кармана отсыревшую фотогра-

фию Марви, чтобы посушить, Король с грустью констатировал, что она сильно помялась, к тому же он неосторожно оторвал от нее небольшой кусочек, да так неудачно, что у Марви оторвалось ухо. Ладно, подсохнет, он приклеит, главное — фото цело. А не приклеит, сойдет и с одним ухом, не в ушах дело, в конце концов.

Глядя на свою мечту, он ощутил боль от воспоминания о последней встрече с ней. Ох, этот Виктор Трейман! То с Эльной... Теперь к Марви пристал. Однако что за наваждение! Ему показалось, что на него смотрят не глаза Марви с фотографии... Но чьи же? Да, да, они напоминали ему другие — глаза — Энда! Ему чудилось, что слышит шепот: «пройдет — прошло, уйдет — ушло...» Тем не менее этот Виктор Трейман... А ведь Король с ним как бы уже начал дружить. Он ходил к нему за книгами, когда в городской библиотеке их больше не стало, говорят, их куда-то увезли и даже сожгли. Библиотекарша жаловалась: от нее теперь требуют, чтобы библиотека выражала дух сталинских пятилеток, а она обязана воспитывать у читателей сознание и вкус к новой, советской литературе, к книгам Гайдара, Вишневского и каких-то ивановых, леоновых, сидоровых, козловых... А их не берут. Виктор Трейман дал Королю «Тарзана» — все восемь книг.

Поев хлеба, запивая по очереди кипятком из прихваченной из Сааре эмалированной кружки, они решили опять устроить конкурс вранья. Предложил конечно же Король и сам первый соврал, будто он лично знаком с одним... Лукулл Лукулловичем, у которого в доме ели из золотой посуды и слуги щекотали ему глотку куриными перьями, чтобы вырвало...

Элмар соврал, будто однажды нашел в гнезде вороны большущее яйцо и из него вылупился... еж.

— Так что ежи из яиц на свет появляются, — заключил он поучительно. Король возмутился: черепахи —

да, он знает, действительно из яиц, но еж... такого не может быть.

— Как же так! — возмутился Элмар.— В конце концов, мы же врем...

А смеху-то! Сколько веселья из ничего! Во дворе потемнело, ветер перестал бушевать, печь тоже устала дымить — уютно. На небе появились звезды, а трое человечков сидели на полу и ввали.

— Может, нам здесь всегда жить, чтобы не заразиться микробами? — предложил Маленький Иван, замахав величественно трубкой, которую изящно обхватил тремя пальцами. Для Короля этот вопрос давно был решенным: конечно, они станут жить здесь, где же еще?

Объяснили и Элмару насчет «микробов», о которых от Лощмана Счастья услышали: что вспыхнула страшная эпидемия бешенства, злобы, жадности, что только в лесу и можно от нее спастись. Элмар подумал и заявил:

— У нас на Нуки микробов пока еще нет, я сам себе микроб,— он заразительно рассмеялся, этот вороний специалист. Король с Иваном к нему присоединились.

В это время из лесной чащи тихо выскользнула Тень Лисы, взглянула на дом и сказала подлетевшей Тени Сова: «И все-таки не могу не посоветовать луне и звездам, соснам и елям, зверькам лесным, тебе, Сова, и другим, кому сон не дорог,— смотрите на этот дом, со всех сторон заросший мхом, похожий на тот, который показывают в сказках про гномов и спрятанных злыми колдунами прекрасных принцесс, посмотрите в это маленькое, светящееся в ночном лесу окно, и вы увидите чудесную картину: человечки сидят на полу и... Что они делают?»

Хохочут! Заливаются и врут! И смеются над ненавистью и злобой, лицемерием и жадностью, над эпиде-

мией, разлагающей человечность; эпидемия в этом лесу их не коснется, их смех издевается над чванливыми, самодовольными идиотами, и нет им дела до вражды между черными, белыми, красными и желтыми людьми во всем мире; вражда ими презираема, несмотря даже на то, что сегодня не Ночь Рождения Христа; они смеются потому, что смех идет из них, как петушиное ку-ка-ре-ку и чириканье воробьев — голос природы без фальши».

И действительно, в этом лесу, вдали от всего, их смех звучал обворожительно свободно, без запретов и границ, как песня, когда она... песня, как музыка, когда она... музыка. До чего же грустно, что недоступно миллионам лилиан, элмарам, иванам, королям образовать в мире свое собственное королевство, где они могли бы навсегда оставаться именно такими...

«Ты права, — согласилась Тень Совы, — за этим окошечком есть на что посмотреть, такое грешно проспать».

И полетела известить об этом другие естественные существа в природе, не зараженные еще микробами жадности.

Настало утро. Король, Иван и Микроб, то есть Элмар, проснулись. Элмару необходимо возвращаться домой. Они вышли во двор. Элмар обещал скоро их навестить, чтобы принести табака, хлеба. Но... куда подевалась их ворона? Все в изумлении уставились на столб — жуликоватого барона фон Франца и след пропал. Гвоздь, которым его прибили, на месте, вороны нет. Сильно удивились друзья: кто мог прийти сюда ночью и стащить фигуру? Не сам же, в конце концов, он улетел, такого все-таки не бывает, чтобы деревянные вороны летали. Обошли друзья вокруг столба, обошли двор — на снегу никаких посторонних следов. Эту загадку они так и не решили.

— Я тоже пойду,— вдруг объявил Маленький Иван. Король растерялся: что еще такое? — Я с Элмаром...— уточнил Иван,— за табаком.

Причина уважительная, логично. Но они же планировали здесь столько провернуть: отремонтировать крышку колодца, в доме сделать ножки скамейке, очистить найденное ведро, другие дела...

— Ты лучше умеешь,— признал Иван мастерство друга в столярном деле, и с этим Королю приятно было согласиться. Элмар еще картошку предлагал. К вечеру Иван полагал вернуться.

Так и ушли. Король же остался приводить в порядок дом. Он трудился прилежно. Он, вообще-то, не был никогда ленивым, но в своем доме особенно приятно работалось. Отремонтировал колодезную крышку, смастерил для скамейки ножки. Когда же вошел в кухню, чтобы взять ведро, он остолбенел и не поверил глазам своим: ведро с вечера налили водой для проверки — не течет ли, а теперь большая серая ворона сидела на краю ведра... Сидела? Собственно, не сидела, а стояла на одной ноге, другую... мыла в ведре, то есть бултыхала ею в воде. При этом насмешливо косила одним красно-черным глазом на Короля, другой прищуривала, клюв приоткрыла, словно в ухмылке. Поболтав ногой в воде, встала на нее и сунула в воду другую. Создавалось впечатление, будто она моет свои ноги или лапки,— как кому нравится... На Короля она совершенно не реагировала. Главное: ворона явно походила на денщика майора Майстера.

Что ж тут такого?! Это же так естественно, что ворона моется! Это обыкновенная сказочная жизнь! И этот Франц спрыгнул с ведра, зашагал с самодовольным видом, высоко задирая большущий клюв, в сторону комнаты, где по-хозяйски сунул клювище в мешок с их хлебом и принялся наводить в нем порядок. Попросту говоря, заглатывал их провизию. Надо ли

говорить, как расценил такое нахальство потрясенный Король, безмолвно наблюдавший это непонятное явление?

Конечно же Король выгнал Франца из дому. Далось это непросто: ворона от мешка с хлебом отпрыгнула, выпрыгнула из комнаты в кухню, вскочила на опрокинутый трехногий стол и уставилась на Короля гневным взглядом. Король открыл дверь на улицу и орал, чтобы убиралась она вон. Ворона смотрела на него нахально, склоняя голову то на один, то на другой бок. Король запустил в нее старой метлой, и тут ему послышалось или показалось, что она обозвала его еще и дураком, во всяком случае, выбегая — именно выбегая, а не вылетая! — она как будто ка-аркнула на чистейшем эстонском языке, что настанет время, когда он пожалеет о таком своем хамском обращении с честной вороной. Сказала или нет, но все-таки убралась вон, и Его Величество закрыл дверь.

Потом дотемна приводил в порядок хозяйство: почистил золой ведро, в котором ворона мыла ноги; отремонтировал две кровати в комнате, стол в кухне, вытаскивал мусор из колодца. Одновременно протопил печь, чтобы тепло устоялось. Обозревал и разрушения в коровнике: здесь крыша завалилась так, что образовался провал шириной метра три, в коровник нанесло большой сугроб снега, а это крайне неприятно, поскольку то место, куда всем хоть раз в сутки необходимо сходить, расположилось в самом его конце. Удобно ли добираться сюда, тем более ночью. Но здесь он был бессилён: слишком капитальная работа.

Наконец, утомившись, он улегся на еловые ветки у печи, ветки он натаскал свежие: предыдущие высохли. В целом он остался доволен сделанной работой.

Лежа на ветках, ему представлялось, как достанет матрацы, одеяла, как отремонтирует крышу, как со временем все здесь станет неузнаваемым. Прикинул,

что нужны непременно лопаты, а когда снег уйдет, они заложат огород, посадят цветы, такие же, какие на У Большой Дороги сажала Хелли Мартенс, и если удастся раздобыть немного картошки для посадки — может, на Кури-Мури, на Сааре или на Большом Ару,— то будет у них на следующую зиму уже и свой картофель. А ягоды! Сколько в Смолоспуске ягод! Да, тут жить вполне прилично! Конечно, и о Марви кое-какие мысли приходили в голову, а может, об Энде?.. Если бы Марви когда-нибудь... Или Энда... Да, но надо сначала все здесь привести в шикарный вид! Так, мечтая, он и заснул, не дождавшись Ивана.

Иван пришел ночью. Где и как он бродил в этих незнакомых ему местах, не боясь заблудиться, о том знали разве что тени Лисы и Совы и другие тени. Как Иван завалился рядом на еловые ветки, Король, конечно, услышал, но даже не проснулся — у королей, когда вокруг не плетутся интриги,— крепкий сон. Иван же, укрываясь собственной курткой, произнес с удивлением не столько спящему Королю, сколько сам себе:

— А ворона-то опять на столбе сидит...

Король не осознал сказанного. А если бы и осознал — все равно не смог бы объяснить это явление. Когда он утром рассказал приятелю о своем приключении с залетевшей неизвестно откуда вороной, Иван конечно же не поверил, посчитал, что Король опять «травит» — он и сам не очень-то любил ноги мыть, а чтоб ворона... Не заливай!

ГЛАВА XIII

Алфредом завладела смертельная тоска.

Сперва, когда палец уже заживал, он понемногу ковылял вокруг дома, опираясь на палку, дышал запахами леса, размышлял о собственной судьбе. Лю-

дям свойственно наблюдать себя со стороны, особенно когда трудно живется. Алфреду показалось, что он совсем один и всегда был одинок, даже с Хелли и даже в детстве. Ему стало себя ужасно жаль. И еще представлялось, что все люди на планете одиноки. Сколько их на Сааре братьев-сестер, но недружны между собою, словно олицетворяет семья Рихардов маленький народ у Моря, страдающий недугом, свойственным человеческому роду, который Алфред назвать не в состоянии. И стало ему жаль всех людей на свете, особенно свой маленький народ у Моря.

На Сааре каждый одинок, возможно этого не осознавая, только Ангелочек с Юханом оказались в единстве через свою веру в Бога. Что же, вера их объединяет? Во что верит он сам — Алфред? И этот вопрос его угнетал. Почему бы не верить в существование Бога? Он не верит из-за того, что не находит логики в словах и делах Всевышнего. Значит, так и быть должно? Итак, в Бога он не верует, в коммунизм, или фашизм, или в какой-нибудь еще идиотизм — не верует, а разве можно жить, когда ни во что не веруешь? Но его неверие не мешало ему быть добросовестным столяром, а это и значит в его понимании быть человеком. Что он человек, подтверждает и то, что он в себе сомневается, то есть в правильности своей жизни. Самое странное, и Алфред это остро чувствовал, он не может отыскать в душе настоящей любви хотя бы к своему Королю. К такому осознанию своего «я» он пришел именно от мысли об Ангелочке и ее отношении к Богу. Ангелочек тоже к Богу привязалась больше, чем к собственным детям. Уродство, может? И к Йентсу Алфред безразличен. Королем все-таки восхищался: ловок, сообразителен, не маменькин сынок. Но и такое отношение, он осознал, тоже уродство.

К совсем маленькому Королю он когда-то испытывал любопытство: интересный крикун! Позже стремил-

ся привить ему свое отношение к жизни, чтобы стал Король подобием Алфреда. Это похоже не столько на любовь к ребенку, сколько к себе самому. Может, отсюда и отталкиваются евангелисты, твердившие, будто Господь создал человека по своему образу и подобию. Видать, нравилось Господу созерцать самого себя в собственных копиях... Даже в таких, как Векшель или Павловский? Или таких, как «отцы» народов?.. Как и самих народов богоподобных, рукоплескавших всякой дряни, чтобы затем устроить себе на потеху судилище над ней; осудив же, рукоплескать новым подобиам Бога, которые станут возвещать рукоплескателям об опасности для них?..

Чувство опасности у людей в клетках — опасность гибели через людей. Это и не страх, а осознание: жить опасно. С каждым днем все более опасно. Потом еще опаснее... Иной может и не выдержать: сам кого-нибудь убьет или кончит самоубийством, хотя лично наиболее отдален от любой опасности.

Что до Алфреда, чувство опасности не покидало его начиная с самого появления «марсиан» на Островной Земле. Оно было при немцах, продолжается и теперь, особенно теперь.

Часто ему вспоминался этот чудаковатый русский «Диоген», который задолго до войны жил в бочке недалеко от усадьбы Самбла на Большой Земле. То была ненастоящая бочка: жилье свое в шесть квадратных метров наподобие бочки этот человек соорудил своими руками из необструганных досок, мебелью в нем считались грубо сколоченные табуретки, стол, лежанка. Промышлял он перепродажей галантерейной мелочи, которую приобретал в магазинах.

Для Алфреда в этом примере главное очарование заключалось в том, что жил себе человек, никому не мешал, называл себя «Юрка», и никого не интересовало, откуда он родом, какова его родословная, есть

ли у него паспорт. Его существование не беспокоило даже Пол-Пол (политическая полиция).

Будущее?

Коммунисты твердят, что в коллективном сознании — будущее человечества. Но как такое сознание может образоваться, когда на небольшом хуторе Сараре невозможно создать коллективное сознание, не смотря даже на религиозную основу жизни в доме? Как же это сделать во всем человечестве?

Ангелочек всегда утверждала назидательно, что хутор — общее состояние семьи. Братья же Алфреда видят в нем исключительно собственное будущее...

Осточертела такая жизнь! О ней не скажешь, чем она завершится. А Сула ждет опять освободителей... Трумэн. Создали атомную бомбу. Это значит, что и те, для кого она предназначена, в свою очередь, что-нибудь придумают. Черчилль где-то произносит заумные речи, а товарища Жданова награждают орденом Ленина за заслуги во внешней политике Советов. У островитян на этот счет свое мнение: товарища Жданова с его танками в стране у Моря помнят...

Земляника колдовала с картами. Душа ее от одной тревоги успокоилась: Эсмеральду выдворила. Шитьем заниматься — сколько можно! Да и не из чего. Свободного времени достаточно. Гадала, как обычно, на крестового короля, хотя Алфред шатен. Само собой, где крестовый король, там и дама червовая, хотя и сама она... трудно даже определить, какого цвета. Под крестового короля ложатся поперек две карты — его тайны. Они не располагают к веселым думам: пиковый туз острием сердечка вверх, и пиковая девятка острием среднего сердечка вниз — смерть!

Земляника смешивает карты, раскладывает по-новому: опять пиковый туз острым концом вниз, вместе

с пиковым королем... Дом правосудия? Сбоку ложится пиковая десятка — тюрьма. Если бы сюда бубнового туза вместо десятки... Официальное письмо или повестка. Но нет бубнового туза. Перетасовывает карты. Волосы рыжие, а может, и русые, лезут в глаза, она откидывает их назад, лоб от напряжения в морщинах, нижняя губа упрямо лезет на верхнюю. Раскладывает снова, и... что тут скажешь? Опять первая комбинация: пиковый туз острием вверх и пиковая девятка острием среднего сердечка вниз — смерть. Итак, тюрьма или... Вот и выбирай.

Алфред терпел зубную боль мужественно. Теперь уже и Земляника преисполнилась состраданием к нему. В тот день, когда Земляника захлопнула перед носом Эсмеральды в очередной раз дверь, а на одной из усадеб обнаружили во дворе обессилевшую лису и все старушки погнались за ней тоже из последних сил, в тот день, ощутив слабость, нервную напряженность, он не стерпел и сам себе выдернул этот проклятый зуб обыкновенными плоскогубцами. А к вечеру весь буквально посинел. И Земляника ему сказала:

— Что-то ты плохо выглядишь, весь синий...

Поднялась температура. На другое утро он бредил. Зашла помочь соседская бабка. Но, кроме хороших советов, у бабки никаких лекарств.

— Раньше у людей жубы не болели, потому что люди в бане сперва парили пятки, а по утрам, когда умывались, вытираться начинали не с лица, а с рук, и картофелину носили в левом кармане жилета... Сейчас што тут поможет,— прошамкала беззубая старуха задумчиво,— если поискать дерево, побитое молнией... щепую шоб колоть десну... Или колюшкой ежа? Где ж его тепериша найдешь?.. А нет ли палки, которой змею приконшили? Тогда лучше всего гвоздем от гроба, а можно в жеркви кусок веревки от колоко-

ла... поджигать и дымом... или пожевать хлеб, погрызанный крысой... Лучше всего, если подержать во рту палеш покойника...

Непригодность перечисленных лекарств показалась Землянике очевидной. Она не представляла себе Алфреда с пальцем покойника во рту... да и покойника, хотя время военное, взять негде.

— Смеяться грех! — обиделась бабка. — А вот если идти ночью на кладбище, оторвать шепочку от могильного креста, поковырять... Но утром шоб шепочку назад... Помогает.

Наконец беззубая бабка пошла домой, растормошила своего беззубого же старика, тот запряг в сани тоже почти беззубую кобылу и отправился в Кишмялягушки за стариком фельдшером. Осмотрев Алфреда, этот медицинский светила поставил диагноз: с левой стороны во рту отсутствует зуб мудрости — пустое место, но образовалась опухоль, которая, увеличиваясь, развивается вниз на шею, направляясь в сторону сердца.

Когда пришел Сула, Алфред уже несколько дней валялся в жару, стонал и бредил. Землянике незачем было уточнять, как узнал Сула их место пребывания. Но Алфред его присутствия даже не осознал, он и саму Вальве уже не замечал.

Сула несколько раз приходил-уходил, и опять доставили из Кишмялягушки фельдшера. Тот рекомендовал не полагаться больше на божью милость, советовал отвезти Алфреда в больницу, даже согласился быть сопровождающим.

Что оставалось делать Земляничке?

Спросила у больного — тот даже не понял, что от него хотят. Если он и говорил, то с трудом, хрипел и единственно просил пить.

Сула словно чувствовал, что с Алфредом как-то решится, сидел за столом, ждал, молчал, отпивая само-

гон из полевой походной фляжки. Наконец и он сказал Землянике:

— Отвези, конечно. Что ему сделают? Такому...

Земляника стала одевать-готовить Алфреда в больницу. Эсмеральду наконец тоже допустили и с ее помощью натянули на Алфреда его «хороший» костюм, словно на праздник наряжали.

Сула в это время шептал Вальве свои поучения относительно того, как ей надобно вести себя в городе, что отвечать в случае чего на вопросы казенных людей. Главная идея в его поучениях выражалась в том, что ни Алфред, ни сама Земляника — упаси Боже! — о существовании Сула и знать не знают.

Ехали беззубый старик, фельдшер и Вальве, между ними полулежа завернутый в одеяла Алфред.

Погода стояла тихая, ясная. В путь отправились рано утром, когда звезды еще украшали небо, дорога проходила через уже знакомый лес Смотригора, через облаченные в белоснежные одежды сосняки, их сопровождали по всему пути бесчисленные тени — целый мир, а вороны молчали, не каркали ввиду непонятной таинственности, исходившей от экипажа.

Вальве смотрела на кобылу, из ноздрей животного с храпом вырывалось жаркое дыхание, превращавшееся в пар. Вальве хотелось о чем-нибудь думать — не думалось. Перед глазами карты: казенный дом... Повестка... Но и пиковый туз острием сердечка вверх и пиковая девятка острием сердечка вниз...

Наверно, розвальни с Алфредом не успели добратья до леса Смотригора, как к воротам Куриного Носа подошли Король с Иваном. Держа с двух концов за веревки, они несли упаковку, завернутую в мешковину.

Дом в утренней тиши с темными окнами стоял молчаливый. Ребята постучали сначала в дверь, потом Король обошел окна. Они удивились странной тишине, в доме не ощущалось признаков жизни.

«Куда же они подевались?» — вопрошал себя Король. Ему стало тревожно в предчувствии беды. Может, энкаведешники накрыли...

Дверь была заперта, но Король знал способ проникнуть в дом через ригу. Скоро он оказался внутри, открыл незаклеенное окно, втащил упаковку. Залез и Иван. Они понесли свою ношу в жилое помещение, где кровать Вальве и Алфреда, здесь подняли на стол, развязали и сняли мешковину. В ней оказался аккордеон «Вельтмейстер» в футляре. Когда Король открыл футляр и засверкали серебристой радугой клавиши — засияла музыка!

Заря выдалась красивой. Солнце, вышедшее вдруг из-за вершин елей, озолотило белоснежное пастбище, кустарники, дома, пристройки, а маленькая, уже не замерзающая, тихая речушка отражала в зеркале воды кусты можжевельника на берегу.

Солнечные зайчики весело играли на перламутровых клавишах «Вельтмейстера»; те же, кто этот красивый инструмент сюда доставил, рыскали по дому в поисках чего-нибудь съедобного. Нашли соленые огурцы, хлеб, молоко — достаточно. Позавтракали. А дальше что? Остаться здесь?

А как им хотелось увидеть и пережить вместе с Алфредом и удивление и радость! Конечно, предстояло бы рассказать легенду о приобретении «Вельтмейстера»... Но ведь и вправду, там, где аккордеон никому не нужен, они обязаны за него работать по хозяйству, батрачить, выполнять каторжную работу, поскольку там-то работники как раз очень нужны. «Вельтмейстер» — не нужен, работники — нужны. Разве нелогично? И совсем нелогично, что где-то, куда даже свет не доберется, валяется инструмент, способный вызвать радость и любовь. Король не сомневался: аккордеон вселил бы в Алфреда прежнюю жизнеспособность,

словно сгоревшую в доме у реки вместе со старым инструментом.

Они обратили внимание на признаки поспешного сбора хозяев: настолько все в беспорядке, вещи разбросаны. И решили так, как им подсказывала интуиция: Алфред и Вальве куда-то перепрыгались. Куда? Пойти к соседям расспросить Король не решался. Он понимал, что они могут и не знать, куда перепрыгались. Алфред, не станет же он о том всему миру рассказывать.

Поскольку в доме валялись личные вещи Алфреда и Земляники — вещи первой необходимости, которые не бросают, когда уезжают насовсем, Король решил, что они сюда еще вернутся. Поэтому инструмент они уносить не станут, неловко его вернуть туда, где он лежал в таком светонедоступном месте... Сами же решили идти к себе в свой лес, а то поди знай, что там еще способна натворить эта чертова ворона. К тому же нигде не чувствует человек себя так вольно, как дома.

Когда они выходили из риги, из-за дома выскочили мужики, одетые в полушубки. Наставив на ребят винтовки, скомандовали:

— Руки вверх!

Ошарашенные друзья послушно подняли руки.

Подшли еще двое, одетые тоже в гражданское, и Король не поверил глазам своим: один из них — старший инспектор криминальной полиции, господин, теперь оперуполномоченный милиции, капитан, товарищ Лыхе, а другой... Другой был Векшель.

Потрясенный Король тарачил на него глаза: неужели он тогда обознался и на сосне висел не Векшель с высунутым почерневшим языком? Но ведь на нем то же пальто, и оно так же, как и там, застегнуто на все пуговицы. Король с выражением страха и сомнения глазел на Векшеля, словно на привидение, и Лыхе

спросил у него, чего он так пялится на человека. Тут же, узнав Короля, он вскрикнул радостно:

— Ого! Старый знакомый! Похититель подметок! Но что это он на вас смотрит, будто покойника увидел? — повернулся к Векшелю.

— Я тебе не понравился? — в свою очередь, поинтересовался и Векшель и разрешил: — Опустите руки. Так что ты на меня уставился?

— Вы... — прошептал Король и замолчал в замешательстве. Потом произнес растерянно: — Вы же... утонули? Там, у Лаямадала. Еще тогда.

Он чуть не брякнул, что на шее у Векшеля тогда веревка болталась.

— О чем это он? — удивленно поинтересовался Лыхе.

Векшель саркастически рассмеялся, он торжествующе вскричал:

— Не-ет, милоч! Векшель — везде Векшель! Векшель в огне не горит и в воде не тонет. Векшель был, есть и будет всегда! А теперь... Где остальные?

Король и Иван будто не понимали — кого имел в виду вечный Векшель. Когда же им разъяснили, признались, что не знают.

Лыхе приказал, чтобы ребята «шагали» с ними. Все направились к соседнему хутору. Беззубых стариков не оказалось. Старик повез в город Алфреда, а где старуха — кто ж ее знает! Эсмеральда присутствовала и тоже, оказывается, ничего не знала. Она, мол, только что из города приехала, она здесь постоянно не живет, так что... городская она. Но лошадь — да, это она знала, в деревне имеется, и указала на дальнюю усадьбу. Туда теперь все и отправились.

Здесь владелец лошади тоже, конечно, старый человек. Велело ему начальство запрягать, чтобы отвезти пленных в Кишмялягушки, где якобы дожидалась грузовая машина. Относительно населения Курино

Носа этот старик тоже ничего сказать не мог: он старый, такой старый, что ничем не интересуется, а кто ничем не интересуется, тот ничего не знает.

Раздался громкий смех истребителей.

— Глянь-ка! Умора! Сам ростом-то... а тянет, как большой!

Мужики хохотали над Иваном, тот не реагировал — курил спокойно, степенно, паф-паф, выпускал дым, глядя исподлобья, чуть прищулив один глаз. Потом он лежал на розвальнях рядом с Его Величеством позади хозяина лошади. Векшель, Лыхе и истребители бежали рядом с розвальнями — гуманно, конечно. У немцев бы наоборот. Иван доволен: хоть полежать можно. Король же соображал, что, оставив грузовик, в Прятки истребители пришли пешком, чтобы не привлечь внимания случайных встречных.

Иван, чтобы согреться, прижался к Его Величеству, которого одолевало невеселое предчувствие: представлялся Скелет в штабе истребительного батальона, врезавший ему однажды кулаком знакомства ради. Туда ли доставят?

Иван созерцал красоты леса и подумал, что в родной деревне у него такой же лес имеется — не хуже, может, даже лучше, потому что свое — оно свое и есть, и оно ближе к сердцу, роднее. Когда он еще бегал по своей деревне, то на природу не обращал внимания, на острове же привык видеть все по-особенному, по-королевски, ведь его друг каждому кусту и валуну кланяется. Красиво здесь — не поспоришь. Но для Ивана все-таки чужое. Если бы не Король... Если бы не Лилиан...

Но теперь видит Иван местную природу как бы глазами своих друзей, и поэтому она и здесь, как своя, потому что, когда кого-нибудь любишь, становится милым и то, что мило тому, кого любишь. А Маленький Иван понимал, что любит он и Его Величество Короля,

и... еще больше Лилиан Вагнер, несмотря на то, что та немка.

Поэтому край этот островной, каменистый и мшистый, по душе Маленькому Ивану. А что дикости встречаются, убивают друг друга, так и дома то же самое, а то и почище...

К бегущим рядом с развальнями, особенно к Векшелю, Иван почувствовал презрение. Таких он мог бы и убить, он мог бы за Короля даже жизнь отдать. Солдаты, с которыми он на остров приехал, говорили ему, что на фронте умирали за Сталина. За королей подданные тоже нередко отдают свои жизни... Впрочем, феодальные порядки Ивану не очень известны. Но солдаты говорили ему, что с Маленьким Иваном готовы идти в разведку, а значит, его считают надежным, значит, на него можно положиться. Затягиваясь дымом из трубки, Иван решил: и Король Люксембургский тоже может во всем на него положиться.

Лыхе с Векшелем попробовали расспросить Ивана о его сущности: кто такой, откуда взялся? К удивлению Короля, Иван заговорил по-русски так, что и он ничего не понимал, когда обычно кое-что на языке Ивана все же разбирал. Но Векшель и Лыхе ровно ничего не могли понять из того, что им как будто на русском языке объяснял Иван, забывший начисто эстонский, которому его так заботливо-терпеливо обучала Лилиан...

«Бандитов» доставили в отделение милиции на Замковой улице, здесь Королю по зубам еще не давали, потому что здесь он еще не бывал.

Сидевший с важным видом у телефона дежурный беспрестанно крутил ручку аппарата; пытаюсь с кем-то связаться, он кричал в трубку беспокойно: «Алло! Алло!», и у Короля создалось впечатление, что все дежурные везде сидят у телефона и кричат «алло». На «бандитов» дежурный внимания не обращал. Лыхе и

Векшель, сдав их сюда, ушли. Лыхе скоро вернулся, поманил пальцем Ивана:

— Ты иди.

Иван как бы не понял, что от него требуют, полез в карман за трубкой... Тогда Лыхе повторил:

— Ты можешь идти домой. Иди, иди! — подталкивая Ивана в спину, вытолкал его вон.

Сложный процесс полицейско-милицейской логики пока еще не был доступен пониманию Короля: почему одного Ивана отпустили? И остался Король в ожидании неприятностей. Боялся ли он? А как же!..

Алфреда в это самое время уложили на носилки в подвале городской больницы. Сопровождавшие его Вальве и старый фельдшер из Кишмялягушки ушли, но он этого не осознавал, как, наверное, не осознавал и их присутствия...

За Королем вскоре пришли. Два милиционера повели его в ту уже известную «тюрьму», втокнули в ту же самую камеру, в которой однажды Алфред познакомился с пресловутым Рууди. Не успел он здесь осмотреться, открылась дверь, и дежурный милиционер протянул ему примерно четверть буханки городского черного хлеба, на хлебе поперек валялась не слишком упитанная селедка. Король Люксембургский очутился в заключении.

Грустную ночь провел здесь Его Величество. Хотелось пожаловаться кому-нибудь на несправедливость жизни. Но и чувство собственной вины не давало покоя: он не сомневался, что его заточили за аккордеон. Потом его мысли перешли к другим сложным думам о жизни, в частности к Марви, а от нее — к Энде, к «сложным» потому, что здесь его чувства раздвоились. Однако его душевная мятежность не помешала настроиться на обычный, свойственный ему романтичный лад, и уже он Ринальдо Ринальдини *,

* Итальянский Робин Гуд.

но... Ринальдини не однажды бежал из тюрьмы, а он, Король?

Посмотрев на решетки, на дверь, обитую железом, он понимал: не выбраться. Вспомнилась Ангелочек: наверно, так же была в одиночестве в своей камере? Из коридора доносились звуки, хлопали-гремели двери, раздавались голоса людей, какая-то жизнь его окружала. Но он был один со своим несчастьем и селедкой, так что ничего более не оставалось, как съесть ее. Он сидел на нарах, грыз селедку и гадал: вернулся Иван в их Дом Вороны в лесу Смолоспуска? Или... Ему представилось, как Иван сидит у Лириан и делает уроки... От Ивана его мысли перескочили в нагрудный карман рубашки под свитером: фото Марви все еще не исправлено, ухо не приклеено. Но как бы с нею ни образовалось в дальнейшем, хорошо, что в тяжелую минуту она с ним. Все-таки не так одиноко. С думами о Марви и Энде он уснул.

Самый сладкий сон, это все знают, бывает под утро. Мудрые люди объясняют это просто: к утру съеденную вечером селедку желудок уже обработал, даже кишечник, куда селедка затем попала, препроводил ее до того места, где она, навеки успокоенная, ждет своего последнего назначения; в связи с этим, поскольку организму теперь делать более нечего, он тоже успокоится, давая возможность расслабиться каждой клетке в человеческой жизненной механике, отчего и спит он в это время наиболее спокойно. Именно в тот самый сладкий сон открылась со скрипом дверь и в камеру вошли люди.

Король проснулся и увидел, что за окном уже светло. В камере стоял человек в кожаном пальто и дежурный милиционер. Человеком в кожаном пальто оказался Рииз.

— Где твой Алфред? — спросил Рииз прямо, и не сказать, что вопрос прозвучал вежливо. Король отве-

тил, что не знает, и говорил правду. Такая правда Риизу была не нужна, она ему не нравилась, потому-то он и объявил сердито:

— Ты врешь? Что ж, не хочешь сказать правду, пойдешь туда, откуда не возвращаются.

Обозвав Короля негодяем и мерзавцем, он вышел. Дежурный захлопнул дверь.

Королю подумалось, что происходящее ему только что снилось, настолько показалось оно нереальным. Затем ему дали возможность избавиться от ожидавшейся последнего назначения селедки. Едва он это сделал, за ним пришел так называемый боец истребительного батальона и повел Короля в штаб. Здесь опять поставили в угол, где он ждал появления того, с кем уже раньше в этом доме «познакомился»,— Скелета. Тот пришел, обыскал Короля, нашел фотографию Марви и, внимательно взглянув на побледневшего пленника, глумливо рассмеялся:

— Это кто? — показал всем присутствующим фото.— Это твоя любовь? По-твоему, она красива? С одним ухом к тому же...

В большой комнате, как и тогда, кроме дежурного, несколько бездельников играли в карты и всем было чертовски весело: они хохотали и тянулись к фотографии, рассматривая святыню Короля. Так же, как и тогда, вошла женщина, та самая, совавшая Королю в карманы яблоки, которым он гордо дал упасть на пол. Теперь она подошла к тем, кто разглядывал фото Марви, тоже взглянула, потом на Короля, выхватила у мужчин фото и протянула владельцу.

— Твое? Спрячь. А вы!..— обратилась к мужчинам.— У вас разве нет чьей-нибудь фотографии у сердца? Или нет сердца?

Мужчины еще смеялись, но уже смущенно, вообще-то они сердце имели, хотя фото в кармане вряд ли носили. Но ведь у некоторых из них уже дети бегали.

А сердца-то все-таки были, потому и смех их звучал как-то принужденно. И долговязый Скелет поспешил увести Короля.

— Пошли, пошли, рассмешил тут всех.

Они вышли из штаба и направились к коричнево-му дому, тому самому пресловутому в понимании бесконечно освобождаемого народа с вывеской «МГБ», называемый, однако, населением по-старому — «НКВД», и действительно, большая ли разница от замены вывески?

Скелет оставил Короля в коридоре, у двери какого-то кабинета. Прошли двое в шинелях, вошли туда. Затем пригласили и Короля.

Из военных один офицер, русский, другой — эстонец, ему переводил. Опять спросили, где Алфред. Король ответил, что не знает, потому что Алфред — сам по себе, а он, Король, — сам по себе. Так и живут.

Почему? Да потому, что Йентс — бледная немочь, мамин сыночек и ему никакой не брат, а землянику он любит лесную.

Где же тогда живет Король?

Что за вопрос? Во дворце, разумеется, в собственном. Однако Король не захотел сказать про свой дом в лесу Смолоспуска, потому правдоподобно соврал, что живет:

— На Сааре.

— А кто сейчас еще проживает на Сааре? — спросили у него, и он перечислил всех, включая Вилку.

Офицер с переводчиком переговаривали на марсианском языке, переводчик стал надевать шинель. Русский, тоже одеваясь, сказал Королю:

— Что ж, поедем на Сааре.

Когда они вышли из коричневого дома, у подъезда стоял тот самый черный «мерседес», за рулем сидел мрачного вида дядя. Если всю зиму преобладали обильные снегопады, сейчас моросил мелкий дождь

вперемешку с редкими снежными хлопьями. Поначалу ехали молча. Королю вспомнилось, как удалось ему впервые прокатиться на легковушке — когда в немецкое время арестовали Ангелочка; тогда в машине все говорили по-немецки. В немецком Король не был силен, по-русски же уже понимал: говорили про Рууди и его Терезу, где-то кого-то убили, кого-то ограбили, что особенно, мол, свирепствует Тереза.

— Интересно бы посмотреть, что она из себя представляет,— заметил водитель. Русский капитан сказал ему, что пусть попробует назначить ей свидание, раз такой любопытный.

Всем стало смешно. Королю не представлялось, что возможно идти на свидание с Терезой-убийцей, ведь на свидание ходят, чтобы целоваться, а разве можно целоваться... с Терезой! Переводчик спросил Короля:

— Ты случайно незнаком с этой дамой?

До чего нетактичен может быть иной переводчик!

— У меня своя есть,— ответил Его Величество с достоинством.

Все дружно расхохотались, причем вполне доброжелательно.

Войдя во двор Сааре, Королю показалось странным, что их не встречает Вилка. Вышла из дома Манчита с сильно округлившимся животом. Увидев среди пришедших Короля, засмеялась, потом поздоровалась и умолкла, уставилась на чужих, разинув в удивлении рот. Вероятно, ей вспомнилось, как однажды приходили сюда на хутор немцы. Вышел Манчи. Переводчик обратился к нему:

— Принимай гостей, хозяин, поговорить надо.

Манчи пригласил всех в дом. Уселись вокруг большого семейного стола. Король вспомнил, как здесь однажды Хуго рассказывал о своих похождениях в

России, а Манчита бесконечно восклицала: «Иссанд Юмаль!»

В доме было жарко натоплено, даже мухи ожили. В Звенинога и на Сааре мух всегда в изобилии, летом житья от них нет. Ухитряются и перезимовать. А стоит только натопить посильнее и поставить на столе еду, как тут же налетят — нахлебники! Теперь им фигу показали, этим мухам, на стол ничего не дали: на хуторе уже давно не было семейных трапез. Так что напрасно озирались мухи со стены, разинув рты, единственно и оставалось им, что щекотать в ярости носы присутствующим.

Хуго с Мелиндой дома не оказалось. Манчи объяснил, что Хуго все еще ходит разбирать железную дорогу оборонного значения, которую он, Манчи, уже заканчивает строить. Мелинда же в сельском Совете — секретарь ведь.

Юхан даже не выглянул из своей комнаты, где проводил все свои дни. На зов Манчи он вышел, не поздоровавшись, встал у двери комнаты, облокотясь о косяк, потом уселся на пенек у плиты и начал ломать хворост, словно происходившее его не занимало. Скорее всего, так оно и было, он уже давно не свистел про землю Мулги.

Король озирался, высматривая что-то, и Манчита догадалась, кого он искал, и рассказала, что... Одним словом, Вилки не стало. Провожая на днях Манчи по Сухоместовому шоссе, она попала под машину. И надо же было такому случиться: одна-единственная машина проехала за весь день и одна-единственная собака на дороге стала ее жертвой.

Короля это сообщение потрясло. Он потерял близкого друга, можно даже сказать — воспитателя. Он был настолько подавлен, что русский капитан обратил внимание на перемену в его настроении и спросил у переводчика о причине.

— Собака у них сдохла.

Слово «сдохла» больно ударило по сердцу Короля. А капитан стал расспрашивать про Алфреда. Он не поверил, что никто не знает о месте его пребывания. Собственно, допросом это не выглядело, а как бы убеждением в надежде на нечто этакое сознательное. Капитан ссылался на семейную историю Рихардов.

— Вы посмотрите на самих себя! — восклицал словно попугай, переводчик, вторя капитану. — Сыновья служили в Красной Армии, проявляли отвагу: Манчи, Хуго, Эдгар. Есть награжденные... — Действительно, у Эдгара, как было известно, какие-то медали за брадобрейство на фронте имелись. — Мать немцами в тюрьме замучена (ведь у немцев в тюрьме могли быть только замученные), Сесси расстреляна гестаповцами. Только Алфред — заблудшая душа. Так мало ли что! С кем не бывает — образуется. Зачем скрываться!

Все согласились: да, правильно, конечно. Абсолютно все так и есть — верно. Словно в подтверждение дед с треском сломал толстую хворостину, а переводчик прихлопнул ладонью муху на столе. Но... Где Алфред, никто не знал. И это тоже было верно.

Махнув рукой (переводчик тоже махнул рукой), капитан встал из-за стола и вышел. Даже не попрощался. На него никто за это не обиделся. Также и на переводчика, который тоже ни с кем не попрощался. Что с него взять: он во всем повторяет начальство.

Короля они словно забыли взять с собой, уселись в машину и уехали. Означало ли это, что Его Величество свободен? Вероятно, так, что же другое?

Король остался на Сааре. Неуютно ему здесь, одиноко. Все живут парами, дед нелюдим. Вилки нет. Манчита предложила поесть, и он, конечно, согласился. Уже много времени прошло, как расстался с сеledкой. Ему дали хлеба с маслом, молока. Короли к

молоку относятся уважительно. Он ел и гадал: даст ли Манчита ему что-нибудь из еды с собой? Да, он решил идти в свое имение в лесу Смолоспуска, на хутор Вороны, а хлеба там мало осталось.

Его никто не удерживал, никого не интересовало, куда он намеревается идти. На Сааре уже давно не было принято расспрашивать, кто, откуда или куда, а к самостоятельности Его Величества привыкли. Манчита дала хлеба, предложила яиц, так ведь побьются...

ГЛАВА XIV

Эдгар и Аида таскали дрова в подвал своего недостроенного дома, им помогал верзила-мужик, привезший два воза. Собственно, это уже второй воз они перетаскивали, когда подошел санитар из больницы. Не сразу дошло до сознания Эдгара, о чем примчался сообщить санитар: он говорил, что в больнице все палаты переполнены, что больные валяются в коридорах, что и там уже негде ставить кровати и даже нет их...

Эдгар недоволен, что мешают разгружать дрова. Пока снег, надо быстрее завозить да и извозчик ждет. Он с нетерпением уставился на санитаря: какие коридоры, какие кровати? Ему-то, Эдгару, зачем это? А санитар продолжал объяснять, что даже на лестничных площадках больные на носилках, на полу, поскольку с кроватями плохо. И вообще в больнице царит такой бардак, что не сказать какой! Потому-то и отнесли Алфреда в подвал, где каптерка, и он тоже лежит на носилках, но матрац у него был, простыня, подушка — тоже. Даже после операции — целых сорок минут длилась — его положили здесь же в подвале на носилки, потому что про послеоперационную палату в военное время и говорить не приходится. Ничего не

поделаешь! В больнице совсем нет порядка и врачей приличных мало, все поудирали в Швецию или еще куда, так что теперь в Швеции хороших врачей пруд пруди, а здесь даже приличных санитаров не осталось...

Эдгар озадаченно уставился на пришедшего: как быть? Пригласить этого болтуна в дом или пусть тут же на улице и расскажет обо всем? Эдгар отличался исключительной экономностью...

Аида тоже была экономна. Все же она сочла неудобным так вот стоять у воза с дровами и ждать, когда санитар закончит свой рассказ. А он и не думал заканчивать, он говорил о каком-то человеке, который умер, а родственники, естественно, забрали его, хотели в гроб уложить, но тот зашевелился, оказывается, не умер, и стал ругаться. Такая сволочь неблагодарная! Алфреда же, когда привезли, уложили рядом с ведьмой, которая варила дома снадобье для привораживания и совершенно случайно опрокинула котел на свою же задницу. Обварилась, конечно...

Эдгар пристально посмотрел на Аиду. Ему почудилось, что она готова предложить санитару чашку кофе, если этот пакостный напиток из смеси черт знает чего может называться кофе. Напитка, вообще-то, не жалко, но к нему ведь полагается еще что-нибудь предложить, а как все дорого — трудно достается! В магазинах — только по продовольственным карточкам!..

Санитар же рассказывал теперь уже о том, как Алфреду снилось, что китайцы... небольшие такие китайцы бесконечно маршировали по его груди, по животу, лазали через него в течение вечности, им почему-то необходимо было, всем китайцам, перелезть через Алфреда; он пробовал их сосчитать и насчитал, что через него прошагало пятьсот тысяч китайцев, но конца им не предвиделось; пока первые сотни тысяч

китайцев успевали прошагать по Алфреду, у ожидавших своей очереди родились дети, их все прибавлялось, так маршировали бы они через Алфреда бесконечно, если бы...— санитар приумолк, вздохнул и закончил: — Если бы он не умер.

— Кто? — не дошло до Эдгара.— Китаец?

— Алфред же,— ответил санитар,— так что те китайцы, которые в очереди стояли, которые родились... Им и врачи никак помочь не могли, потому что не осталось приличных врачей, а началось заражение крови, по артерии пошло, и добралось до сердца. Относительно китайцев Алфред только и успел прошептать, что очень их много и они не успеют через него пройти...

— Если вы не против,— послышался в дверях низкий хриплый голос,— я пока занесу...

Мужик, привезший дрова, подошел незаметно, ему надоело торчать возле лошади, своих дел в городе у каждого достаточно, а ведь никто не считается со временем другого.

Эдгар засуетился: надо дрова заносить. Но оставлять Аиду с санитаром рискованно — еще вздумает угощать. Извозчик же не знает, куда нести дрова: он привык к сараям, а тут... в подвал. Санитар, однако, не выказывал, что близится конец его повествованию. Эдгар слушал его вполуха.

Наконец чертов санитар выговорился. Когда он ушел, Эдгар вернулся к возу. Аида взглянула на него укоризненно, но он велел ей идти смотреть, нужно ли носить дрова на кухню для плиты или там еще есть. Он понимал молчаливый упрек жены, но согласиться не мог; если Алфред умер, спешить некуда, покойника не украдут и сам он тоже не убежит. А хозяйство... Аида могла бы и сама, но надо скорее, чтобы мужик имел настроение привезти еще воз.

Потом Эдгар переоделся и отправился не спеша в больницу. Думал, пытался вспомнить брата в детстве, в наиболее яркие минуты их жизни на Сааре. Как-то нетепло отозвались в душе воспоминания, слишком они с братом разные. Все в семье Рихардов не очень близки друг другу. Вслух об этом лучше не признаваться, особенно при посторонних, хотя и у них... разве иначе? У Эдгара давно зародилось подозрение, что единство — везде в мире явление исключительно редкое. Он приписал это отступлению людей от веры: без Бога нет единства.

Вдруг он прибавил шагу: санитар как будто говорил о подозрительном сброде, пристроившемся в больнице в качестве санитаров, и обворовывают они больных и даже покойников, если на них хорошая одежда. Эдгар пошел быстрее: этот Алфред одежду в шкафах не берег, все на себя напяливал. А вдруг он там в хорошей одежде?..

В больнице действительно царил образцовый беспорядок, никто ничего не знал; было не понять, кто здесь кто — смесь разнообразного одеяния из белых халатов, гражданских костюмов, военных мундиров. Везде кровати, носилки с больными. Эдгара, как и объяснил санитар, направили в подвальный этаж, здесь тоже шныряли личности в грязных халатах поверх тельняшек, чубатые, с золотыми зубами, на руках татуировки.

— Кто ищет что? — пристал к Эдгару один такой с «солнцем», наколотым на руке. Учтывая «идеальное» произношение эстонских слов человека с «солнцем», Эдгар вежливо на столь же идеальном русском языке ответил, что ищет своего брата. Однако субъект настойчиво домогался ясности именно на эстонском:

— Что ищет кто здесь кого?

Догадавшись о смысле вопроса, Эдгар на этот раз

по-эстонски объяснил, что является братом Алфреда Рихарда, которого всевышний призвал к себе.

— А, звал? — понял человек с «солнцем». И закончил свою мысль уже по-русски: — Пускай... Можно. Разрешается...

— Он скончался, он уже «там», — уточнял Эдгар терпеливо.

Человек с «солнцем» хмыкнул и привел Эдгара к каптерке. Слава Богу, хоть кладовщик оказался местным. Эдгару отдали одежду Алфреда, и выяснилось, что он верно догадался насчет нового костюма. Субъект с «солнцем» посмотрел на костюм с интересом, даже будто с удивлением спросил:

— В этом будете хоронить?

Эдгар смутился, растерялся, вспомнив рассказанное санитаром.

— Этот не подходит — серый. Надо черный.

Но где же Алфред?

— В погребе, — сказал человек с «солнцем».

— Они в помещении, что в конце подвала, — объяснил кладовщик и добавил: — Покойники.

Кладовщик вспомнил, что Алфреда только недавно искали люди из коричневого дома. А Алфред... Он сильно мучился, кричал, но к нему даже не подходили — все равно нечем было помочь из-за отсутствия лекарств.

В «погреб» покойники лежали рядами на полу, Эдгар узнал брата только благодаря отсутствию большого пальца на правой ноге. Лицо Алфреда наполовину залито кровью, наверное его рвало сукровицей перед кончиной; черная полоса от подбородка до левой стороны груди — след заражения крови.

Эдгар раздобыл ведро, воду, у кладовщика взял тряпку и вымыл лицо Алфреду. Потом отправился домой. Велел Аиде найти свою старую черную пару.

— Которая с замшевым воротником.

— Пиджак же весь в заплатках,— удивилась Аида.

— Кто их в гробу рассмотрит? — объяснил Эдгар разумно.— Хоронить полагается в черном.

Но как им быть с Вальве Земляничкой? Надо ли ее отыскать и, если надо,— как? Аида считала, что было бы прилично, если, конечно, сумеет как-нибудь это сделать. Потрудней оказалась задача известить население Сааре. Регулярного сообщения на Острове не существовало, население передвигалось кто на чем. Эдгару повезло: ему удалось дозвониться в сельсовет из исполкома города, где секретарствовала Мелинда.

За Алфредом приехал Юхан на старой Серой лошади. Он привез гроб, сделанный Хуго. К столярной работе Хуго никогда не проявлял интереса, но на гроб его умения хватило. Всех занимал вопрос: где Король? На похоронах Алфреда присутствие Его Величества обязательно.

Слух о смерти Алфреда обошел все усадьбы Звенинога, дошел и до хутора Нуки. В результате от Элмара и узнали про Дом Вороны в лесу Смолоспуска. Элмар сам вызвался показать дорогу. Но кому? Кому идти с ним во дворец Короля?

У всех, конечно, дел полно, а Юхан ни во что не вмешивался, сидел на табуретке рядом с гробом, смотрел на Алфреда, молчал. Никто не решался его потревожить, он был недосягаем в своем одиночестве. Манчи отправили в Карула — за Земляничкой. Остался Хуго, но его не пустила Мелинда, заявившая авторитетно, что стоит ему немного промочить ноги, как тут же насморк; поскольку говорила она веско и все знали, что она права,— а Манчита по причине беременности обсуждению не подлежала,— пришлось самой Мелинде и отправиться в путь с Элмаром. А добираться до Дома Вороны им предстояло почти что вплавь...

В то самое утро, когда из Звениного выехал Юхан за Алфредом, из дома Вагнеров вышли Лилиан с Иваном и отправились в отделение милиции на Замковой улице. В руках они несли котомки, у одного одеяло, у другой продукты. Лилиан была возмущена задержанием Короля и всю дорогу восклицала, что нет такого закона, чтобы арестовывали безвинного. Но кто когда-нибудь устанавливал законы для тех, кто сам их олицетворяет? В отделении они задержались недолго, вскоре вышли и побежали на улицу Новую к коричневому дому, здесь Иван остался на всякий случай ждать, Лилиан вошла в подъезд. Они и в этом доме пробыли недолго.

— Куда теперь? — спрашивала Лилиан недоуменно, когда вышла из коричневого дома с известием, что их друг оставлен на свободе. Именно «оставлен на свободе», без уточнения — где именно. То есть Лилиан сказали небрежно, что да, «этого» отпустили, не сказав, как это произошло. Тогда Иван вслух рассудил, что, поскольку Король у Лилиан не объявился, страшась, по-видимому, как обычно, старого Вагнера, он мог идти единственно в Дом Вороны. И потянул Иван девушку за собой. Вскоре они оказались на дороге, ведущей в сторону Святой церкви, лесного кладбища и леса Смолоспуска.

— Ты с кем больше... дружна? — задал Иван, запыхавшись от быстрой ходьбы, такой странный и непонятный вопрос. Тем не менее она ответила:

— Ну, когда ты у нас... помогаешь отцу, тогда... А сам ты с кем больше дружишь, с ним или со мной? — спросила прямо, без обиняков.

Иван смутился, стал заикаться, и голос пропал. У него не было таланта вранья, как у Короля, поэтому честно ответил:

— Когда я у... вас, — к нему хочется, он один... ему скучно. Но когда я с ним — к вам хочется.

Лилиан весело расхохоталась и сказала, что в таком случае им надо всем вместе жить, чтобы никто не скучал.

Навстречу дул сильный ветер, и двигаться в месиве талого снега стало нелегко.

Его Величество в это самое время трудился с непередаваемым удовольствием: заготавливал дрова. По колени в мокрой снежной каше он бродил в лесу вокруг Дома Вороны, выскивая сушняк; повалив, распилив, волоком тянул добычу к дому. Здесь распиливал на куски помельче, заносил внутрь и укладывал в кухне. Неестественно держать дрова в кухне, но в данном хозяйстве кухня не была кухней в прямом смысле этого слова. Скорее подсобка, в которой хранились и вода и дрова.

Он конечно же никого не ждал. С Иваном, как уже раньше отмечено, они друг от друга независимы, каждый поступал, как хотел, находился там, где хотел, и Король не сомневался, что Иван находится теперь у Лилиан. Он, правда, не допускал мысли, что Иван на хутор Вороны больше не придет — придет, но позже, когда ему станет известно, что Король на свободе. Еще в глубине души он не исключал возможности, что и Алфреду однажды, может, понадобится воспользоваться гостеприимством его Дома. Главное же ему нравилось быть хозяином, ему нравилось что-то делать в собственном хозяйстве.

Что касается Франца, тот сидел на столбе и словно следил за его делами с насмешливым выражением своей вороньей физиономии. Король к этому деревянному чудику относился с недоверием. Всякий раз, идя из леса, он ожидал увидеть, что его опять нет на столбе. Главное, чему он немало удивлялся: с появлением у него деревянной вороны перестала его преследовать живая.

Разделавшись с очередной порцией сушняка, Ко-

роль садился во дворе на чурбан и с удовольствием обзирал свои владения. Он озабоченно изучал крышу дома, покрытую толстым покровом снега. Его заботило: куда денется вода, когда снег на крыше растает? И Король удрученно чесал себя за ухом. Ему все чаще казалось, что этот дом он раньше где-то уже видел, хотя с Ангелочком они сюда не приходили, это точно.

Когда пришли Лилиан с Иваном, хозяин трудился недалеко от дома.

— Ворона заколдованная, — объяснил Иван своей подруге сущность Франца, который как будто даже показал им язык, а Иван не мог припомнить, сделал Элмар вороне язык или нет, — она даже в дом ходит, по мешкам шарит, ноги моет.

Лилиан удивленно таращила глаза на жизнь друзей в их сказочном лесном доме. Она и сама напоминала сказочного персонажа — изящная принцесса с длинными золотыми кудрями, украшенными, словно короной, небольшой желтого цвета вязаной шапочкой. Рядом с ней этот мужичок с ноготок, закуливший трубку, смотрелся странно и смешно. А то, что Иван курил, принцессу стало раздражать. Первое время она относилась к этому снисходительно, ее даже забавляло, когда старый Вагнер с Иваном — старый и малый — рядышком запаливали трубки. Но табачный дым настолько прокоптил белоснежные гардины в кухне, единственно, где им позволялось курить, что стало невыносимо. И стала она с ними воевать. Перебранки старого Вагнера с дочерью проходили обычно на немецком языке. Иван догадывался о предмете ссоры, и ему было неловко.

Подходя к дому, волоча засохшую жердь, Король увидел дым из трубы, означать это могло только одно: пришел Маленький Иван. В мозгу Короля бессознательно зародились всевозможные версии его по-

бега из тюрьмы, такие же, как те, что совершал Ринальдо Ринальдини: он сбежал, когда его повели в штаб истребительного батальона, конвой открыл стрельбу, его чуть было не ранило, пули свистели мимо... Хотя нет, лучше так: он бежал из самого штаба! Это более эффектно!

Король вошел в кухню, и началась всеобщая радость. Принцессу Лилиан в своем доме Король увидеть не ожидал.

— А мы тебя в эмгембе искали,— испортил Иван Королю все версии побегов,— сказали, что тебя отпустили, мы и пришли.

Ох уж эти эмгембешники! Король возмутился: у кого там язык чесался! Но он же все-таки был в тюрьме! Этот факт тоже что-то стоил. И от вранья настоящие вруны так легко тоже не отказываются.

— Если бы не Вилка! — произнес он, уставившись на друзей скорбным взглядом, и непередаваемо печально вздохнул.

Ивану с Лилиан стало ясно: случилось что-то ужасное.

— Что?! — в один голос вскрикнули друзья.

— Застрелили челов... собаку,— произнес Король и выдавил две скупые мужские слезы.— Она на них набросилась. Когда меня привели на Сааре, чтоб я показал, где прячется Алфред. Ну... Я сбежал. Они — за мной, а тут Вилка...

— Да-а,— заключил Иван глубокомысленно,— вернее собаки друга не найти. Наша Лохматка председателя тоже...

— Жалко твою Вилку,— промолвила Лилиан грустным голосом, но ее глазенки, несмотря на грусть в голосе, смотрели на Короля весело,— та-ак жалко ее! Хоршая была собака.

Король подозрительно на нее взглянул: откуда ей

известно, какая была Вилка, если они никогда не встречались?

— Это я ворону сделал,— похвастался Элмар, когда они с Мелиндой подходили к Дому Вороны.

— Эту уродину? — презрительно скривила губы Мелинда.

А ворона на столбе смотрела на своего создателя несколько злобно. Элмар ее такой не помнил.

— Значит, здесь? — не столько спросила, сколько подтвердила Мелинда, и они вошли в дом. По дороге они с Элмаром решали, сказать ли сразу Королю, что умер Алфред, или... Сказали сразу.

Иван робко взял Короля за руку, как-то механически, словно, подчинясь импульсу. Другую руку Короля схватила Лилиан. Элмар смущенно молчал, Мелинда с жалостью смотрела на Его Величество. А Королю представился мертвый солдат, из-под которого выбегала красная змейка, еще представлялась Эльна на дне моря, по ней ползали раки, над ней плавали рыбки, а ей было все равно; Алфред же улыбался,— таким представился Алфред, игравший на аккордеоне: когда он играл, всегда улыбался.

Направляясь на Сааре, когда поравнялись с хутором Нуки, Элмар неловко протянул Королю руку и признался, что боится покойников.

Кто бы подумал!

У ворот Сааре стояло множество саней с разномастными лошадьми. Впереди Мелинда, они вошли во двор. Гроб уже установили на двух скамейках у бани, где Алфред обычно подстригал звениноговских мужиков. Вокруг стояли хуторяне из ближних дворов. Вальве и Йентса не было, не нашел их Манчи в Карула, а до Прятки далеко, не успел бы обратно. Во всяком случае, так он объяснил, хотя позже ходи-

ли слухи, что в Карула он и не ездил, что его с Эйнаром видели в поселке у Брюквваозера, а ведь и вправду, когда он вернулся к похоронам, Манчите показалось, что от него подозрительно пахнет. Но пахло и от некоторых других мужчин, на похоронах такое бывает.

Эдгар с Айдой, конечно, присутствовали. Что удивительно — приехал Лоцман Счастья. Пожалуй, он больше всех выглядел подавленным, словно ушел из жизни самый близкий его друг. Говорили, что Лоцман Ветер испытывал к Алфреду чувство благодарности: будучи в самообороне, Алфреду удалось предупредить Ветра о намерении Майстера допросить Лоцмана Счастья в гестапо по жалобе какого-то «честного друга» фюрера, чью дочь Ветер неудачно просватал. Впрочем, достоверно никто ничего не знал.

Погода оставалась пасмурной, то моросил дождь, то падали редкие мокрые снежинки. Юхан стоял в изголовье гроба неподвижен и безучастен, насупившись, смотрел на происходящее вокруг. А ведь давно ли было, когда они вдвоем с Алфредом хоронили Сесси... Эдгар оказался прав: от старого черного костюма действительно только воротник с лацканами пиджака и были видны, белая рубашка с черным галстуком гармонировали с мраморной бледностью лица покойного. На укрывавшей покойника белой ткани лежали венки из еловых веток, ими же усыпали двор и отметили путь Алфреда от ворот Сааре до большой дороги.

Короля подпустили-подтолкнули к гробу, он встал в ногах Алфреда. Так и стояли: в изголовье старый Юхан, в ногах — молодой Король. Он хмурился и словно стеснялся смотреть на людей, он вспомнил, как размышлял на веранде дома у реки: кто будет его защищать, когда не станет Алфреда? Теперь этот час настал. Он вопрошающе смотрел на лицо Алфре-

да — оно казалось незнакомым, ко всему в мире равнодушным, чужим... И оно больше, чем само слово «смерть», говорило Королю: нет больше осмотрительного Алфреда, а на хуторе Куриный Нос остался на столе аккордеон «Вельтмейстер».

Гроб подняли на розвальни. Серая лошадь, когда-то привозившая семью Алфреда, теперь готовилась увезти его в последний путь. Все женщины плакали. Потому можно считать доказанным, что не только смех является языком международным, но и плач тоже, во всяком случае, Иван как-то подозрительно шмыгал носом. Только Король и Юхан оставались невозмутимыми.

За воротами Сааре выстроился похоронный кортеж. Манчи сидел рядом с гробом, свесив ноги, правил. За розвальнями шли Юхан и Король, за ними односельчане, замыкали процессию Лилиан и Маленький Иван, которому еще сравнительно недавно и во сне не снилось, что судьба занесет его в чужой для него край на похороны чужестранца. С Юханом пытался заговорить Прийду с Рямпли, Юхан, считай, не услышал.

Медленно преодолевала процессия расстояние в снежном крошеве. На шоссе ее обгоняли грузовики, беспокоя некоторых менее опытных лошадей, но не Серую, которая на них уже не реагировала. Все ко всему привыкают, и люди и лошади, даже к тому, что не нравится, саареской лошади не нравились машины и не понравятся никогда; если бы она умела выразить это словами, наверное, сказала бы.

У Святой церкви присоединился местный пастор. Завернув на дорогу, ведущую к воротам Святого кладбища, Манчи соскочил с розвальней, пошел рядом. Гроб занесли на простынях.

Как всегда, из года в год, зимой и летом, днем и ночью шумели на ветру спокойно-величаво высокие

сосны. Прийду, Юхан, Манчи и Хуго принялись копать рядом с могилой Сюзанны. Как известно, земля здесь добрая, смешана с мягким золотистым песком, кирка, лом и теперь не понадобились. Могилу выкопали быстро.

Пока копали могилу, Короля опекали Лириан и Иван, рядом Мелинда озабоченно думала о предстоящем на днях собрании волостного исполкома, ей предстояло выступать, а что... о чем говорить? Взять это в толк она была не в состоянии. Ей сказали, чтоб рассказала о невыполнении продовольственных норм, о чем-нибудь еще, хотя бы о строительстве железной дороги оборонного значения, словно это ее вина, что работа по разборке дороги продвигается слабо. Для чего, спрашивается, существуют эти бездельники-агитаторы, которые должны разъяснять всем и везде большие задачи сталинских пятилеток?!

Могилу вырыли, перекинули через нее две доски, поместили на них гроб. Настала очередь пастора сказать последние прощальные слова напутствия Алфреду — уж скольких прихожан, уходивших в вечность, напутствовал он. И говорил он святые слова про Всевышнего и Его любовь, о всепрощенье и вечном покое. Мужчины слушали привычно молча, женщины вытирали слезы.

Мелинде не до слез, она озабочена не вечностью, а своим предстоящим докладом. Пока пастор читал проповедь, она пыталась сосредоточиться, соображая, о чем ей еще сказать. Проповедь пастора отвлекала — совсем другая тематика. От нее требуют организационной работы среди молодежи, а какая она должна быть, эта работа? Ее уже упрекали, что молодежь на селе неактивно участвует в строительстве нового общества, не ходит на собрания, что идейно-политическая ориентация низка, газет, журналов не читают, политической литературой не интересуются, даже худо-

жественной перестали. Многие находятся под влиянием националистически настроенной молодежи...

Бред собачий! Слова без содержания. Немцы призывали построить новую Европу, теперь заставляют строить новое общество — всем все новое подавай. Из чего, из кого? Ведь никто же этим всерьез не интересуется.

— ...В присутствии многого народа,—врезался в мысли Мелинды нудный голос пастора, стоявшего с Библией в изголовье могилы,—Христос признался, что он есть Мессия, в чьих руках власть над миром и человеческим родом. И сказал Христос: «Мне дана вся воля на небе и на земле. Потому говорю вам: идите и приведите в веру все народы через крещение их во имя Отца и Сына и Святого Духа, и учите их жить, как я вам повелевал. И, смотрите, я ежедневно буду с вами до скончания мира...»

«Пастору хорошо,—мелькнула у Мелинды завистливая мысль,—у него и Отец и Сын и Святой Дух. У меня же одна лишь брошюра «Блокнот в помощь агитатору». Началась эпоха глупостей, подумала она машинально, но жить-то надо, а она всего лишь женщина.

Мелинда еще очень завидовала тем, кто с легкостью принял новые правила игры и следовал им с большой готовностью, конечно же с пользой для себя.

«Мне бы так,—подумалось машинально.—А ведь надо приспособиться. Лучше всего, пожалуй, перейти в торговлю... В Ориссааре требуется буфетчица... С докладом тогда не возиться...»

Гроб с Алфредом стали опускать в могилу. Мелинда очнулась от дум и шепнула Королю:

— Поди брось горсточку земли.

Король на кладбище присутствовал, но до его сердца происходящее не доходило. Он видел людей и не видел. Он их видел не целиком, а по частям: шер-

стяные платки, резиновые сапоги, ботинки, полушубки или заплатки на них — все в отдельности крупным планом; также и камни, песок, еловые венки — все отдельно от происходящего в целом. А люди... Он их видел всех, ощущал их массу, но слышал не то, что говорили, в том числе и пастор, — он осознавал гул, гомон, шепот. А сердце ничего не чувствовало, оно странствовало в прошлом — в долине Кадри, где лань пила из ручейка в Ночь Рождения Христа, потом на Сааре, на хуторе Куриный Нос, но больше в небесно-синем доме у реки Тори. Тори — символ свободы его детства.

— Поди, поди, — дошел с трудом до его сознания шепот Мелинды, и он встрепенулся, робко подошел к могиле и стал руками, словно собачонка, бросать-швырять землю в могилу. Тогда взрослые тоже, бросив по горсточке, принялись лопатами забрасывать гроб. Короля же оттащила Ида с У Большой Дороги.

Стали расходиться. Наверное, именно Король должен был быть в центре всеобщего сочувствия, на самом деле оно всеми почему-то высказывалось старому Юхану. Конечно, он похоронил сына, но ведь привык уже к потерям, и у него еще оставалось, кого терять. Король же потерял единственного отца, и это факт.

Но тем не менее именно вокруг Юхана суетилось население Сааре в стремлении доказать наибольшее к нему сочувствие. А Юхан молчал. Не простившись с пастором, зашагал прочь. У него будет еще время побыть здесь одному. Да и долго ли осталось приходиться. Вот дождется Ангелочка... В конце концов, сюда собираются все Рихарды, закончив пустышные житейские дела.

Итак, ушел осмотрительный Алфред, оказавшийся в капкане, расставленном политиками тут и там, но ход времени продолжается со страданиями народов,

политическими заблуждениями, поисками истины. Когда же наконец она отыщется? Как сказал Лоцман Счастья: слишком распространился в мире микроб жадности, все хотят всех перехитрить, надеются, что они единственные в состоянии правильно предугадать пути судьбы. Но уже сколько тысяч лет такое происходит на земле...

Кто из звенигоговских был в резиновых сапогах, прямиком пустились через лес, остальные на розвальнях. А Король? Он только сейчас осознал, что получил в наследство трон владения, называемый Жизнью. Отныне он сам будет в ней править-властвовать.

Отстали от всех и его друзья. Иван уже запалил свою трубку.

— Пошли к нам?! — позвал Иван и двинулся вперед в сторону Смолоспускового леса, в котором стоял их Дом Вороны. Да и куда еще? На Сааре Королю вовсе не хотелось, там уже и Вилки не стало...

Но у Лилиан было свое мнение. Она нерешительно, глядя просительно на Ивана, словно ница поддержки, проговорила:

— Отец же не против, что и он у нас поживет пока... — она явно имела в виду Его Величество. — А Иван будет жить у нас, — объяснила она Королю.

Наверняка у Вагнеров такого решения коллективного еще не принималось, по крайней мере относительно Короля, так что Лилиан и за отца тут решила, но Иван, похоже, с таким решением согласился с удовольствием. Он тут же принялся убеждать Короля, что Вагнер вовсе не страшный, не злой, что орет только тогда, когда без спросу трогают его вещи, и то больше напускает на себя.

Такой поворот дел удивил Короля. О, нет! Он уже не тот чудак, который бегал по городу, чтобы оповестить всех о дне своего рождения. Он уже многое знает о жизни.

До войны в Европе существовало одиннадцать официально учтенных историками королей и один, ими не учтенный, то есть Король Люксембургский. Теперь война подходила к концу и королей сильно побавилось. Король же Люксембургский ушел, можно сказать, в народ.

Хотя... Уйти-то в народ он ушел, но что его там ждало? Какие напасти стерегли в будущем? Что ждало их всех? Может, не стоило так уж ринуться, сломя голову, в массы? Если ты король, постарайся оставаться им до последнего, ибо в жизни так заведено: если ты хищник — рви, кромсай, жри без жалости; если же ты столяр — строгай, пили и делай свое дело на совесть; если же ты нищий — проси милостыню, иногда могут и дать, ибо не бывает добра, когда переходишь из одного качества в другое, как, собственно, и случилось с Алфредом. Но Его Величеству, если судить трезво, не из чего было выбирать, а его собственное качество еще не было известно. Потому что будущее оказалось затерянным в тумане, да и не только его одного.

ГЛАВА XV

В ночь после похорон Алфреда через лес Смолопуска пробивались к Святому кладбищу трое мужчин и женщина. Они тихо переговаривались явно нерезвыми голосами.

С другой стороны к нему шли еще трое мужчин, не отвлекаясь на разговоры. И они то и дело прикладывались к дорожной фляге. Кладбище не являлось их целью, оно не было для них местом встречи, конечная цель и у тех и у других располагалась далеко за кладбищем: первая группа во главе с Терезой должна была, миновав его, продолжать свой путь в Тылл-

усте, а зачем им туда понадобилось, об этом лучше и не гадать; другая же группа, во главе с Сула, встретив в Тыллусте нелицеприятных субъектов, то есть пограничников, решив из-за них немного изменить маршрут следования, добиралась теперь тоже через Смолоспусковый лес, чтобы выбраться на Сухоместовое шоссе, намереваясь по нему двигаться дальше к намеченной цели — в Сухое Место, чтобы оттуда перейти по льду пролив; одним словом, эти люди стремились на Большую землю. И той и другой группе не миновать было одинокого Дома Вороны, мимо которого пролегла единственная дорога в это время, тоже местами уже затопленная весенним половодьем.

Было уже за полночь, когда группа Терезы подошла к Дому Вороны. Кто-то из них стал прикуривать от зажигалки именно в тот момент, когда они поравнялись с деревянной вороной на столбе. Увидев ее саркастическую ухмылку, подошедшие обратили внимание и на дом; они начали соображать, что это за дом, чья собственность, и кто-то знал, что дом ничейный, что раньше в нем жили какие-то бедняки, сочувствующие, по слухам, красным; даже было известно, будто в немецкое время здесь скрывались от власти люди, за что их, кажется, отсюда и выселили куда-то... В таком случае, решили они еще, чего он тут стоит, этот дом, словно памятник этим негодьям? Поджечь его! К тому же темно, совсем не видна дорога под ногами и сколько им еще эту мокроту месить?!

Женщина известила, что осталось уже немного до кладбища, но чтобы не было темно — она вмиг все организует, осветит им дорогу аж до самого кладбища, и будет светло, как днем. Она подбежала к крыльцу и крикнула:

— Киньте спички! Освещу — светлее не бывает.

— Брось, Тереза, дурака валять! — сказал кто-то.

Еще сказали, что их ждут более стоящие дела, но кто-то уже бросил ей спички, и она разожгла подобранную сухую сосновую ветку и уже, приподнявшись на цыпочках, подержала ее, горящую, некоторое время под стрехой, соломенные торцы сразу взялись, и огонь весело разбежался, забираясь все выше, захватывая чердак.

— О-ля-ля! — восторженно вскричала Тереза, мужчины одобрительно гоготали, достали фляги, пустили по кругу. Они, собственно, никого не боялись, хотя для них время было опасное. Но здесь... Это место в стороне, лесное, да и ночь глубокая на дворе. А Тереза, удалая душа, хлопала в ладоши, глядя, как огонь разгорался все сильнее. Она чувствовала себя в своей стихии, ее переполняло это чувство, — она живет!

В Розвальнях на хуторе Ореха у нее старая мать, хотя не то чтобы очень старая, но вся ее жизнь — корова и поросята, куры и гуси... Отца унесла в могилу тяжелая крестьянская работа. У Терезы же никогда не лежала душа к крестьянскому быту: размеренная, тихая жизнь на земле в кустах орешника да можжевельника, ничего никогда не случается, и сколько она себя помнила — все тот же перезвон коровьих колокольчиков на пастбище, а в мире в это время столько происходило интересного, которое ей лишь изредка удавалось увидеть в кино, когда находила время выбраться в город. А любовь!..

Это, конечно, главное. Этого она хотела, чтобы было не хуже, чем как в кино. Был у нее один... романтик, она ему верила, как Богу, — ушел, паразит, к другой. Тереза в благодарность организовала ему пьянку и отравила грибами. Умер этот предатель в городской больнице. Ее не подозревали. Жестоко? Она считала так: неверно судачат бабы, будто виновата сама женщина, если муж или любовник уходит

к другой, во всяком случае, с нею-то было не так: она его отравила в утверждении, что не лажь, не хватай того, чем дорожить не собираешься, не бери чужое, чтобы лишь пользоваться, а затем бросить. Она — не вещь! Коровы и колокольчики, кусты разные, навоз — пусть это ее окружение, не она это себе выбирала, но во всем этом живет она — человек, с ее живою душою. Единственно, чего она боялась тогда, что он ей во сне станет являться, — нет же, даже во сне, подлец, не показывался.

Потом, с Рууди, когда убивали, она уже думала так: не явился один — не появятся и другие. Но теперь она решила проследить, чтобы Рууди оказался у нее... последним. А ведь тоже вертлявый тип, хотя в смелости ему не откажешь. Пока что она ему нужна, у него достаточно злости, твердости же не всегда хватает. Она его знала еще с детства, но раньше он как-то не привлекал. Когда же он сбежал из тюрьмы... Теперь они крепко связаны делами, уже многое стряслось с тех пор, теперь суждено им быть вместе до конца... любого конца.

Они еще постояли, позубоскалили в адрес тех, кто строил этот дом, полюбовались зрелищем, и действительно, стало светло от высоко поднимающихся языков пламени; лес как будто пробудился, загомонили первыми вороны, как всегда, когда где-нибудь в природе запахнет несчастьем. Затем Рууди объявил, что надо уходить: вдруг этот костер все-таки привлечет любопытных, ведь ночь, и зарево видно далеко. Поблескивая сталью оружия на ремнях, они продолжили свой путь.

Однажды в ателье Калитко на рисунке в альбоме Король увидел этот пожар, да, именно этот... Если бы он здесь присутствовал, наверно узнал бы изображенный на рисунке горящий дом в ночи, клубы черного дыма, сливающиеся с чернотой пространства над ле-

сом. Главное, он бы узнал ворону на столбе, он бы узнал эту хищную, даже не птичью, а сатанинскую сущность как бы торжествующей при освещении отблесков пожара. Кто бы мог подумать!

Сула с товарищами, бывшими рядовыми из его батальона самообороны, в это время уже проходили мимо кладбища. Они молча шествовали гуськом, стараясь не сойти с дороги, чтобы не провалиться в глубоком, мокром снегу. Каждый предавался своим думам. Сула сожалел, что нет с ним Алфреда, он часто подумывал о судьбе Алфреда и закончил про себя, что глупо с ним все получилось, без пользы для общего дела погибает человек: Сула не мог знать, что его коллегу по службе в самообороне уже похоронили тут же на кладбище, которое они только что миновали.

Вообще-то он не считал Алфреда образцовым солдатом — не тот уклад психики; по мнению Сула, Алфред абсолютно цивильная личность. Несмотря на такое обстоятельство, его тянуло к этому музыканту, он инстинктивно ощущал естественность и человечность Алфреда, даже как будто его некоторое моральное превосходство. Сула хотелось, чтобы его идеи и планы разделял и Алфред, не потому, что он сам в себе сомневался, в правильности своего пути, — нет, конечно, ибо он, Сула, знал, чего хотела его душа. А чего она хотела, душа-то? Она хотела, чтобы вернулось все, что было в его детстве, все отнятое чужими, чтобы, как раньше, следить в мировом искусстве или, скажем, в спорте за достижениями эстонских людей, а не... советских без роду и племени, но Алфред, его существование рядом, его участие в деле придало бы уверенности в успехе, ибо Алфред, и это сознавал Сула, человек исключительно осмотрительный.

Сула был родом именно с этой самой земли Мулги, где якобы жить хорошо, как напевал когда-то саа-

реский Юхан. Когда в освободительной войне погиб отец, Сула было тринадцать. Память об отце и стала для него путеводной звездой. Мать потом вышла за пьяницу, неплохого душою человека, но что от этого проку, когда жить им было тяжело. Но так они вместе, обнявшись, все-таки шагали к смерти: сперва умерла мать, потом и пьяница. Остался Сула один, работал поденщиком у богатых хуторян, потом поступил на работу в полицию бороться с бесконечными драками, поножовщиной, пьяницами, но не понравилось, надое-ло — перешел в «Союз защиты Родины», здесь дослужился до фельдфебеля.

Он всегда гордился лучшими людьми своей республики, это были и Керес, и Палусалу, и боксер Раадик. Он перечитывал книги Крейцвальда и Таммсааре и был счастлив, что родился именно в стране у Моря. В тридцать девятом он ушел в лес — это естественно; из леса наблюдал за арестами, вывозом народа и конечно же стрелял... когда возникала необходимость. Пришли немцы. Он их признал как цивилизованный народ, а из двух зол выбирают меньшее. Поступил в самооборону по тем же соображениям, что были у Алфреда, надеялся с помощью немцев избавить страну от коммунистов, чтобы с Божьей помощью, вернее, с помощью других цивилизаций, Англии, например, или Америки, затем и от фашистов. Такая уж доля малых народов — надеяться на помощь одних, чтобы избавиться от помощников других... Он устал уже, но не видно конца всем его разочарованиям.

Спутники Сула, похоже, были не из разговорчивых, по их решительным лицам можно лишь сказать: это люди, знающие, что хотят, во всяком случае, в намерении дойти до Большой Земли в леса они тверды. Они считали скорейшей необходимостью создание в лесах своего освободительного войска: конечно, кто

же сомневается в том, что русские будут называть их бандитами, как их собственных партизан в свое время называли немцы, ну да не в названии дело, и когда это было, чтобы приверженцы одних идей относились с уважением к приверженцам других. Сейчас на материке уже идет война лесная, но, судя по всему услышанному, не очень-то организованно, выступали небольшими группами, а то и в одиночку. Но все же они сила, с которой противник обязан считаться. К сожалению, на Острове трудно сколачивать бойцов, здешний народ на неурожайных землях всегда жил беднее, потому и к социалистическим идеям относился более сочувственно.

Думая об Алфреде, Сула вспомнил этот несчастный случай с Сессу — его сестрой. Обидно, что так вышло. Нет, он не считал себя виноватым, разве знал он ее в лицо? Ему только потом кто-то из рядовых подсказал, что одна из расстрелянных... Он тогда в обморок не упал: война есть война и нечего в это соваться кому не лень, тем более детям. А он солдат, и тогда он выполнял приказ. Ведь и Алфред, выполняя воинский долг, арестовал не кого-то, а собственную мать! Что же он хочет от него?! Но как в мире все переплетено!..

— Что-то горит,— произнес один из самооборонцев. Сула и сам увидел вдруг впереди яркие вспышки света, встречный ветер доносил едкие запахи гари, даже слышался треск, характерный при пожаре. Очевидно, лесной сеновал или...

В темноте на дороге из-за поворота показались силуэты людей на фоне слабого света пожара. Кто такие? Сула с товарищами сунулись в карманы...

— Кэс те олете *? — крикнули одновременно с обеих сторон и, словно сговорившись, ответили одновременно:

* Кто вы такие? (эст.)

— Инимезедь!*

Несмотря на то что ответы подтвердили родственность их природы, ни те, ни другие не проявили радости по такому случаю. Надо же! Человеческий род существовал на земле сотни тысяч лет до Иисуса Христа, оставалось дожить до конца двадцатого столетия, а доверять друг другу «люди» до сих пор так и не научились.

После нескольких уточняющих вопросов, задаваемых и теми и другими, «люди» стали наконец осторожно друг к другу приближаться. Скоро тени одних достигли ног других, тогда они остановились, чтобы рассмотреть себя получше.

Где-то вддали каркали вороны. А люди стояли, готовые в любой миг убивать. Но разве допустимо, чтобы занимались этим кому не лень; что они все лезут не в свое дело! Право на убийство — принадлежность большой политики государственного масштаба, тут грамотные люди знают, кого и сколько надо укокошить... Так нет же, людям и кустарным способом, в одиночку, охота убивать, — сколько доступно, сколько возможно.

Но вот Тереза узнала Сула, ведь он был при немцах даже более видным человеком, чем ему хотелось: и он так же, как и Алфред, ходил рядом со строем самооборонцев и тоже командовал «запевай»! Случалось Терезе видеть его на улицах Журавлей. Ну а Сула тоже про нее и Рууди конечно же был наслышан. Ведь слава!.. Выходит, все свои?

— Так-то оно так, да не совсем, — определил Сула осторожно, — у нас как будто разные дела...

— Почему же разные, — не доходило до Рууди, — если все мы красных бьем?

* Люди! (эст.)

— Но и не красных тоже,— отметил Сула, намекая на сущность обыкновенного разбоя славных дел Рууди.

Кому-то из сопровождавших Рууди не понравилось сказанное, он с гневом в нетрезвом голосе и даже вызывающе заинтересовался, какое у Сула право выяснять, кого и за что они наказывают (он так и выразился: «наказывают»), кто сам-то он? Сула хоть и был довольно пылкого нрава, тем не менее он не хотел с ними ссоры, потому предложил:

— Так и быть, присоединяйтесь, вместе отправимся на Большую Землю. Море еще держит, перейти вполне можно. К тому же что нам в такое время делить, перед красными мы так или иначе на одинаковом счету.

Он сказал так, даже не вдумываясь в смысл, который получился неудачным; что вообще-то они все-таки неодинаковы, следовательно, кто-то лучше, а кто-то хуже. Но кто хуже?.. Да, конечно, лучше бы Сула так не говорил. К тому же и Тереза почувствовала опасность для себя лично: если они пойдут на Большую Землю, там она может потерять свою власть над Рууди, там мужчины собираются создать лесное войско, но в этом деле она одна среди многих, командиров много найдется, здесь же командирствует она. Ведь Рууди... Он и раньше заикался, чтобы еще поискать людей в группу,— от трусости у него такие мысли: среди большего количества людей он чувствовал бы себя смелее, ибо ответственность делили бы поровну. Она его всегда отговаривала: чем их меньше, тем проще маневрировать. К тому же на острове немало швали, действующей под маркой Рууди,— и хорошо, пусть, это создает представление о его неуловимости и грозности, словно он вездесущий. А тут, судя по словам Сула, их считают даже не очень-то достойными.

— Значит,— ввязалась Тереза,— мы равные только в глазах красных... А вы, значит, лучше нас. Вы — борцы за свободу, а мы... Кто мы? Выходит, вы нам милостыню бросаете...

В образовавшейся тишине послышался треск пожара и вороны выражали свое возмущение происходящим. Тереза прикинула: в сравнении с ними, эти трое вооружены худо, в ее распоряжении не только карманные пушки, а все-таки автоматы.

О телепатии в мире говорят давно, но есть она или нет? Здесь же, возможно, кто-то подумал одинаково с Терезой или это была случайность, но раздался выстрел, и один из товарищей Сула, схватившись за живот, повалился на дорогу.

Это уж слишком! Не успел пристреленный коснуться дороги, а Сула осмыслить ситуацию, но он уже стрелял, и один из сообщников Рууди тоже свалился. Сам же он, мгновенно отпрянув в сторону, пустился бежать в том направлении, откуда они только что пришли, за ним мчался второй из его самооборонцев, отстреливаясь на бегу. Тереза, Рууди с третьим мужчиной, прилично отстав, поливая из автоматов, замыкали «кавалькаду». Скоро им удалось подстрелить товарища Сула. Сула мчался изо всех сил. Худой и легкий, он бегал хорошо, к тому же был трезвее догонявших. Но не эти достоинства его спасли, а именно то, что одному русскому пограничнику захотелось писать...

Пограничники ехали из Тыллусте, то есть оттуда, откуда еще не так много времени назад, встретившись с ними, ушли Сула с товарищами, куда, в свою очередь, зачем-то направлялись Тереза и Рууди со своими. Пограничники ездили в Тыллусте по сигналу местного жителя. Из города на двух трофейных виллисах выехали на облаву лейтенант и семеро бойцов.

Вообще-то дело пограничников — охранять грани-

цу. Но в местном отделении МГБ не хватало сотрудников, да и в штабе истребительного батальона не всегда присутствовало нужное количество людей. Вот и позаимствовались, как уже было не раз, у пограничников. В качестве проводника с ними ездил уже знакомый сотрудник МГБ — Скелет.

Скелет не случайно попал в проводники: он всегда находился под рукой. С некоторых пор служба в МГБ стала смыслом его жизни. Родители его не имели сил победить в борьбе с камнями на своих небольших полях, ему тоже пришлось из-за этого несладко: нанимался в поденщики на богатые хутора. Случались обиды, бывали и побои. В детском возрасте случившееся надолго омрачает жизнь.

Русским, пропагандирующим социализм, он поверил, тем более что открывалась возможность поступить на казенную работу с перспективой выслужиться. Что избивал иногда то одного, то другого — что ж, и его избивали! И это естественно: человек, который при одном режиме унижен, при другом старается выисаться. Потому-то он всяких разных бандитов или «лесных братьев» ненавидел. У некоторых из них, Скелет об этом слышал, имеется мечта: как встретятся в Германии союзные войска — войне не конец, а начало новой, между союзниками теперь: танки англичан и американцев пойдут вперед, не останавливаясь, и конец Советам: они немцами вымотаны — зажмут легко. Скелет знал: есть у многих такая надежда. Он верил тому, что режим, простоявший двадцать семь лет, — простоят нерушимо и дальше. Так он думал о Советском государстве, которому решил посвятить свои устремления. Если всякий человек имеет право на свою правду, то и он, Скелет, тоже.

Итак, не найдя в Тыллусте разыскиваемых, пограничники возвращались в город, разместившись по нескольку человек в каждой машине.

Уже почти доехали до Святой церкви, когда молодому пограничнику из первой машины понадобилось облегчиться. Остановилась и вторая. Говорят, смех и зевота заразительны... Не только они. Скоро на краю дороги, построившись в ряд лицом к северу, солдаты «расписывали» снег кто как умел. Тут-то и увидели они вдали за лесом зарево, затем услышали стрельбу. Живо уселись они по машинам и помчались. Скелет, знавший местность, показывал дорогу. Подъехали к кладбищу — дальше стало невозможно, машины вязли в снежной каше. Отправились пешком и быстро убедились: от дороги отходить неразумно, тут же приходилось барахтаться в мокром и глубоком снегу.

Бежавший изо всех сил Сула заметил пограничников раньше, он отпрянул с дороги, кувырнулся в снег, провалился в него и остался лежать неподвижно. Пограничники прошли мимо него, привлекаемые выстрелами впереди: стреляя наугад, чтобы попасть в Сула, дали знать о себе люди Рууди. Они заметили пограничников, когда лейтенант крикнул им по-русски:

— Стой! Стоять! Руки вверх! — хотя сам лег и остальные пограничники за ним.

Эту фразу «руки вверх» знали даже те, кто совсем не понимал русского языка, так же как и ее немецкий вариант: «Хенде хох!». Пока пограничники нежились на мокрой дороге, тройка бандитов живо побежала назад, превратившись из охотников в дичь. Теперь уже они отстреливались на бегу. Рууди сообразил, что они будут спасены, если успеют добраться до Сухоместового шоссе, перемахнуть его, затем через Звенинога проскочить дальше — до Розвальней, там-то, может, и удастся затеряться. Пограничники, гонясь за ними, тоже, естественно, стреляли, и на этот раз их огневая мощь превосходила возможности храбрых раз-

бойников. В результате скоро Рууди и Тереза мчались уже вдвоем. Третий был или убит, или тоже ухитрился нырнуть где-нибудь в сугроб. Странно, конечно, но почти всегда происходит так, что главари не могут воспользоваться такой же простой хитростью, потому что всегда удирают впереди, во главе, как и полагается главарям...

Рууди с Терезой очень старались, но пограничники их явно догоняли. Солдаты — люди молодые; на Острове без дела тосковать стали о своих домах, развлечениях здесь тоже скупо: кино иногда, еще письма из России... А тут вдруг открылась возможность поразмяться: хоть какое ни на есть, а приключение. Страх придавал любовникам решимости на единственный шаг, способный спасти, — они ушли с дороги в лес, здесь продолжали барахтаться из последних сил, будучи насквозь мокрыми; они продирались через сугробы, глубокие поляны, таща автоматы и сумки с кассетами патронов. Порою их путь причудливым светом озарялся от вспышек уже далеко отставшего пожара, жутковато заблестела черная вода меж кустами, кажущаяся бездонной.

Если беглецов подгонял страх, то пограничников приказ лейтенанта. Однако они были натренированные, к тому же на службе научат многому, что может пригодиться в экстремальных ситуациях. Рууди и Тереза спешили вперед, не заботясь о следах, которые могут оставаться даже на воде. У пограничников ведь имелись фонари...

У Терезы уже совсем не оставалось сил, выдохся и Рууди. Наконец они выбрались на большое поле, окруженное со всех сторон лесом, посредине образовался островок из крупных валунов, извлеченных крестьянами из земли, — скорее туда! Здесь можно передохнуть, сюда никому не подойти, а патронов у них еще достаточно. Они залегли за камнями. Вскоре по-

казались меж деревьев — качающиеся вверх-вниз огни. Беглецы оказались словно в сказке с блуждающими болотными огоньками, но то были не светлячки, а пограничники. Надо было немедленно погасить эти «светлячки»... Они открыли стрельбу по ним, и светлячки тут же пропали, превратившись в яростные автоматные очереди. Спустя некоторое время, Тереза отметила, что по их убежищу стреляют со всех сторон. Значит, окружили...

«Это конец, — дошло до ее сознания, — отсюда уже не выбраться», — и она прошептала Рууди:

— Умрем в бою? Умрем хотя бы храбро. Нас не возьмешь!

Рууди как будто не был расположен умирать... даже храбро.

— Надо сдаваться, — прохрипел он ей дважды, чтобы она поняла, но она не была расположена это понимать, просто была не в состоянии: этот ответ для разгоряченной боем и погоней женщины был неожиданным: как?! Опять ее бросают! А что их ждет? На что он надеется? Тогда зачем?.. Но поняла: он готов сдаться. Она решила: лучше с ходу, пока не остыла, пока не одолели сомнения и жалость. Со словами: «Прощай, любовник!» — она выпустила в него очередь из автомата, после чего направила оружие к собственной груди, и оно в последний раз, коротко стрекотнув, замолкло.

Пограничники некоторое время еще продолжали стрелять. Не услышав уже более ответных выстрелов, перестали и они. Над полем и лесом воцарилась относительная тишина.

Дом Вороны догорал. Сгорела и деревянная ворона вместе со столбом. Желавших любоваться этим затухающим «костром» оказалось немного — лишь

тени. Они, чем ниже опускался огонь, осмелев, подходили все ближе. И промолвила Тень совы с явной обидой: «А ведь еще недавно за окном этого домика жила радость!.. Уходят, наверное, в прошлое искренность, сочувствие и доверие. Недолго нам ждать, когда за собственную лживость, трусость и лицемерие родители станут кроваво карать сыновей и дочерей своих...»

«А может, мы все есть сказка,— выразила надежду Тень лани,— может, всего этого нет вовсе и не существует мира теней?»

«Нас не будет,— проворчала Тень лисы,— когда пожар совсем погаснет. Скоро утро, и нам бы немного передохнуть»...

Тени отступили в лес, чтобы с рассветом вновь появиться. Когда же начался новый день, они его проспали из-за густого тумана.

Горожане с утра пораньше, как всегда, отправились на базар, за ратушей, чтобы обеспечить себя продуктами, привозимыми из деревень крестьянами, и стали свидетелями того, как через город тащилась странная и жутковатая процессия: впереди медленно катил уже знакомый «виллис» с пограничниками и Скелетом (другая машина еще раньше примчалась в город с лейтенантом и раненым молодым пограничником, тем самым, которому там ночью на дороге приспичило писать — поразмялись! Разве не нелепость получить пулю в чужом краю уже в конце войны!) За машиной, на трех санях-розвальнях, уложенные в каждой по два, проследовали покойники; извозчики шагали рядом с лошадьми, которые хрипели, косили испуганными глазами по сторонам, нехотя тянули сани. На первых санях бок о бок лежали останки Терезы и Рууди.

Доехав до ратуши, процессия повернула на базар, и ранние посетители с любопытством постепенно их окружили. Тут же из дома МГБ, расположенного неподалеку, вышли офицеры и подошли к саням. Скелет перевел их обращение к окружавшим людям: если они узнают кого-либо из покойников, чтобы объявили об этом, не стесняясь.

Люди толпились вокруг саней, с интересом всматривались в убитых, но никто их не узнавал. В самом деле, кому охота!.. Исключительное внимание привлекли лежавшие рядышком на погребальном транспорте останки любовников, женщины особенно пристрасно рассматривали Терезу: значит, вот она какая, которая проводила ночи с убийцей... И невозможно было понять выражение их глаз: что в них? Страх, любопытство лишь или... даже зависть? Ведь жутко же, и необычной должна быть такая страсть! Но ни Терезу, ни Рууди тоже никто узнавать не согласился. Позднее говорили, будто мать Терезы на базаре была, будто тоже к саням подходила, но и она свою дочь не узнала...

Правда это или нет, но если правда, то в этом-то и заключается разница в деле убивания: когда убиваешь по приказу государственных людей, королей или премьер-министров — тебя могут благословить даже священники, а это значит, что Бог тебе этот грех как бы заранее прощает. Когда же занимаешься этим кустарным образом — от тебя может отвернуться и мать родная.

Примерно в это же самое время на море в направлении порта Навозного, борясь со встречным восточным ветром, осторожно обходя полыньи, шагала одинокая фигура Сула с длинной палкой в руке, которой он тут и там проверял прочность льда у расщелин —

лед на море уже сильно истончился, и переходить пролив в такое время рискованное дело.

Сула пробивался не прямо против ветра, а чуть-чуть правее, чтобы на другом берегу выйти в нужное место, — к лесам Западной земли, откуда он дальше намеревался идти в леса Мокрой земли, где его ждали. Он промок с ног до головы, но не это его сейчас беспокоило — сомнения одолевали, и это уже было скверно. Нет ничего в мире отвратительнее, чем сомнения.

Может, прав Алфред, прикидывал Сула, что держался в стороне от лесной войны? Ты тут стараешься, мечтаешь о свободе для своего народа, а этот народ, вместо того чтобы помочь, пулю тебе в спину!.. А ведь и такие выдают себя за борцов — освободителей от коммунизма; и если в мире по ним станут судить о «лесных братьях», — что же получится?! Значит, Сула и с подобными «борцами» тоже необходимо... бороться. Посильна ли задача для столь малочисленного народа? Который к тому же по всему свету растаскан, разбросан, расколот и физически и политически; как непросто теперь разобраться, кто кого и за что бьет... Но и сидеть сложа руки, считает Сула, тоже не дело. Ведь как бы там ни было, а жизнь — это действие. Кажется, такой философии придерживался и майор Майстер, заканчивая свои действия на полуострове Сырве в ночной резне.

Вот какие мысли бередили усталое сердце фельдфебеля Сула, который к тому же в любую минуту мог провалиться в море, если не разгадает прочность льда под ногами. А ориентироваться и на проливе стало труднее из-за густейшего тумана, окутавшего целиком эту землю у Моря.

Конец

Ахто Леви

Такой смешной королю

Повесть третья

КАПКАН

Заведующий редакцией

А. Бармасов

Редактор

Т. Зыкова

Художник

Ф. Барбышев

Художественный редактор

И. Лопатина

Технический редактор

Н. Калининичева

Корректоры

З. Комарова, Е. Коротаева

ИБ № 4833

Сдано в набор 02.04.91. Подписано к печати 06.08.91. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отг. 11,55. Уч.-изд. л. 11,28. Тираж 50 000 экз. Заказ 1819.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Леви А.

Л36 Такой смешной король! Повесть третья: Капкан.— М.: Моск. рабочий, 1991.— 252 с.

Действие повести «Капкан», завершающей трилогию, происходит в 1945 году: заканчивается вторая мировая война, на Островную Землю возвращается Советская власть. Вынужденное приспособленчество Алфреда приводит его к гибели. Определилась и судьба главного героя: «смешной Король» уходит «в люди», во взрослую жизнь.

Л $\frac{4702010201-12}{M172(03)-91}$ 100-91

ББК 84Р7-4

В 1991 году
в издательстве «Московский рабочий»
выходят следующие книги:

Р. Гуль
Я УНЕС РОССИЮ
(Апология эмиграции)

Г. Чулков
ИМПЕРАТОРЫ

1 p. 50 k.

АХТО ЛЕВИ

ТАКОЎ СМЕШНОЎ КОРОЛЬ!

Повесть
третья

KURESSAARE

DISTRIBUTED BY
EAST VIEW PUBLICATIONS
1 (800) 477-1005
FAX (612) 559-2931